

Фриц Риман

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СТРАХА

Исследование в области глубинной психологии

Перевод с немецкого Э.Л. Гушанского

Предисловие

Представленная на суд читателя книга Ф. Римана «Основные формы страха» дерзновенна и глубоко человечна.

В ней делается мужественная попытка, вооружившись знаниями глубинной психологии и философии экзистенциализма, понять человека, понять самого себя. Человек неисчерпаем, его самопознание ограничено, так как духовная сущность личности лежит за ее пределами. Любое самопознание человека приближает его к Богу, оно мучительно, печально, требует смелости и убеждает в собственном бессилии. И все же без таких попыток познать самого себя и совершить свободный выбор для своего становления и своей истории невозможна духовная жизнь человека.

Человечность самопознания заключается в том, что, лишь пытаясь понять причины развития своей личности, расчищая родники нашей жизни, мы способны преодолеть собственные страхи и предрассудки, освободиться от оков предубеждений и стать по-настоящему свободными.

История человека и человечества — это борьба за свободный, осознанный выбор, это тяжкий, но необходимый путь познания, начавшийся тогда, когда человек, преступивший запрет, был изгнан из рая и ценой своей жизни, отказавшись от бессмертия, приравнял себя к Создателю.

Эта книга глубоко гуманна потому, что она помогает человеку осознать свои страхи, найти их корни в раннем психическом развитии, обратить внимание на важность воспитательных мер в профилактике страхов, в гармонизации личности и общества. В этом ее психотерапевтическое значение для каждого читателя и в особенности для личности, страдающей невротическими расстройствами и страхами.

Книга Ф. Римана не является учебным пособием для психиатров и психологов. Но, вместе с тем, она учит тех и других бережному отношению к симптомам невроза, к страхам и помогает различить за фасадом симптомов глубинную причину личностной трагедии, личностной сущности.

К сожалению, наша отечественная психиатрия в силу разных причин (в частности, социальных) оторвана от своих психологических и философских корней и ориентирована, в основном, на распознавание и лечение симптомов и синдромов, этих внешних проявлений болезни.

Задачей гуманизации психиатрии, социально-правовой реабилитации лиц с психическими расстройствами, направленности лечебных и психотерапевтических мероприятий на восстановление достоинства личности является выявление причин лежащих на поверхности симптомов страха и тревоги. Для того, что бы помочь пациенту преодолеть страхи и другие невротические нарушения, врач и психолог должны осознать, что означают для личности больного эти симптомы, какую защитную роль они играют, каковы особенности становления личности невротика и на какой стадии развития возникли конфликты, при ведшие к неврозу.

Такой путь познания болезни психиатром и психологом требует от них личного мужества (ведь одновременно с познанием другого ты мучительно анализируешь собственную жизнь), самоотдачи, эрудиции и непредвзятости. Нельзя познать и понять духовную сущность человека, не приобщившись к духовной со кровищнице человечества

Читатель этой книги отправляется в путь, ведущий к самоочищению и самопознанию. Желаю ему благополучного окончания этого увлекательного путешествия. Книга Ф. Римана послужит ему добрым и умным путеводителем.

Я глубоко уверен, что лишь освободившиеся от цепей страха люди способны организовать для себя достойную среду обитания.

Врач-психиатр, канд. мед. наук.

Э.Л. Гушанский

Моей жене

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СТРАХА

Введение

•

О существе страха и о противоречиях жизни

Страх является неизбежной принадлежностью нашей жизни. Постоянно изменяясь, он сопровождает нас от рождения до смерти. История человечества от прошлого до настоящего состоит из попыток преодолеть, уменьшить, пересилить или обуздать страх. Магия, религия и наука прилагают усилия для этого. Посвящения себя Богу и любви, исследование законов природы, аскетический образ жизни и философское познание едва ли устраняют страх, но помогают его переносить и, может быть, делают более плодотворным наше развитие. Надежда на возможность прожить без страха остается иллюзией; он содержится в нашем существовании и является отражением нашей зависимости и нашего знания о неизбежности смерти. Мы можем только пытаться противопоставить развитию страха наше мужество, доверие, знания, силу, надежду, покорность, веру и любовь. Это может помочь нам ужиться со страхом и объяснить его, но он постоянно побеждает вновь. К методам, которые направлены на освобождение от страха, мы относимся скептически; они несправедливы по отношению к бытию и возбуждают несбыточные ожидания.

Хотя страх неотступно пронизывает нашу жизнь, это не обязательно означает, что мы продолжительное время осознаем его. Он может возникать в сознании лишь на мгновение, концентрируясь на внутренних или внешних переживаниях. Мы имеем склонность с помощью различной развивающейся техники смягчать, преодолевать, успокаивать, обманывать и отрицать страх. Однако, как смерть не прекращает свое существование, несмотря на то что мы о ней не думаем, так не исчезает и страх.

Страх существует независимо от культуры и уровня развития народа или его отдельных представителей; единственное, что изменяется, — это объекты страха, ибо, как только мы полагаем, что победили или преодолели страх, появляется другой вид страха, а также другие средства и мероприятия, направленные на его преодоление. Мы в настоящее время не боимся больше грома и молнии, солнечных и лунных затмений и относимся к ним как к интересным явлениям природы, но не можем избавиться от

переживаний страха, так как исчезновение некоторых предрассудков не исключает возможности гибели мира. В связи с этим мы сегодня испытываем страх перед угрозой новых болезней, перед возможным несчастным случаем на транспорте, страх старости или одиночества.

Методы борьбы со страхом до сих пор почти не изменились. Только вместо принесения жертв и магических заклинаний сегодня модно прикрывать страх с помощью фармакологических средств, но он по-прежнему остается с нами.

Новой серьезной возможностью переработки страха является современная психотерапия в ее различных формах: она, в первую очередь, вскрывает индивидуальную историю развития страха, исследует его взаимосвязь с индивидуально-семейными и социально-культурными условиями и организует «очную ставку» индивидуума с источниками его страха в целях его плодотворной переработки и преодоления.

Очевидным является закономерность жизни, переживаемая от ее колыбели до наших дней, — преодолевая определенные страхи благодаря успехам науки и техники, мы обмениваем их на новые страхи. В сущности, страх является неизбежным спутником жизни, иного не дано. Один новый вид страха относится к нашей теперешней жизни: мы знаем, что страх увеличивается тогда, когда наш образ жизни и деятельности изменяется вопреки нашему желанию. Мы испытываем страх перед тем, что можем лишиться собственных сил, мы думаем об опасностях, которые могут нанести нам злоупотребление атомными силами или нарушение природного равновесия. Наше существование носит двойственный характер и кажется нам бумерангом, направленным на нас самих. Наша воля к могуществу, любви и смирению ошибочна, так как воля к могуществу и обладанию направлена против природы и жизни и вызывает у нас страх, который при манипулировании им вызывает душевную опустошенность. Если раньше человек испытывал страх перед силами природы, будучи беззащитным перед нею, угрожающими демонами и могущественным Богом, то теперь мы боимся самих себя. Представляется иллюзией, что прогресс и в равной степени регресс имеют влияние на наши страхи. Иногда это может быть и так, но следствием (прогресса или регресса) являются новые страхи. Переживание страха содержится в самом нашем существовании. Общепринятым является то, что каждый человек имеет свои личностные видоизменения страха: страх тем меньше выражен, чем более абстрактными являются для данной личности смерть, любовь или другие представления. Каждый человек имеет собственную индивидуальную форму страха, которая так же относится к образу жизни человека, как присущая только ему форма любви и его собственная, индивидуальная неизбежность смерти. Страх индивидуален и отражает личностные особенности каждого человека, он имеет место при всех общественных устройствах. Наш личный страх связан с нашими индивидуальными условиями жизни, нашей предрасположенностью и нашим окружением, он имеет свою историю развития и начинается, практически, с момента начала нашего развития (т. е. рождается вместе с нами). Если рассматривать страх «без страха», то создается впечатление, что он имеет двойственный аспект: с одной стороны, страх активизирует нас, а с другой — парализует. Страх всегда есть сигнал и предупреждение об опасности, в равной степени он содержит предложение, т. е. импульс к преодолению этой опасности. Предположения об источнике страха и его осознание свидетельствуют об определенной ступени развития, о достижении зрелости. Уклонение от формулирования и объяснения страха приводит к его стагнации; это тормозит наше дальнейшее развитие и оставляет нас на том уровне детства, когда

границы страха непреодолимы.

Страх всегда возникает в тех случаях, когда мы оказываемся в неразрешимой или еще неразрешенной ситуации. Каждое развитие, каждый шаг к зрелости связаны со страхом, если они приводят нас к чему-то новому, до этого неизвестному и неизведанному во внутренней или внешней ситуации, не пережитому нами. Все новое, неизвестное, впервые случившееся или пережитое, наряду с привлекательностью нового, влечением к авантюрам и риску, также сопровождается страхом. Так как наша жизнь всегда приводит к новому, недостижимому и неизведанному, ее всегда сопровождает страх. Он появляется раньше всего в сознании как важный пункт нашего развития и по мере взросления утрачивает привычные пути и направления для разрешения или преобразования новых задач. Развитие, взросление и созревание со всей очевидностью сопровождаются деятельностью по преодолению страха, и каждый возраст с соответствующими степенями зрелости сопровождается страхом, который возникает вновь и усиливается после преодоления каждой ступени.

Представляются совершенно нормальными страхи, связанные с возрастными изменениями, которые здоровый человек переносит и перерастает и которые важны для его успешного развития. Вспомним свои первые самостоятельные шаги в детстве. Мы испытываем страх, возникающий тогда, когда материнские руки впервые оставляют нас, и страх одиночества перед необходимостью преодоления свободного пространства. Вспоминая о наиболее значительных событиях нашей жизни, мы говорим о страхе, который овладевает ребенком в начале школьного периода его жизни, когда ребенок меняет привычные в семье отношения на новое общество и утверждает себя в этом обществе. Мы вспоминаем наше отрочество и юность с первым знакомством с противоположным полом, эротическим томлением и тягой к сексуальным встречам, первые шаги профессиональной жизни, создание своей собственной семьи, материнство, наконец, родителей и встречу со смертью — и всегда находим страх, который овладевает нами перед первым приобретением нового опыта.

Все эти виды страха являются органичными составляющими нашей жизни, так как связаны с соматическим, душевным и социальным развитием, с овладением новыми функциями при вступлении в общество или содружество. Страх всегда сопровождает каждый новый шаг по пересечению границ привычного, требующий от нас решимости перейти от изведанного к новому и неизвестному.

Наряду с этими страхами имеется изобилие индивидуальных страхов, нетипичных для указанных выше пограничных ситуаций. Эти страхи не могут быть поняты другими, потому что они непознаваемы для нас самих. Для одних пусковым механизмом страха является одиночество, для других — скопление людей, у третьих приступы страха возникают, когда они переходят через мост или пустое пространство, четвертью не могут находиться в замкнутом пространстве; некоторые испытывают страх при виде безвредных безобидных животных — жуков, пауков или мышей.

Итак, представить себе все многообразие страхов у различных людей практически невозможно, так как при ближайшем рассмотрении мы можем выделить новые варианты определенного страха. Именно поэтому желательно определить и описать «основные формы страха», к которым можно отнести все возможные страхи. Страх в своих экстремальных вариантах может принимать разрушительные формы или переноситься на другие объекты. Дело в том, что мы имеем склонность связывать непреодолимый и переработанный страх с совершенно безобидными эрзац-объектами, от которых легче уклониться, чем от истинного источника страха.

Основные формы страха взаимосвязаны с нашим самочувствием в этом мире и с нашей напряженной распределенностью между двумя большими антиномиями, которые мы переживаем в их неразрывной противоположности и повторяемости. Я хотел бы обе эти антиномии в равной степени прояснить, включая их в надперсональный порядок и закономерности, которых мы не осознаем, но которые все же существуют.

Рождаясь в этом мире, мы повинuemся четырем могущественным импульсам: наша Земля вращается вокруг Солнца, являющегося также центральным светилом нашей собственной мировой системы, чье движение мы определяем как революцию или переворот. Одновременно Земля вращается вокруг своей оси, что называется ее собственным вращением. Таким образом, существуют два взаимоисключающих или взаимодополняющих импульса, которые поддерживают нашу мировую систему в движении, к которому принуждают два направления: силы тяжести и центробежной силы. Сила тяжести поддерживает целостность нашего мира, стремясь вовнутрь, к его центру, и удерживая его от распада. Центробежная сила направлена от центра наружу, она стремится к расширению и, будучи отпущена, направлена на отделение и непрерывное движение. Только взвешенное взаимодействие этих четырех импульсов гарантирует закономерный и подвижный порядок жизни, в которой мы пребываем и которую называем космосом. Преобладание или выпадение одного из видов движения нарушает или разрушает этот вселенский порядок и приводит к хаосу.

Представим себе, что Земля израсходует один из этих основных импульсов. Пусть, например, произойдет переворот, в результате которого Солнце будет вращаться только вокруг собственной оси, вследствие чего нарушится порядок, согласно которому Солнце является центром, вокруг которого движутся другие планеты. Мы не можем предписывать Солнцу его пути, так как оно живет по своим законам.

Земля имеет собственное вращение и, кроме того, совершает вращение вокруг Солнца, оставаясь вместе со своим спутником-Луной на определенной планетарной ступени; при этом Земля и Солнце находятся во взаимной зависимости друг от друга. В обоих случаях планетарные законы и законы вращения Солнца взаимозависимы и, следовательно, их независимое существование разрушительно.

Далее. Если Земля лишится силы тяжести и будет находиться только под влиянием центробежных сил, неизбежно разрушение привычных направлений и хаотическое движение, которое может привести к столкновению с другим космическим телом. А в случае, если силе тяжести не противостоят противоположные по направлению центробежные силы, это может привести к полному окостенению и неподвижности или к пассивной зависимости от других сил, противостоять которым не представляется возможным.

Эти сопоставления, изложенные в аллегорической форме, поразительно соответствуют положению человека, как обитателя нашей Земли и крошечной частички Солнечной системы подчиняющегося закономерностям этой системы и, вместе с тем, находящегося под влиянием инстинктивных бессознательных сил и одновременно выполняющего в латентной форме их требования.

Мы испытываем потребность каждый основной импульс в человеческой сфере перевести на язык психологии, находя соответствие им в переживаниях, столкновение которых проявляется в упомянутых выше противоположностях, и при этом определяем основные формы страха, которые взаимодействуют на глубинных уровнях человеческого духа.

Ротация, собственное вращение, соответствует психологическому смыслу требования индивидуальности, т. е. является условием индивидуального существования.

Революция, движение вокруг Солнца, нашего центрального светила, соответствует требованиям подчинения великой общности; наши собственные закономерности и наши собственные желания ограничены в пользу сверхперсональных связей.

Центростремительное направление, сила тяжести на психическом уровне соответствует нашему стремлению к постоянству и устойчивости; и, наконец, центробежное направление или центробежные силы соответствуют нашему стремлению вперед, к изменениям и переменам.

В этих понятиях могут быть описаны и другие антиномии: они содержатся в противоречии повторяющихся требований устойчивости, с одной стороны, и изменчивости — с другой.

В соответствии с этими космическими аналогиями мы обосновываем четыре основных требования, которые повторяются и взаимно дополняют друг друга во всех наших стремлениях. В сменяющихся формах проходит вся наша жизнь, и мы всегда хотим по-новому отвечать на ее требования.

Первое требование, соответствующее в нашей аллегории ротации, означает, что каждый индивидуум для достижения самостоятельности и неповторимости своей личности должен отграничить себя от остальной человеческой массы, не обмениваясь с нею своими особенностями. К этому требованию присоединяется страх, который угрожает нам, когда мы отделяем себя от других, возникающий с момента рождения и связанный с тем, что мы являемся частью общности и боимся одиночества и изоляции. На всех уровнях, будь то расовые, семейные, национальные, половые, связанные с нашими надеждами или с нашей профессией, мы принадлежим к определенным группам, к которым мы испытываем чувство близости и родственной принадлежности, и вместе с тем, будучи индивидуумами и единичностью, стремимся к четкому различию от других людей. Это приводит к тому существенному факту, что одним из основных наших желаний является стремление не смешиваться с другими людьми и однозначно идентифицироваться с самим собой. Наше существование похоже на пирамиду, чье основание покоится на типичном и всеобщем, а вершина стремится освободиться от связи с всеобщим и увенчаться индивидуальным и единичным. С началом и развитием нашей единичности, т. е. с процессом индивидуализации, который К.-Г. Юнг назвал процессом развития (*Entwicklungsvorgang*), мы выходим из системы отношений, описываемой формулой «быть таким же, как другие» («*Auch-wie-die-anderen-Seins*»), и переживаем нашу единичность (единственность) и индивидуальность с чувством страха. Чем больше мы отделяемся от других, тем больше мы подвергаемся воздействию неуверенности, непонимания и отвергнутости. Не рискуя, с другой стороны, оторваться от коллектива и от типовой принадлежности, мы развиваем свою индивидуальность, решительно отстаивая свое человеческое достоинство.

Второе требование, соответствующее в нашей аллегории революции, состоит в том, что мир, жизнь и человеческое сообщество открыты для нашего участия и требуют для этого отказа от «Я», а в противном случае являются чуждыми, существующими независимо от нас и вне нас. Второе требование подразумевает, как это вытекает из всего смысла изложенного, самоотречение и самоотдачу. С этими понятиями связаны все страхи, заключающиеся в боязни утраты собственного «Я», зависимые от необходимости самоотдачи и нежелания лишиться своей единичности и принести себя в

жертву другим, что является необходимым для приспособления к требованиям большинства. Это, прежде всего, приводит к зависимости от нашего окружения, чувству покинутости и бессилия, которые возникают при угрозе исключения этой зависимости и защищенности. Риск остаться в одиночестве без связей с миром, без чувства принадлежности к находящемуся вне нас сопровождает всю нашу жизнь от момента рождения и вызывает у нас потребность к познанию мира. Мы вынуждены сталкиваться с этой первой антиномией несправедливости, которую возлагает на нас жизнь: мы должны жить в условиях самопроверки и самоиспытания, а также самоотдачи и самозабвения, что одновременно может вызвать страх перед задачей осуществления собственного «Я» и страх перед разрушением собственного «Я» (страх ликвидации становления «Я»).

И, наконец, два других требования, находящиеся в полярном взаимоотношении к нашим решениям и дополняющие их.

Третье требование, соответствующее в нашей аллегории центростремительному направлению или силе тяжести и означающее наше стремление к неизменности и продолжению. Мы должны в нашей жизни так хозяйствовать и располагаться, так планировать свое будущее, так стремиться к нему, как будто наша жизнь безгранична или как будто мир стабилен, будущее предвидимо, существование непреходяще, и при этом одновременно знать, что мы наполовину состоим из смерти (*media in vita morte sumus*) и наша жизнь в течение мгновения приходит к своему концу. Это требование продолжения и устойчивости дает нам возможность иметь неопределенное будущее, вообще будущее и в связи с этим обеспечивать для себя хоть какую-то устойчивость и защиту. Оно сопровождается страхами, которые связаны со знанием о преходящем характере нашей зависимости и иррациональности планирования нашего существования, страхом перед риском всего нового, перед неопределенностью наших планов, перед вечной изменчивостью нашей жизни, которая никогда не останавливается и постоянно изменяет нас самих. Этот страх выражен в известном изречении о том, что нельзя дважды вступить в одну и ту же реку, так как река постоянно меняется. С другой стороны, отказываясь от принципа продолжительности и устойчивости существования, мы лишаемся способности что-либо делать и осуществлять, любая деятельность связана с нашим представлением об устойчивости и продолжительности. В противном случае мы не сможем добиваться достижения наших целей. Мы живем, надеясь, что располагаем неограниченным временем, и эта иллюзорная стабильность, неизменность, иллюзорная вечность являются важнейшим импульсом для нашей деятельности.

И, наконец, четвертое требование в соответствующей аллегории центробежного направления или центробежной силы. Оно состоит в том, что мы всегда стремимся к расширению, изменчивости, развитию и преодолению, отказываясь от уже изведенного, преодолевая традиции и обыденность, расставаясь с достигнутым, для того чтобы попытаться пережить неизведенное.

С этим требованием, которое дает нам возможность жизнерадостно развиваться, безостановочно и настойчиво открывать новое и проникать в тайну неизведенного, тесно связан страх перед необходимостью преодоления порядка, необходимости, правил и законов, инертности привычек, которые удерживают, сковывают и ограничивают наши возможности вопреки нашему движению к свободе. Этот страх, наконец, противоположен ранее описанным, при которых смерть связана с преходящим характером жизни, и связан со смертью от окоченения и застывания. Находясь под влиянием импульсов к изменениям и риску, забывая и преодолевая временные

закономерности вселенной, мы остаемся привязанными к нашим привычкам, удерживаем и повторяем привычное существование.

Обрисовывая противоречия нашей жизни в виде парных антиномий, мы должны отметить, что в равной степени стремимся к стабильности и к изменениям, в связи с чем вынуждены в равной степени преодолевать как страх перед неизбежной изменчивостью, так и перед неизбежной необходимостью.

Итак, познакомимся с четырьмя основными формами страха, которые я снова хочу представить читателям в общем виде:

1. Страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата «Я» и зависимость.

Страх перед самостановлением (стагнацией «Я»), переживаемый как беззащитность и изоляция.

Страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность.

4. Страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода.

Все возможные варианты страха относятся, в конечном счете, к описанным вариантам основных форм и связаны с четырьмя основными импульсами, которые в любом случае встречаются попарно, дополняя и противореча друг другу: как стремление к самосохранению и самообособленности с противоположным стремлением к самоотдаче и принадлежности к общему и, с другой стороны, как стремление к постоянству и безопасности с противоположным стремлением к изменениям и риску. Каждому стремлению свойственен страх перед противоположным стремлением. И, возвращаясь снова к нашим космическим аллегориям, жизненный порядок возможен только тогда, когда наступает равновесие между этими противоположными импульсами. Такое равновесие не означает, как это кажется, нечто статичное, но полно драматических внутренних противоречий, состоящих из внутренних достижений, сменяющихся последующими падениями.

В дополнение к сказанному, мы должны учитывать, что характер каждого переживаемого нами страха и его выраженность в значительной степени зависят как от присущей нам предрасположенности, нашей наследственности, так и от окружающих условий, в которых мы находимся после рождения, а также от нашей соматической и душевно-духовной конституции, нашей биографии, истории становления нашей личности. В связи с этим наши страхи имеют свою историю, и мы видим, какое большое значение в этом имеет наше детство.

Итак, страхи некоторых людей частично объясняются их положением и жизненными условиями; с другой стороны, некоторые страхи связаны с такими причинами и условиями, истоки которых остаются скрытыми от нашего понимания. С положением и окружением, в которые входят семья, «среда» и общество, связаны определенные страхи, при наличии которых другие страхи как бы отходят на второй план. Нормально развивающийся здоровый человек, если его развитие не нарушается, в общем, способен избегать страха или даже преодолевать его. Нарушения или препятствия, возникающие в процессе развития, вызывают как усиление, так и учащение страхов, с преобладанием при этом одной из основных форм страха.

Тяжело угнетают и делают больными те страхи, размер которых превышает критическую массу при длительном их сдерживании. Наиболее тяжело угнетают взрослых страхи, которые переживались в детстве и против которых не была разработана какая-либо защита. Всегда, когда страх достигает большой интенсивности и стойкости или когда он возникает в том возрасте, когда еще не наступила зрелость, он

с трудом поддается переработке. В таких случаях отпадает активизирующий позитивный аспект страха, тормозится или приостанавливается развитие и даже наблюдается возврат к ранним детским образцам поведения, следствием чего является образование симптомов. Мы стремимся сделать понятными не соответствующие данному возрасту переживания страха, достигающие такого количества, что их размер становится непереносимым, особенно если они встречаются в детском возрасте. Недостаточность развития «Я» в детстве представляет собой большое количество непереработанных страхов, которые без помощи извне могут причинить серьезный ущерб тогда, когда человек, испытывающий непреодолимый страх, остается наедине с самим собой.

Взрослые реагируют на такие исключительные ситуации, как война, арест, опасность для жизни, другие катастрофы, а также внутренние переживания и процессы, превышающие границы их толерантности по отношению к страху, реакциями паники, кратковременными исключительными состояниями или невротами:

В обычных (нормальных) условиях взрослые, в отличие от детей, имеют гораздо более богатый выбор вариантов ответов и сил для противостояния страху: они могут продумать ситуацию, познать и изучить факторы, вызывающие страх, могут понять, откуда исходит источник страха, и благодаря такому пониманию получить соответствующую помощь, и, наконец, они могут правильно оценить возможность угрозы. Всеми этими свойствами не располагает ребенок. Он слишком мал, чтобы распознать и различить объект своего страха, он внутренне беспомощен, он не знает, как долго это может продлиться и что вообще случилось.

Мы убедимся в дальнейшем, что преобладание одной из четырех основных форм страха или, с другой точки зрения, прекращение действия одного из четырех основных типов импульсов приводят нас к четырем типам личностной структуры или к четырем способам существования в мире (*In-der-Welt-Seins*), с которыми мы ознакомимся в дифференцированном виде и к которым все мы относимся с той или иной степенью акцентуации. Эту личностную структуру мы понимаем также как одностороннюю акцентуацию в связи с одним из четырех основных видов страха. Такие проявления и односторонняя направленность, которые мы описываем как личностную структуру, по всей вероятности, имеют своим источником раннее детское развитие. Соответственно, мы рассматриваем как один из признаков психического здоровья то, какой из четырех основных импульсов преобладает в наших жизненных переживаниях, что одновременно означает, какая из четырех основных форм страха свойственна данной личности.

Четыре личностные структуры, прежде всего, отражают психическую норму с определенной акцентуацией. Между тем, акцентуация означает очевидную одностороннюю направленность, достигающую границ, за которыми мы подразумеваем пограничные или экстремальные варианты четырех нормальных личностных структур. В связи с этим мы сталкиваемся с невротическими вариантами личностных структур, которые в психотерапии и глубинной психологии описываются как четыре большие невротические формы: шизоидия, депрессия, невроз навязчивостей и истерия. Эти невротические личности являются отражением заостренных или экстремальных форм общих типов человеческого существования, с которыми мы все знакомы.

В зависимости от степени выраженности одного из четырех способов существования в мире и их односторонней направленности можно описать и различные проявления их нарушений в легкой, средней и тяжелой степени их выраженности. При этом мы должны оценивать соответствующие конституциональные особенности и,

прежде всего, ориентироваться на оценку биографического «заднего плана» (фона). И еще одно замечание: описывая типологию личностной структуры и характера, мы должны отличать их от другой системы классификации личностных структур, среди которых преобладают психоаналитические данные и данные глубинной психологии. Их оценки носят фаталистический и неизменный характер, тогда как мы рассматриваем эти типы в рамках конституции или темперамента, что означает значительно меньшую степень однозначности и окончательности оценок. Автору импонирует именно такая точка зрения.

Процесс образования моей личности не только отражает мою определенную соматическую конституцию, но и мои определенные установки, мое определенное поведение в мире моей жизни, то, как я строю свою биографию. То, что является фатальным, т. е. психофизическая предрасположенность, так сливается с окружением нашего детства и с личностью наших родителей, а также с правилами игры в данном обществе, что действительные границы образования нашей самости могут изменяться, т. е. не являются чем-то неизменным и привнесенным как данность.

Таким образом, общую структуру личности мы можем рассматривать как частичный аспект всего человечества. В процессе последующего развития, первоначально заданного врожденными факторами, вследствие сверхвраждебных, ошибочных, отторженных или вытесненных аспектов нашего существования врожденные структуры могут изменяться или дополняться в пользу воображаемого единства, зрелости или завершенности в масштабах, которых нельзя добиться в одиночку.

Мы рассматриваем здесь четыре общих основных установки и способы поведения в противопоставлении к условиям и взаимосвязям нашего существования, так же, как космический порядок противопоставлен кажущейся неуравновешенности.

Сохранение основных понятий учения о неврозах при определении четырех типов структуры личности действительно и применимо в практических целях для определения так называемого психического здоровья. Эти понятия применимы также как для понимания вытекающего из биографии становления личности, так и для невротических вариантов развития, в связи с чем применение новых терминов и определений кажется нам излишним. Читатель скорее поймет сказанное, если общеупотребительные понятия шизоидии, депрессии и т. д. будут использованы во всей их пластичности и образности.

Я в этой книге избегаю делать часто встречающиеся различия между страхом и боязнью (*Angst und Furcht*). Для моей концепции это несущественно, так как неуверенность в правильном использовании обоих понятий в привычной речи исходит из следующих положений: мы говорим о страхе смерти в том же контексте, что и о боязни смерти, и не можем дифференцировать эти понятия без определенного насилия над собой. Обычно мы делаем различие между боязнью (*Furcht*), связанной с чем-то определенным и конкретным, и страхом (*Angst*), носящим иррациональный, неконкретный характер. Быть может, более четкие различия существуют между понятиями «боязнь бога» (боязнь преступить божьи законы) и «страх божий». В связи со сказанным я сознательно отказываюсь от отделения страха от боязни.

Эта книга предназначена для помощи в нашей индивидуальной жизни, она является посредником в понимании себя самого и других, в осмыслении первых жизненных шагов в нашем развитии. Книга призвана снова и снова приводить нас к пониманию того, как мы связаны друг с другом.

Шизоидные личности

Как остаться собой среди множества,
среди толпы, которая кишит вокруг.

Шпиттелер

В этом разделе мы описываем личности, которые в плане рассматриваемых нами проблем испытывают страх перед самоотдачей и находятся под влиянием импульсов, направленных на усиление самостоятельности. С психологической точки зрения жизнь этих людей связана с повышенным стремлением к самосохранению.

Мы все испытываем желание не смешивать свою индивидуальность с другой, чувствительно реагируем на искажение нашего имени; мы не желаем быть заменены на другого, мы хотим осознавать нашу единичность как индивидуальность. Стремление

от

делиться от других сочетается со своей противоположностью — социальной сущностью принадлежности к группе или коллективу. Мы отстаиваем наши личные интересы в партнерских связях, межчеловеческих отношениях и в вопросах ответственности. Как сказывается это на человеке, который предпочитает уклониться от самоотдачи в пользу самосохранения?

Его стремления направлены прежде всего на сохранение независимости и самоудовлетворение (автаркию, autark). Быть независимым, не нуждаться ни в чьей помощи, не быть никому обязанным имеет для него решающее значение. Поэтому он дистанцируется от других людей, не позволяет приближаться к себе, стремится к отграничению.

Нарушение этой дистанции расценивается им как угроза его жизненному пространству, как опасность для его независимости и целостности его личности и вследствие этого пресекается. Так развивается типичный для шизоидной личности страх перед близостью в межчеловеческих связях. В связи с тем, что в реальной жизни от связей уклониться нельзя, он ищет такие защитные формы поведения, которые помогают ему отгородиться от жизни.

Прежде всего, в персонально-близких контактах шизоидные личности уклоняются от интимности и избегают ее. Они страшатся встречи с другой

индивидуальностью, с партнером и стремятся ограничить человеческие связи лишь деловыми отношениями. Они стремятся быть анонимными участниками группы или коллектива и все же переживают свою принадлежность к общественным интересам. Они предпочитают использовать сказочную «шапку-невидимку», чтобы незамеченными принимать участие в жизни, и без нее отказываются от какой-либо активной общественной деятельности.

В отношениях с окружением они отстранены, сдержанны, держатся на расстоянии, неразговорчивы и индифферентны до холодности. Они часто кажутся странными, обособленными, непредсказуемыми в своих реакциях или вызывающими недоумение. С ними можно быть давно знакомыми, но по-настоящему не знать их. Сегодня кажется, что мы имеем с этим человеком хороший контакт, а завтра он ведет себя так, будто мы с ним никогда не виделись: достигнутая ранее близость внезапно и резко прерывается, и появляется непонятная, необоснованная агрессивность или враждебность, оскорбительная для нас.

Избегание доверительной близости возникает из страха перед вами, перед открытостью самоотдачи и делает лиц с шизоидными чертами изолированными и одинокими. Их страх перед близостью усиливается при необходимости приблизиться к другим или при приближении других. Чувство склонности, симпатии, нежности и любви к другому в скором времени оставляет этих людей и сменяется переживанием опасности. Это объясняет, почему они уклоняются от таких ситуаций близости, могущих вызвать у них враждебность, — они внезапно прекращают близкие отношения, прерывают достигнутый контакт с другим и возвращаются назад, не стремясь более к установленной связи.

Между ними и окружением зияет глубокая пропасть в контактах, которая с годами расширяется и делает шизоидов все более изолированными. В результате всегда возникает следующая проблема: из-за отдаления от человеческого окружения шизоид все меньше знает о других, это все больше расширяет пропасть в опыте общения и усиливает неуверенность в межчеловеческих контактах. Шизоид знает, что не прав в том, что является очевидным для других, особенно в области опыта доверительной близости и любящей предпочтительности. Вследствие этого он склонен к подозрениям и заблуждениям в межчеловеческом ориентировании и потому относится к людям с глубоким недоверием, так как его впечатления и представления об окружающих, в конечном счете, являются скорее проекцией его предположений и воображения, чем реальной действительности.

Шульц-Хенке описал картину, которая дает более ясное понимание мироощущения этих людей, — это пережитая всеми нами ситуация: мы сидим в поезде на вокзале; на соседнем пути стоит такой же поезд; внезапно мы замечаем, что один из двух поездов начинает двигаться. Поезд так мягко и незаметно отправляется, что мы не испытываем никакого сотрясения и судим о движении только на основании зрительного впечатления. Мы не имеем возможности понять, какой из двух поездов движется, до тех пор, пока не сможем бесспорно в этом убедиться, наблюдая за наружными предметами, которые не двигаются, пока наш поезд стоит, хотя соседний поезд уже сдвинулся с места, или наоборот.

Эта картина, часто встречающаяся во внутренней ситуации лиц с шизоидной структурой личности, означает: все, что человек воспринимает, представляет, чувствует и о чем думает, относится к его собственному существованию, даже если речь идет о событиях внешней жизни, и это состояние часто превышает возможности его

психического здоровья по преодолению неуверенности в себе, связанной с отрывом от реальности. Вследствие ограничения контактов с миром межлических отношений его суждения основаны на впечатлениях и переживаниях, в них всегда имеется элемент сомнения, он рассматривает как действительность лишь фантазии, которые соответствуют его внутреннему миру, и он предпочитает ту картину мира, которую создал сам, считая взгляды других насмешкой над ним. Был ли сегодня начальник действительно холоден и враждебен по отношению ко мне, был ли он другим, чем раньше, или это мне только кажется? То, что люди с иронией смотрят на меня, что-либо означает, или это мне только кажется?

Эта неуверенность может достигать такой степени выраженности, что вызывает перерастание недоверчивости в подозрительность и переход к собственно бредовому восприятию и бредовым обманам восприятия, при которых внутреннее и внешнее смешиваются между собой, и эта путаница является для шизоидов проекцией действительности. Можно себе представить, как это мучит и беспокоит их, особенно если такая неуверенность носит длительный характер, и как вследствие этого становится некорректируемой упомянутая выше слабость контактов, связанная с близостью. Если мы попытаемся разделить их опасения и расспросить, почему попытка перейти к доверительной близости вызывает у них неуверенность и страх, то встретим лишь непонимание. Такое участие они расценят как насмешку или признак того, что их принимают за сумасшедших

Полные недоверия, вытекающего из их глубокой незащищенности, независимо от того, является ли она первичной или следствием недостаточности межлических контактов, лица с шизоидными чертами характера развивают у себя такие функции и способности, которые помогают им ориентироваться в мире. Это восприятие через познание сущности, познавательный интеллект, сознание, рациональность. Будучи неуверенными во всем, что связано с эмоциональностью и чувственным познанием, они стремятся к «чистому» познанию, чьи результаты тем выше, чем больше они могут отрешиться от непосредственного созерцания. Мы должны понять, что шизоиды стремятся к точным знаниям, которые гарантируют их безопасность и отгороженность от источников субъективных переживаний.

В противоположность развитию этой рациональной стороны личности шизоидов, их эмоциональная жизнь остается прежней — она относится как к взаимоотношениям с партнером, так и к эмоциональным связям и взаимоотношениям. Для этих людей часто характерно выдающееся интеллектуальное развитие при эмоциональной недостаточности — эмоциональные переживания неразвиты, а иногда — бедны и скудны. Это придает значительную неуверенность при контактах, что создает множество трудностей в повседневной жизни — помимо недостатка или отсутствия деликатности и умеренности в человеческих отношениях, они не чувствуют своих партнеров по отношениям, не нюансируют свои взаимосвязи, что может создавать проблемы даже при самых элементарных попытках установить контакт. Вот пример'

В рамках своего обучения студент должен был написать реферат. Лишенный контактов, холодный и заносчивый, что было проявлением его неуверенности, он даже не предполагал расспросить своих коллег о том, как это обычно делается. Он страдал в одиночестве над решением проблемы, которая существовала в нем самом, а не в существе дела. Он был полон сомнений в том, могут ли его высказывания и решения соответствовать надеждам и ожиданиям, связанным с обучением, и постоянно колебался в своих умозаключениях между переоценкой собственной личности и

чувством неполноценности из-за банальности и несостоятельности своих суждений. Уверенности не доставало ему и при сравнении своего реферата с работами других студентов. Он испытывал неловкость перед коллегами и вынужден был преступить через свою гордость («просить у себя прощения») за то, что вынужден был советоваться с ними — не понимая, что такого рода отношения для них привычны. Из-за своей некоммуникабельности он испытывал расплывчатый и неопределенный страх, который усиливался по мере того, как он устанавливал естественные контакты с коллегами

Такие и подобные им ситуации и манера поведения часто встречаются в жизни личностей с шизоидной структурой. Для них чрезвычайно тяжелы даже часто встречающиеся обыденные ситуации, которые не реализуются по причине затрудненности контактов, а вовсе не из-за недостатка способностей.

• Шизоидная личность и любовь

Мы уже говорили о том, что для шизоидов особенно затруднительны проблемы, которые связаны с развитием межлических контактов: поступление в детский сад, знакомство со школьным коллективом, пубертат и встреча с противоположным полом, партнерские взаимоотношения и вообще всякие взаимосвязи. В связи с тем, что каждая близость провоцирует у них возникновение страха, они вынуждены в значительной степени сокращать близкие контакты или отказываться от них. Это приводит к тому, что они рассматривают любовь и любовные отношения как угрозу их независимости и утрату собственной значимости.

Встречающиеся в детстве трудности контактов в межлических отношениях, которые свидетельствуют о шизоидной проблематике и о которых становится известно со слов родителей или воспитателей, могут быть по субъективным причинам усилены или смягчены и выявляются до того, как эти нарушения становятся очевидными. Сюда относятся случаи, когда у ребенка возникают трудности в контактах в детском саду или в школьном классе, когда он не находит себе товарищей, когда он держится особняком, предпочитает одиночество и испытывает неприязнь к другим; когда молодой человек в пубертатном периоде уклоняется от контактов с противоположным полом, когда он зарывается в книгу, уклоняясь и отгораживаясь от контактов, или предпринимает другие действия для того, чтобы остаться одному; когда он переносит тяжелый мировоззренческий кризис в период пубертата с раздумьями о смысле жизни без попытки разделить свои переживания с другими. Все это является сигналами тревоги, которые заставляют родителей обращаться за советом к психиатру или психотерапевту.

Дополнительная проблематика беспокоит шизоидных личностей в период наступления партнерских отношений, возникающих под давлением пубертата. Это связано с тем, что любовь подразумевает взаимную душевную и телесную близость. В каждой любовной встрече нашей самости и нашей независимости в равной степени угрожает опасность излишне открыться партнеру, и это в той или иной степени требует защиты. В связи с этим в каждой встрече таится препятствие в виде внутренней, интимной проблемы, которая, будучи до сих пор подсознательной и скрытой, может, будучи осознана, причинять боль.

Как должен поступать человек, испытывающий томительное желание близости и слияния, любви и нежности, что должен он сделать, чтобы предложить другому разделить с ним нарастающее сексуальное возбуждение? В основе описанного

нарушения контактов, недостатка тактичности в межлических отношениях лежит нарастающая до достижения данного возрастного периода неопытность в межлических контактах, из которой проистекает особая тяжесть интеграции сексуальности. Им не хватает полутонов для самооценки и для того, чтобы представить себя партнеру привлекательным и пленительным, чтобы решиться на соращение и самоотдачу. Нежность, вербальное или сентиментальное выражение склонности чуждо шизоиду, ему недостает чуткости и сопереживания, способности отождествить себя с другим.

Попытка разрешить конфликт между усиливающимся стремлением к обладанию и страхом перед близостью в межлических контактах принимает различные формы. Чаще всего это проявляется в освобождении от любовного чувства и отщеплении от него сексуального влечения в чистом виде, т. е. в стремлении к сексуальной связи без любовного антуража. Партнер для него является лишь «сексуальным объектом», лишь средством для достижения полового удовлетворения, во всем остальном он его не интересуется. Однако вследствие такой эмоциональной безучастности партнерские взаимоотношения легко заменяются. Это защищает шизоидов от глубокого проникновения в их жизнь посторонних, свидетельствуя как об их полной беспомощности и неопытности в общеизвестных эмоциональных связях и отношениях, так и о том, что они предполагают, что партнер представляет угрозу для их жизни.

Все сказанное является основанием для развития механизмов защиты от чрезмерной близости и интимности со стороны партнера — шизоид не знает, как отвечать на его домогательства, так как они скорее неприятны ему, чем доставляют удовольствие.

Один мужчина обратился в бюро по брачному посредничеству и выбрал там фотографию дамы, которая меньше других понравилась ему: она, с его точки зрения, представляет для него меньшую угрозу и вряд ли вызовет у него любовные чувства.

Одна дама намерена вступать с мужчиной только в половую связь, игнорируя связь духовную, так как знает, что, вероятнее всего, больше не увидит его.

Женатый мужчина имел в том городе, где он жил вместе с семьей, еще одну, «тайную», квартиру, предпочитая быть недостижимым и сокрытым от семьи до тех пор, пока не испытывал склонность к возвращению домой. Он нуждался в том, чтобы защититься от эмоциональных претензий жены и других членов семьи (с другой стороны, эта личностная потребность в связи с семьей усиливалась, когда появлялась угроза его потребности в семейном убежище и приюте).

Из этих примеров видно, какой большой страх испытывают шизоидные личности перед связью, обязанностями, зависимостью и ограничением их личности. Этот страх оставляет их очень редко и объясняет их непредсказуемость и странные реакции.

Единственный, к кому шизоид прислушивается и кому доверяет, — это он сам. Отсюда его чрезвычайная чувствительность к действительной или воображаемой угрозе его суверенитету и интегративности, к враждебному нарушению сохраняемой им дистанции. Он нуждается лишь в собственной поддержке, которая не оставляет его. Естественно, любые отношения, связанные с атмосферой доверия и интимности, не свойственны ему и не возникают в его связях с партнерами. Свою любовь он ощущает как принудительную связь, которую он должен прекратить, тогда как его партнер в такой связи ищет близости и теплоты. Его робость и нерешительность здесь может исходить из потребности избежать клятвы в верности и регистрации брака.

Один молодой человек под давлением своей подруги, которая хотела этого в течение нескольких лет, наконец обручился с ней. Он пришел к ней с кольцом, и они вместе отпраздновали обручение. Как только он вышел из дома, он опустил в ее почтовый ящик письмо, в котором отменил только что совершенное обручение.

Подобное поведение не так уж редко встречается у шизоидов. Часто они предпочитают знакомство на расстоянии и высказывают свое предпочтение в письмах, но непосредственная персональная близость отталкивает их, и они отказываются от прежних намерений.

В связи с упомянутым выше отделением сексуальности от чувства любви инстинктивные потребности шизоидов также носят изолированный характер; партнер рассматривается лишь как сексуальный объект, и любовная жизнь исчерпывается лишь функциональным процессом. Они не знают никаких любовных нежностей в виде пролога, им не свойственна эротика, для удовлетворения своих потребностей они идут напролом. Нежность легко преобразуется в причинение боли партнеру, жестокое нападение или даже нанесение телесных повреждений. За этим стоит подсознательное желание вызвать у партнера чувствительную реакцию из-за стремления после достижения полового удовлетворения как можно скорее отделаться от партнера. «После этого» — имеется в виду половой акт — «я предпочитаю вышвырнуть ее» — вот характерное для мужчины-шизоида выражение, которое отражает его страх перед любовными требованиями партнерши.

Большие трудности проявляются тогда, когда у шизоида возникает резкая амбивалентность между любовью и ненавистью, когда его глубокие сомнения в своей способности любить переносятся на партнера. В таких случаях он предпринимает новые попытки, требуя от партнера других способов любви, чтобы устранить свои сомнения. Эти попытки могут дойти в буквальном смысле до садизма. Его поведение может носить исключительно деструктивный характер; любовные привычки и склонности партнера отклоняются, пренебрегаются, анализируются, подвергаются сомнению или дьявольским образом извращаются. Они воспринимают спонтанную склонность партнера как проявление нечистой совести и расценивают ее как проявление чувства вины или «подкуп» («чего ты хочешь этим достигнуть?», «ты, пожалуй, хочешь как-то загладить свою вину»).

При хороших абстрактно-теоретических психологических комбинаторных данных шизоиду представляются бесконечные возможности для такого рода тенденциозных истолкований. В романе Христианы Рохефорт «Подушка покоя» с особой убедительностью изображается такая связь, при которой любящая шизоидного партнера женщина со временем доходит до границы своей терпимости.

Нередко шизоидные личности своим цинизмом разрушают все нежные порывы партнера, не отказываясь, однако, от связи с ним. С их точки зрения, влюбленность в них партнера объясняется лишь в последнюю очередь их душевными качествами, а в первую — их поведением и внешностью. Это отражается в склонности к иронии и насмешкам: «не строй такие собачьи преданные глаза», «если б ты знал, как ты смешно выглядишь» или «оставь эти дурацкие любовные нежности и давай, наконец, перейдем к существу дела».

Естественно, что если у партнера систематически разрушаются стереотипы любовного поведения, то сохранение такой связи может свидетельствовать о необычных любовных склонностях, исходящих либо из садомазохистского генотипа, либо из чувства вины, страха утраты или других мотивов. В противном случае либо эта связь

покупается, либо наслаждение достигается лишь через страдание. Обычно такого рода связь должна в конце концов прекратиться и привести к ненависти, поскольку после любовного триумфа шизоид «обретает свое истинное лицо». Однако эта ненависть не реализуется, так как к другим шизоид относится точно так же.

Автобиографические романы Стриндберга содержат много примеров подобных шизоидных трагедий, приводя выразительные описания жизненной основы такого развития личности (например, «Сын Магды»). Аксель Борг в главном действующем лице своего романа «В (открытом море)» блестяще изобразил шизоидную личность, в которой отчетливо видны автобиографические черты.

Эмоциональная холодность при дальнейшем развитии может достичь экстремальных и болезненных размеров, приводя к изнасилованию и наслаждению от убийства, это происходит, прежде всего, если на партнера подсознательно проецируются переработанные чувства ненависти и мести (происходит, как это называется в психоанализе, «перенос» на партнера отношений к объектам зависимости, с которыми он был связан в детстве). Такая не интегрированная в личностную структуру отщепленная сторона инстинкта всегда очень опасна и проявляется при нарастающей неспособности понимать партнера и сочувствовать ему, что приводит к преступлениям, связанным с нарушениями влечений.

В связи с трудностями, которые проистекают из чувственной связи с партнером и вообще из поиска партнера, шизоиды часто остаются одинокими и в конце концов находят партнера в себе самом, получая при этом самоудовлетворение. В некоторых случаях они избирают для себя эрзац-объект, как это бывает в случаях фетишизма.

Естественно, что в каждом таком эрзац-объекте отражается неразвитая сексуальность, несмотря на то что эти формы нарушений способности к любви носят в себе элементы любовного желания и являются выражением ищущего любовного томления.

Нередко у шизоидов сексуальное развитие остается инфантильным при высокодифференцированной личностной структуре. Иногда случаи выбора в качестве сексуального партнера детей или подростков свидетельствуют о том, что тяжелое нарушение способности к контактам в таких случаях сопровождается меньшей вероятностью развития страха. Порой подавленная способность к любви и самоотдаче прорывается в экстремальных формах ревности и даже в бреде ревности. Шизоид чувствует, как мало любви он отдает партнеру, как мала его способность к любви, и подозревает, что партнер вряд ли сможет остаться с ним. В связи с этим он подозревает наличие соперника (иногда с достаточным основанием), который и сильнее любит, и больше него способен к любви. Лишенный теплоты и сочувствия, он расценивает естественное поведение партнера как проявление хитрости или насмешки над ним, которые отражают его демонизм и коварную преднамеренность. Эти истолкования могут дойти до бреда, до состояния, когда партнерские отношения становятся непереносимыми и в конце концов разрушаются с чувством наслаждения от разрыва и одновременно страдания, которого никто не может разделить и оценить. Мотивировка действий здесь выглядит так: если мне представляется невозможным любить и удержать любимого, то я предпочитаю разрушить эту связь, чтобы, по крайней мере, не потерпеть ущерба и не дать другому воспользоваться любовью моего партнера. Манеру поведения шизоида можно истолковать таким образом, что для него не исключена возможность любить и быть любимым, но он не может дать оценку любви и любовным отношениям. Уход партнера для него менее болезнен, чем попытка проявлять о нем заботу и отдавать

ему свое внимание, и поэтому он предпочитает уход. Такая «профилактика разочарования» отнюдь не редка: она содержит в себе, в большинстве случаев, подсознательный аспект проверки партнера: если он, несмотря на мое поведение, еще любит меня, значит, он действительно любит меня. Прежде всего, это свидетельствует о том, как тяжело этому человеку понять, любят его или нет, испытывают ли к нему влечение. В экстремальных случаях подозрительность и ревность могут привести к убийству: если партнер меня не любит, он не должен любить и никого другого.

Осознанно страх самоотдачи переживается шизоидами как страх связи. Любовное влечение относится к самоотдаче и к самоотвержению; накапливаясь путем подавления и преодоления страха, такое самоотвержение представляется шизоиду как полная самоотдача, как попытка поглощения его партнером.

В связи с этим происходит так называемая «демонизация» партнера, что вызывает перенос преодоленного страха и делает объяснимым непонятное поведение шизоида, и прежде всего — внезапно возникающую у него ненависть, которая исходит из чувства угрозы от могущественного «Ты» (партнера) без понимания того, что этим могуществом его награждает собственная проекция шизоида.

Особенно тяжело шизоиду решиться на длительную эмоциональную связь. Он склонен большей частью к кратковременным, бурным, но изменчивым связям. Брак для него представляется, прежде всего, несовершенным человеческим устройством, которое само собой распадается, а потому не может принести радости и удовлетворения. Шизоиды склонны к расчетам и планированию человеческих потребностей и приспособляются к такого рода потребностям. Изменчивость их мнений в отношении длительных связей носит постоянный характер: требуя для себя свободы, они лишь теоретически допускают ее для партнеров как нечто само собой разумеющееся, в реальности же далеко не всегда позволяют это. Часто шизоид теоретически является сторонником брака и брачных отношений, на самом же деле он согласен лишь на те традиции и обычаи, которые позволяют ему сохранять свой стиль жизни, и любит лишь свои убеждения. Поэтому он часто расценивает честность и гражданское мужество как нечто отличающееся одно от другого. Нередко легализация даже длительной связи пугает их; для них обычны напоминающие супружество связи без их регистрации. При ранней утрате матери или разочаровании в матери они вступают в связь с пожилыми женщинами, полагаясь на их материнский инстинкт, тем самым наверстывая то, чего им не хватало в детстве. Такие женщины могут дать тепло и чувство защищенности без больших собственных претензий; это доверчивые женщины, которые понимают ситуацию непосредственно, не требуют от партнера того, чего он не может им дать, и не ожидают от этой связи ничего иного, нежели то, чем она обычно заканчивается. Лишь при глубоком нарушении соответствующих ранних фаз развития может возникнуть ненависть и желание отомстить по отношению к таким женщинам.

В связи с тем, что шизоиды расценивают женственность и женщин как угрозу своей жизни и относятся к ним с недоверием, у них нередко возникает влечение к собственному полу или они выбирают таких партнеров, которые благодаря своим квазимужским чертам выглядят не так, как другие, более женственные и привлекательные. Такие связи часто выглядят как дружески-братские и содержат больше общих интересов, чем связи, связанные с эротической привлекательностью противоположного пола.

Во всех случаях длительные связи тяжелы для шизоидов; отдельные спальни являются как бы само собой разумеющейся потребностью; партнеры должны понимать

это и соблюдать требуемую дистанцию как для своей защиты, так и для сохранения отношений.

Из всего сказанного следует, что, исходя из тех оснований, которые теперь стали для нас более понятными, шизоиды испытывают большие трудности в развитии и проявлении своих любовных склонностей. Они необычайно чувствительны ко всему, что угрожает их свободе и независимости или ограничивает их; они скупы на сентиментальные высказывания и благодарны партнеру, если он скромно и ненавязчиво дает им приют и защищенность. Если партнер это поймет, то не будет показывать свою самую глубокую привязанность, а предоставит шизоиду без лишнего проявления чувств все, что может ему дать.

• Шизоидная личность и агрессия

Здесь и в следующих разделах книги, касающихся агрессии, я предпочитаю говорить о ненависти, так как агрессия является наиболее частым и очевидным выражением ненависти в различных ее проявлениях.

Страх и агрессия тесно связаны друг с другом; возможно, первоначально протопатическое чувство неудовлетворенности (Unlust) и страх вызывают агрессию, причем это глубинное чувство неудовлетворенности является предформой или архаической формой страха на ранних этапах нашего развития. Из этого позднее возникают возможности переработки чувства недовольства и преодоления страха, которые сами по себе часто являются источником нового недовольства и страха.

Первоначально эти состояния вызывают такие интенсивные фрустрации, как голод, холод, боль, расстройства биоритмов и интеграции в жизненном пространстве, сверхсильное психическое напряжение и ограничение свободы передвижения, повышенная угроза собственному существованию при быстрой попытке сближения и посягательстве со стороны посторонних, одиночество. Страх в этот период исходит прежде всего из интенсивного недовольства; в таких ситуациях в детстве страх и агрессия возникают практически одновременно: все, что вызывает недовольство и страх, одновременно вызывает агрессию и ненависть.

Что может предпринять ребенок для защиты и преодоления недовольства?

Сначала это ярость, лишенная силы, проявляющаяся в крике, позднее — в уползании и осторожном сопротивлении, а также в двигательной разрядке и отказе от реакции на обращение. Так как в раннем периоде жизни еще нет различий между «Я» и «Ты», эти агрессивные проявления еще полностью не обоснованы, ни с чем и ни с кем не связаны; это простой отказ от реакций, связанный с неприятными ощущениями и недовольством, в целях улучшения самочувствия и разгрузки организма.

В данном случае мы можем говорить об архаических формах агрессии, которые проявляются элементарно, спонтанно и неконтролируемо и не связаны еще с человеческими отношениями, так как лишены тактичности и чувства вины. Тем не менее, они являются предпосылкой межчеловеческих связей.

Интенсивность архаичных страхов необычайно велика, так как они пронизаны детской беззащитностью и исходят из переживания угрозы, таящейся в собственном существовании, угрозы самому существованию.

Соответственно, такие ситуации, которые вызывают тотальную, охватывающую все существо агрессию или ярость, находят выход в стремлении к уходу и отказу. Рефлекторно накапливаясь, они приводят к отказу от общения с окружающим миром

или описанной ранее «реакции двигательной бури», являющимся примитивными формами страха и недовольства при разных жизненных ситуациях: бегство назад, вовнутрь, к рефлексу «мнимой смерти», или бегство вовне, нападение в виде «двигательной бури».

Возвращаясь теперь к шизоидам, мы констатируем, что они чувствуют себя беззащитными, беспомощными, подвергающимися опасности. Независимо от того, существует ли в действительности угроза нападения или она преувеличена, они переживают свое существование как угрозу. Соответствующие реакции у них носят архаичный характер в описанном выше понимании: беспричинная неадекватность и внезапно возникающая агрессивность заставляют думать о том, что это один из способов устранения страха или реакция высвобождения страха для облегчения своего самочувствия — «to get it out of one's system», как часто говорят англичане.

Можно представить себе, как может быть опасна эта архаичная агрессия, которая возникает из чувства угрозы человеческому существованию, имеющему так мало связей с миром. Эта агрессивность лишена содержательности и связей, она не интегрирована в совокупность личностных черт и представляет элементарное импульсивное инстинктивное действие.

Как мы уже видели при рассмотрении сексуальности, агрессия шизоидов и их аффект остаются изолированными от общественной жизни, являются чисто инстинктивной реакцией отказа, не сплавленной с общими эмоциональными переживаниями. С учетом недостатка чуткости и способности к сопереживанию, эти агрессивные разрядки практически не уменьшают силы и активности шизоида. Агрессия переживается шизоидом лишь как освобождение от зависимости, неконтролируемое и лишенное чувства вины. Из этого следует, что шизоиды в своих взаимоотношениях с другими людьми не имеют ни малейшего представления о действии их аффектов и агрессии; они рассматривают это лишь как форму реагирования, и до посторонних им нет никакого дела. Поэтому они не знают, какими они могут быть резкими, оскорбляющими и грубыми. В одной газете было написано о том, как один подросток убил мальчика. При расспросах о мотивах своего поступка он, пожав плечами, ответил, что не имел для этого особых оснований — просто этот мальчик чем-то мешал ему.

Такое ощущение опасности полностью изолировано и отщеплено от общественной жизни и общих представлений, так что связанная с ним агрессия представляется ничем не обоснованной и исходящей из готовности к ненависти, для высвобождения которой требуется лишь незначительный повод. Эта агрессивность, возникающая импульсивно, может приобретать все мыслимые экстремальные формы, особенно если она связана с неинтегрированным сексуальным влечением. В «Автопортрете Юргена Бартша» даны потрясающие примеры такой агрессивности.

Американский психиатр Кинцель, обследуя заключенных, установил, что наиболее агрессивные среди них (так называемые неистовые, буйные люди, violent men) объединяются по типу большого защитного кольца (circle of protection) против тех, кто агрессивным не является. Шизоиды со склонностью к агрессии — а мы здесь говорим именно о таких личностях — дают реакцию при преодолении этого защитного круга, этой невидимой границы, отличающуюся от реакций «неистовых», с паническим страхом и дикой агрессией. Выразительный пример шизоидного мировосприятия один пациент формулировал следующим образом: «Когда установленная мной дистанция разрушается, я прихожу в ярость». Конрад Лоренц описывает агрессивные действия, напоминающие реакции дикого зверя при нарушении границы его природного

обитания («Так называемое зло»).

Незащищенность в межлических отношениях и недостаточность связей, как и результирующая эти качества недоверчивость, заставляют шизоидов переживать приближение к ним других как угрозу. Вначале это вызывает страх, за которым в качестве ответной реакции следует и агрессия. Такое мировосприятие шизоидов делает более понятными их необъяснимые реакции. Архаичная, неинтегрированная с личностью отщепленная агрессивность приводит к насилию, когда посторонние расцениваются как докучливые насекомые, досаждающие и преследующие шизоидов. Как все, что относится к не связанным с общественными установками отщепленным инстинктам, такая агрессия может привести к асоциальным или криминальным последствиям.

Но даже если отвлечься от таких экстремальных обстоятельств, шизоидам нелегко контролировать свою агрессивность. Сами они, в общем, не страдают от нее, но, в большинстве случаев, заставляют страдать свое окружение. Первоначально возникая как защита от страха, агрессивность может окрашиваться в сладострастные тона, используемые в различных формах жестокости и садизма. Категоричность, внезапная оскорбительная резкость, леденящая холодность и высокомерие, цинизм и быстрый переход от приязни к враждебному отказу от контакта являются наиболее частыми проявлениями агрессии. Шизоидам недостает чувства меры и тактичности, и хотя они связывают свою агрессию с ситуационными факторами, их поведение, конечно же, связано с их внутренними переживаниями и выходит за рамки адекватности.

Агрессия у шизоидов часто несет также функцию защиты и обороны. В первоначальном значении слово «ad-gredi» равнозначно приближению к источнику, началу контакта, часто это единственная форма контакта, предоставленная в распоряжение шизоиду.

Агрессия может быть одной из форм самовыражения, напоминающей неудачные попытки сближения с противоположным полом, характерной для пубертата. В данном случае мы представляем шизоида как смесь страха и преступления, скрытую эмоциональность, грубое, агрессивное обличье сокрытой нежности и нерешительности, страха опозориться. Отсюда готовность как можно скорее отказаться от попытки к сближению и симпатии и стремление прикрыться в своих взаимоотношениях с партнером цинизмом — при мнимой или действительной попытке партнера отказаться от взаимоотношений с шизоидом.

При знакомстве с шизоидами важно знать, что их агрессивность может иметь значение «рекламы» — привлекать внимание к их нежеланию утратить свою особость и самостоятельность.

Агрессивность возникает тем легче, чем больше окружающие проявляют по отношению к шизоидам симпатии и других позитивных чувств. В основе этого лежит огромная пропасть в межлических контактах и связанная с этим неуверенность, широко распространенная среди шизоидов.

Из психотерапевтических работ нам известно, что если в течение длительного времени поддерживать с шизоидами постоянные контакты, исполненные симпатии и доброжелательности, пропасть в их межперсональных связях постепенно заполняется, что дает возможность для интеграции их агрессивности и адекватного общения с ними.

- Биографические основы

При осмысливании развития шизоидной личности мы приходим к предположению о том, что сверхценный страх перед самоотдачей соответствует акценту на угрозу собственной личности, на способ самосохранения.

Конституциональные особенности шизоида свидетельствуют о предрасположенности к ранимости, хрупкости, большой душевной чувствительности, лабильности.

В качестве самозащиты предлагается соблюдение дистанции между шизоидом и его окружением, так как психическая близость, по аналогии с радаром, «громко сигнализирует» о повышенной душевной проницаемости. Таким образом, соблюдение дистанции необходимо для жизни шизоида и его существования в мире. Дистанция служит ему источником безопасности и защиты, делает взаимоотношения с другими умеренно враждебными и лишеными соревновательности. Его склонности и предрасположенность уподобляют шизоида открытой системе, человеку, «лишенному кожи» (hautlos), что вызывает потребность в ограничении и частичной замкнутости, чтобы не утонуть в избытке окружающих раздражителей.

Мы принимаем во внимание не только конституциональные факторы в узком смысле этого слова, имеющие соматическое происхождение, но также и в равной степени широко известные пусковые факторы внешней среды. Они связаны с соматическими и другими существенными механизмами, через которые проходит ребенок в начале своих взаимоотношений с родителями, с их ожиданиями, представлениями и разочарованиями, особенно исходящими от матери. Эти разочарования связаны не только с тем, что мать имеет нежелательную для шизоида половую принадлежность, но и с другими психическими чертами, которые тяжело даются матери, но дают шизоиду необходимую для него близость и тепло, без чего он чувствует себя нежеланным и даже лишним.

В добавление к этим конституциональным аспектам развитие личности и, вместе с тем, собственно предрасположение проявляется в том, что в качестве важнейших пусковых механизмов развития шизоидной личности присоединяются факторы окружающей среды. Чтобы лучше понять это, мы должны представить себе ситуацию, в которой находится ребенок после рождения и в течение первых недель своей жизни.

В противоположность другим существам, ребенок после рождения на протяжении длительного периода беспомощен и полностью зависим от своего окружения. Адольф Портман говорит об этой взаимосвязи как о врожденном качестве людей.

В связи с тем, что ребенок всегда относится с доверием к окружающему его миру, исходя из того, что мир должен пробуждать его доверие, предполагается, что окружающая среда по своей сути с самого начала соответствует потребностям ребенка.

Маленький ребенок нуждается в атмосфере, которую можно определить как безопасность, чувство открытости, уюта и комфорта, как существование в колыбели соответствующих жизненных условий. Эта «райская» фаза сама собой предполагает переживание исполнения потребностей. Исходя из этого любой выход из такого первичного доверия связан с опасностью для жизни без страха и обречен на полное поражение.

У нас иногда странным образом сохраняется бессознательное представление об этом периоде детства, когда требуется выполнение определенных жизненных условий. В большинстве же случаев способность к дифференциации и восприятию в грудном возрасте скрыта от нас также, как и влияние на нас внешних условий в этот период

жизни.

Очень впечатляющим в этом плане является изучение новорожденных швейцарским детским врачом Штирниманом. Приведем несколько цитат из его книги «Психология новорожденных детей»: «В абсолютно серьезных книгах... поддерживается мнение о том, что восприятие боли у детей до 6 недель исключено... То, что это не так, я наблюдал при инъекциях: при повторной инъекции новорожденные начинают плакать уже при проведении предварительной дезинфекции».

И о памяти: «...Они (новорожденные) имеют предродовые воспоминания: по данным наблюдений ночных сестер, дети домохозяйек часто бодрствуют до по луночи и при этом не плачут, тогда как дети женщин, работающих в булочной, утром от 2 до 3 часов стано вятся беспокойными. Таким образом, рабочий ритм и ночной покой матери перед рождением ребенка отражаются на обычной смене ритма активности и покоя после рождения ребенка».

Эти факты много раз со всей очевидностью подтверждались исследованиями, и на основании этих и других наблюдений Штирнимана мы можем с уверенностью сделать вывод о том, что восприятия, представления и чувствительность новорожденных по-прежнему недооцениваются. Квалифицированный уход за грудным ребенком, кормление и гигиена казались нам в течение длительного времени самым главным элементом, полностью удовлетворяющим его потребности. Добросовестные исследования раннего детства, прежде всего проведенные с помощью психоанализа З. Фрейдом и его учениками, дали нам дополнительное понимание поведения ребенка. Мы благодарны им за знания о значении первых впечатлений и процесса питания, а также о значении первых недель жизни для формирования личности ребенка

Правда, еще Гете (беседа с Кнебелем в 1810 г.) имел подобные представления, когда говорил: «новое зло для нас заключается в том, что первые шаги по воспитанию так неумелы. А ведь именно в этот период формируются основы характера, вся сущность будущего человека». Такие интуитивные представления остаются, однако, единичными и не влекут за собой необходимых последствий.

Ныне мы знаем, что первое окружение ребенка помимо естественного ухода за ним должно включать в себя эмоциональное тепло, симпатию, соответствующее соотношение покоя и стимулов, истинную стабильность его жизненного пространства, на что он реагирует открытостью и доверием. Особое значение для ребенка имеет переживание удовлетворения от нежного обращения с его телом, от соматической близости.

Если ребенок вспоминает об этом раннем периоде как о времени отчужденности, заброшенности и пустоты или прошедшем чрезвычайно быстро и перенасыщенном впечатлениями, то это сопровождается страхом. Доверие и расположенность к миру в этом случае сменяется недоверием и подозрительностью. Таким же образом воздействует на ребенка пустота мира, которую он переживает, будучи на длительное время предоставлен самому себе; при большом количестве раздражителей, быстрой их смене или большой интенсивности, что шизоидизирует его. Таким образом, первый страх нарушает его обращенность к миру и возвращает ребенка к самому себе.

Рене Шпитц в своих исследованиях детей из детских домов показал, что ребенок, который на протяжении первых недель жизни бы оторван от матери или очень рано лишился материнского тепла, имеет очень тяжелые, вплоть до невозможных, нарушения в развитии, несмотря на самое лучшее питание и

безупречные гигиенические условия, которые он имеет в детском доме, где одна

детская медсестра обслуживает десять детей. Все дети, запущенные с раннего возраста или испуганные обилием раздражителей, обнаруживают, как минимум, задержку, односторонность, отставание или несоответствие возрасту и незрелость в своем развитии. В связи с тем, что они испытывают недостаточность или отсутствие необходимых жизненных условий, эти дети в течение длительного времени испытывают страхи, соответствующие более раннему периоду развития.

Особенно легко наступает такая ранняя шизоидизация у детей, с самого начала их жизни нелюбимых и нежеланных, рано оторвавшихся от родителей вследствие длительного содержания в клинике из-за болезни или рано лишившихся матери. В равной степени это относится к матерям, не любящим своих детей или равнодушным к ним, а также к юным матерям, недостаточно зрелым для материнства, к так называемым детям из «золотой клетки», которые часто лишены способности любить и характеризуются как «равнодушные личности», а также к таким матерям, которые не имеют достаточно времени, чтобы заниматься своими детьми, так как вскоре после родов вынуждены вновь приступать к работе и предоставлять ребенка самому себе, не имея возможности дать ему то, в чем он нуждается.

Кроме недостаточности любовного внимания в раннем детстве, в качестве другого источника шизоидного развития личности выступает избыток раздражения, наступающий тогда, когда матери не предоставляют ребенку необходимого покоя и не испытывают чуткости к его потребностям. Это, быть может, кажется очевидным и потому описано лишь приблизительно: для ориентации в потребностях маленького ребенка совершенно необходима стабильность в окружающей его среде. Постепенный рост доверия ребенка включает в себя доверие к нему, и, таким образом, доверие есть база для развития доверчивости, способности к интимности.

Ребенок не может переработать частую смену лица, осуществляющего связь с ним и уход за ним, частую смену обстановки и обилие впечатлений (например, длительный громкий шум от включенного радио или телевизора, яркое освещение в часы, когда наступает время сна, частые беспокоящие ребенка раздражения и т. д.). Такая нестабильность окружения ребенка и беспокойство его матери одновременно обрушиваются на него, отвергая при этом его потребность в покое и исключительности. При этом затрудняется обслуживание ребенка и развитие его собственных импульсов, что приводит к тому, что ребенок отказывается от ухода за ним, замыкается, испытывает страх, перевозбуждается. Кроме того, такие средовые факторы приводят к чрезмерной требовательности и, вследствие этого, шизоидизации ребенка, так как ему не представляются возможности для органичного, гармоничного развития. Создаются условия, при которых ребенок принужден лавировать между трудностями в своем развитии и незрелостью, что делает его неподготовленным к тяготам реальной жизни. Он должен таким образом чувствовать настроение и понимать ситуацию, чтобы снять напряженность и уменьшить изменчивость гнетущей его атмосферы, для чего он нередко принимает на себя роль родителей, поскольку не находит у них никакой поддержки. Этому обычно предшествует чрезмерная требовательность родителей, из-за которой он берет на себя роль взрослого, который должен думать, быть посредником, понимать и сглаживать конфликты и в глазах которого посторонние живут гораздо более естественной, натуральной жизнью, чем он сам. Их обделили в детстве или их сущностные корни недоразвиты, их безопасность и их жизненное самоощущение покоятся на хрупкой основе.

Мир так устроен, что мы одерживаем победу над драконом, проникшим в наше

естество, оставаясь при этом невредимыми, несмотря на свою незащищенность и уязвимость. Что же делает нас невредимыми? Очевидно, что если такая защищенность недостижима, то следует существовать в этом мире анонимно, надевая на себя шапку-невидимку. Эта шапка-невидимка — тот гладкий и чистый фасад, за который никто не может проникнуть, и посторонние не знают, что происходит за этим фасадом. Насколько соответствующие чувства не удастся скрыть, настолько развивается способность сознательно ими управлять, дозировать их. Рефлекторно или путем сознательного обучения эти чувства допускаются или отменяются, но ни в коем случае не оставляются на произвол судьбы в случае, если они могут представлять опасность для личности шизоида. Когда подруга одной юной пациентки сообщила ей о том, что родители той жаловались ей на холодность и враждебность дочери, девушка, немного подумав, сказала: «Хорошо, я выключу свою ненависть», после чего ее поведение по отношению к родителям стало еще более отстраненным и независимым.

Мы присоединяемся к мнению о том, что взрослые имеют определенную границу толерантности в отношении внешних впечатлений. Так, из опросов людей в разных странах известно, что они уменьшают шум или выключают свет, для того чтобы создать соответствующие условия для сна; длительное одиночество или пребывание в темноте вызывают аналогичные действия по преодолению этих превышающих толерантность человека факторов. Естественно, что границы толерантности для маленького ребенка значительно уже.

Для развития личности имеет особое значение то, вскармливается ли ребенок грудью или искусственно питается из бутылочки. Постоянный возврат к матери, их взаимная интимная радость при кормлении грудью не только дает ребенку возможность постепенно знакомиться с персоной, которая надежно обеспечивает удовлетворение его потребностей, но является первым уроком человека в обретении им надежды, благодарности и любви.

Ребенка, находящегося на искусственном вскармливании («бутылочное дитя», «Flaschenkind»), всегда окружают меняющиеся персоны, которые могут по-разному относиться к ребенку, что, по меньшей мере, затрудняет его развитие. Это приостанавливает комплексный процесс развития, затрудняя развитие чувства интенсивной привязанности к человеку, как это бывает при грудном вскармливании. Когда в становлении шизоидной личности мы в качестве одной из самых распространенных характеристик определяем недостаток связей, мы должны представить это и как утрату детской интимности между матерью и ребенком.

Во всяком случае, следствием описанных расстройств является то, что в самом начале своей жизни ребенок вынужден обороняться или защищаться от окружающего его мира, в противном случае его ждет разочарование. Если вовне он не находит для себя адекватного партнера, то ухватывается за самого себя, обретая партнера в себе самом. При этом реализуемые им шаги от себя к другому недостаточны. В его дальнейшем развитии, если оно не корректируется опытом, возникает описанная выше пропасть, склонность к независимости и эгоцентризму, фиксация на связи с самим собой.

Очевидно, что шизоидное развитие личности зависит от большого числа факторов внешней среды. Мы должны здесь также понять, что поколение, которое в раннем детстве пережило войну, подверглось воздействию упомянутых выше неблагоприятных средовых факторов (беспокойство в первые недели жизни вследствие ночных бомбардировок, вынужденного бегства, разрыва семейных связей, лишения

родины и т. д.). Это поколение часто обнаруживает шизоидные черты: неприязнь к семейным связям, склонность к участию в таких организациях и мероприятиях, при которых переживания остаются анонимными, необязательность в связях с противоположным полом могут быть отнесены к проявлениям этих характерологических черт. Половина проблем, возникающих у этого поколения в пубертате и требующих применения силы, связаны с этими обстоятельствами. Некоторые процессы в современном искусстве, которые мы называем «утратой основ», также можно охарактеризовать как проявление шизоидных черт. Шизоидное искусство потрясает, но часто и отталкивает. После исполнения произведения Фюрмайстера и Визенгюттера «Метамузыка» исполнители-оркестранты часто чувствуют себя больными.

Общая ситуация, в которой оказываются люди западного мира, вызывает шизоидизацию: мир становится все менее безопасным; несмотря на комфорт, окружающий нас, мы постоянно испытываем опасность; наше восприятие жизни оказывается изменчивым вследствие перенасыщенности раздражителями, с которыми мы сталкиваемся и от которых не можем отгородиться; призрак возможной войны и осознание того, что мы сами подвергаем себя риску тотального уничтожения, опасное влияние техники и достижений науки на окружающую среду и биологическое развитие создают чувство экзистенциальной угрозы, которое, как нам известно, играет большую роль в становлении шизоидных черт характера.

В качестве противостояния этой угрозе увеличивается склонность к йоге, медитационным упражнениям, а также в потребности погружения в мир внутренних переживаний, которое достигается с помощью наркотиков; возникло движение хиппи с сознательным отказом от техники и цивилизации, чье неконтролируемое господство становится для нас все более сомнительным. Господство природы, время и пространство преодолевает техника. Условия жизни, в которых мы боремся за наше существование, угрожают нашим душевным качествам и делают жалкими наши усилия, так что мы можем говорить о шизофреническом процессе, который поражает все западное общество.

Недостаток безопасности в раннем детстве является одновременно пусковым механизмом развития шизоидной личностной структуры, так же как и влияние окружающей среды. Несомненным также является дородовое, внутриматочное влияние материнского организма, хотя оно до сих пор мало исследовано. Как показал Штирниман в упомянутой выше книге, способность слышать у ребенка развита еще до рождения: на экране рентгеновского аппарата видно, как вздрагивает плод при громком звучании автомобильного сигнала. Возможно, что эмоциональные и аффективные переживания матери, изменяющие ее привычные установки, касающиеся беременности и ребенка, каждое состояние, угрожающее безопасности матери, распространяется и на ее тело, вынашивающее ребенка. И если мать вместо доброжелательности и одобрения, которые должны лежать в основе отношения к ней, встречает враждебность, отрицательные или ненавистнические установки, то это отражается и на ее будущем ребенке.

Примеры шизоидных переживаний

Один талантливый, но очень своеобразный и малоcontactный музыкант жил в очень тяжелых финансовых условиях. При посредничестве своего знакомого он получил хорошо оплачиваемое место, соответствующее его интересам, что означало для него

существенную помощь. В день, когда он должен был прийти на новое место и выразить свое согласие на новую работу, он засомневался в принятии решения и утратил свой шанс. Для себя он аргументировал такое поведение тем, что его друг своим предложением продемонстрировал свое превосходство и, используя бросающееся в глаза плачевное положение нашего музыканта, быть может, даже руководствовался гомосексуальными мотивами. Вместо того чтобы принять доброжелательное предложение, он испытывал страх стать обязанным своему другу и быть зависимым от него. Он должен был самому себе объяснить, что его друг руководствовался сомнительными мотивами.

Более глубокое объяснение этого малопонятного поведения заключается в том, что музыкант подвергал своего друга своеобразному испытанию: если такое мое поведение его не испугает, то это означает, что он не оставит меня в беде и его намерения достаточно серьезны.

Это делает более понятным тот порочный круг, ту безысходность, которая приносит новый опыт человеку: кто может дать гарантию, что можно верить симпатии данного человека? И, с другой стороны, кто готов отказаться от такого рода требований и полностью понять первоосновы и обусловленность каждого конкретного поступка? На эти вопросы не может ответить ни один мудрец во всем мире.

Ситуация для этого человека тем более осложнялась, что он желал, чтобы знакомый не оставлял его, несмотря на такое поведение. В одном случае он должен корректировать свое мнение относительно этого человека и вынужден ему доверять, к чему он вряд ли стремится. В другом случае его мнение о том, что этот человек недостоин доверия, подкрепляются, и он остается в гордом одиночестве со своим презрением к людям, что удобно для него.

Этот музыкант часто менял подруг, которых оставлял под различными предлогами — у одной ему не нравились манеры, у другой — ножки, у третьей — уровень образования: с ней не о чем было говорить, — каждый раз обосновывая свой страх перед связью, а также потребность в защите.

Когда ему намекали, что у него есть внебрачные дети, он всячески увертывался от такого рода напоминаний и намеков как от проявления назойливости.

Вот другой пример такого рода личностной структуры.

Один мужчина, достигнув среднего возраста, по-прежнему мучительно переживал свое аутсайдерство. Он испытывал чувство, что никому не нужен, что посторонние либо отвергают его, либо насмеются над ним.

Он страдал от этого, такое чувство делало его неуверенным, наносило ущерб его карьере, он ощущал, что люди враждебно к нему относятся, их присутствие создает «внешнюю тяжесть и преграду» для его действий, а его ответные реакции по типу рокового или порочного круга лишь затрудняют его общение с окружающими.

Его поведение отличалось порывистостью, казалось совершенно немотивированным и грубым, ироничным и оскорбительным по отношению к начальнику, резким и необоснованным по отношению к коллегам, его одежда и образ жизни так отличались от общепринятых, что большинство сторонилось его и предпочитало не иметь с ним ничего общего.

Увеличивающееся дистанцирование и одиночество такой человек проецирует на окружающих и, в особенности, чаще всего на тех, кто ищет взаимности или заботится о нем. С другой стороны, окружающие склонны бессознательно проецировать на него часть своих душевных проблем, связанных с проявлениями враждебности,

непривычности и неинтегрированности. Постепенно он все больше и больше становится белой вороной и козлом отпущения для коллектива, в котором живет и работает. Ему непонятно, почему большинство коллег так неприветливы, хотя он прилагает усилия, чтобы понять причину такого отчуждения. У него создается впечатление, что о нем распространяются слухи — может быть, о том, что у него «не все в порядке с головой», возможно, о его сексуальной неполноценности или политической неблагонадежности. Короче говоря, его подозревают в чем-то, о чем он не знает. Он бессознательно проецирует на людей свои собственные непереработанные проблемы. Никто из посторонних об этом не высказывается, он испытывает только возрастающее, непонятное для него дистанцирование от других, он воспринимает их недоверчивые взгляды или понимающее перемигивание друг с другом, значение которого он не может понять. Короче говоря, с обеих сторон возникает такое раскручивание ситуации, такой заколдованный круг возрастающего непонимания, который невозможно разорвать.

Биографические основы другого шизоида я хочу обрисовать более широко, исходя из того, что ростки будущих трудностей в контактах имеются у каждого шизоида, хотя он не может самостоятельно увидеть и правильно оценить их, воспринимая как загадочные и фатальные.

Он происходит из необычной семьи. Его отец был писателем, описывающим путешествия, очень известным во время раннего детства своего единственного сына. Он зарабатывал много денег и жил на широкую ногу в атмосфере шумного праздника. Его мать целиком вошла в эту великосветскую жизнь и не уделяла своему ребенку достаточно времени и внимания, не проявляя по отношению к нему ни глубокого понимания, ни подлинного интереса и любви. С раннего возраста он находился на попечении няни, а затем за ним ухаживал чернокожий слуга. Он вспоминал позднее, что оба относились к нему доброжелательно. Когда ему исполнилось пять лет, родители развелись, и с тех пор трудно было говорить о постоянном и устойчивом окружении ребенка, так как родители, придерживаясь новомодных представлений о свободе, много раз меняли партнеров. Он оставался с отцом, и ему сначала без всяких комментариев сообщили, что его мама «будет отсутствовать длительное время». Вскоре после этого к нему на короткое время заглянула мать. Лишь позднее он узнал, что она около двух лет лечилась в нервной клинике от душевного заболевания. Мы можем, следовательно, предполагать, что с тех пор она не была психически здоровой. Отец после развода женился на сестре матери. Это был его третий брак. Мачеха ненавидела свою сестру, которая была привязана к своему прежнему дому. Позже, когда нашему пациенту исполнилось 15 лет, мачеха покончила с собой. Вскоре его отец женился в четвертый раз.

В такой среде рос господин X. Он всегда чувствовал себя лишним («как пятое колесо в телеге»), никто всерьез не заботился о нем, никому по-настоящему не было до него дела, он рано испытал чувство, что никому не нужен, является помехой и, в конечном счете, нежеланным. Все это усиливалось следующими обстоятельствами. Родительский дом располагался за чертой города на холме, в малонаселенной местности, вследствие чего подросток не имел товарищей для совместных игр и времяпрепровождения. Отец, человек очень своеобразный, много пил и придерживался особого жизненного стиля: он превратил день в ночь, работал только по ночам, так как в это время никто не мог ему мешать, и спал днем, так что сын почти никогда не попадался ему на глаза; кроме того, он неделями путешествовал. Он пренебрегал сложившимися в обществе порядками, считая, что они созданы для дураков и

слабоумных. Когда, сын достиг школьного возраста, он не был послан в школу — родители предпочли частное образование в виде менявшихся домашних учителей. Лишь в 10 лет начался процесс систематического обучения в школе. Проблема контактов возникла после следующей малоудивительной истории. Он не имел буквально никакого опыта общения со сверстниками, так как никогда не бывал в их обществе. С чувством неуверенности искал он такую роль в классе, чтобы с ее помощью укрыться и защитить себя. Так вышло, что в некоторых ситуациях он непроизвольно выглядел комично, что вызывало симпатию и доброжелательный смех сверстников, так он впервые выступил в роли классного клоуна. Позднее за ним закрепилось прозвище «полоумный». Он привлекал к себе симпатии своих товарищей тем, что по любому поводу иронизировал, высмеивал учителей, оставаясь равнодушным к предостережениям и наказаниям; он часто прогуливал и отлынивал от занятий. Его отец воспринимал такое поведение скорее с удовольствием, что расценивалось как проявление столь редкой со стороны отца симпатии — отец был горд тем, что его сын, так же как и он сам, уклоняется от соблюдения общепринятого порядка.

Дружеский контакт, столь желательный для него, не был продолжительным, так как посторонние воспринимали его, несмотря на интерес к нему, как забавного аутсайдера.

С 12 лет началось то, что он позднее стал называть «большой болезнью», — скудость и блеклость чувств, предрасположенность к болезням. Он связывал это с тем, что мачеха освободила его от всяких физических усилий и занятий спортом из-за якобы «больного сердца и потому, что он слишком быстро рос». В результате, между прочим, выяснилось, что он не способен к нормальному физическому развитию, что его телесные недостатки не дают ему возможности чувствовать себя здоровым и естественным. Возникла характерная связь между его заторможенностью и телесной неловкостью, что затрудняло возможные контакты, телесную близость и здоровое соперничество со сверстниками. Мачеха, скрывая за чрезмерной заботливостью антипатию, таскала его от одного врача к другому. Он должен был длительное время безо всяких на то оснований лежать в постели. Врачи принимали участие в этой игре и в конце концов диагностировали у него латентный туберкулез легких. Вследствие этого он более двух лет был ограничен пределами своей комнаты и длительное время проводил в постели.

В этот период он перечитал множество книг без всякого выбора, все, что попадалось под руку из богатой отцовской библиотеки. Однажды во время лечения он очень метко сформулировал свои особенности: «Я эмоционально на 10 лет моложе, чем интеллектуально», — и это типичное характеризующее шизоидов изречение. «Я не знаю, присуща ли мне гетеро- или гомосексуальность» — вот другое определение, данное им самому себе и являющееся выражением неуверенности в своей половой восприимчивости

После 14 лет он снова стал посещать школу, и эта вторая попытка в отношении установления контактов была столь же несчастливой, как и первая. Два года изоляции без партнера в период пубертата, когда он переживал свое отторжение от сверстников и был предоставлен собственной фантазии, само собой разумеется, отбросили назад его эмоциональное развитие и усугубили трудности в общении. Снова он чувствовал себя среди других инородным телом — он пришел как новичок в классный коллектив, отношения в котором складывались годами.

На вопрос в анкете, касающийся выбора желательной в будущем профессии, 15-

летний юноша ответил: «профессиональный курильщик». Не стоит обижаться на эту самоиронию, а нужно видеть за ней не только беспомощность и тяжелое положение подростка, но и сигнал бедствия, обращенный к окружению. В школьные годы он встречал различные общества и товарищества, но чувствовал себя полностью несостоятельным для вступления в них, хотя и предпринимал мужественные попытки проявить себя и не уступать сверстникам. Желание быть таким же, как и другие, послужило основанием для того, чтобы добровольно пойти на службу в армию, где он прослыл чудачком из-за своей неловкости и был предметом добродушных насмешек.

После армии он продолжил обучение, изучая историю, языки и литературу. После окончания обучения он избрал специальность учителя и зарекомендовал себя весьма сведущим специалистом, странным и замкнутым, чей кругозор ограничивался книгами и домом. Ученики ценили его глубокие познания и снисходительно относились к его слабостям.

В 24 года он женился (правильней было бы сказать-«его женили»). Жена очень быстро поняла, что книги и процесс обучения интересуют его гораздо больше, чем она. Он не понимал, что предоставлял ей все возможности для измены, но, с другой стороны, был разочарован тем, как убог ее духовный мир, узки и ограничены ее интересы. Вскоре этот юный брак распался из-за взаимной измены. С его стороны это были гомосексуальные переживания, сопровождавшиеся тяжелым чувством вины и идеями преследования в рамках пограничных реакций, потребовавших психотерапевтического лечения.

Приведенная биография содержит некоторые типичные основы жизненной истории шизоидного развития: полная оторванность от реальной жизни, эмоциональная неразвитость, нерегулярная и неправильная связь с личностями, от которых ребенок зависит с самого начала своего существования, дефицит телесной близости и понимания со стороны тех, кто заботится о ребенке. Отстраненность или отказ взрослых от руководства ребенком, состояние одиночества при прохождении существенных ступеней развития, недостаток контактов и общих со сверстниками переживаний, слабая взаимосвязь с группой, с обществом, неудовлетворительные условия для развития эмоциональности и доверительности — все это создает пропасть между шизоидами и окружающими их людьми, дефицит практического жизненного опыта, что всегда вызывает замкнутость на себе самом и снижение внешней реактивности и вынуждает таких людей исполнять роль аутсайдеров.

Эти качества являются основой для возникновения одной из основных форм страха — страха перед самоотдачей и близостью, служащего источником для соответствующего импульса повышения самооценки и автаркии (самоудовлетворенности) как единственной возможности самосохранения. Таким образом, собственное одиночество по необходимости становится для шизоида единственным мерилем добродетели. Это может достигать экстремальных форм в виде ожесточенной враждебности ко всеми ко всему, презрения к людям, цинизма и нигилизма. Между тем, за этим отрицанием и попыткой укрыться от страха может стоять глубокое стремление к близости, доверию, любви и взаимности. Мы должны также понять, что такого рода развитие может легко привести к асоциальным и криминальным действиям, которые иногда становятся разрешающим внутренним конфликт механизмом. Рост поведенческих отклонений шизоидов от первоначальной недоверчивости через уклончивость, индифферентность и холодность к ненависти и презрению к людям является в большинстве случаев реакцией на опыт

взаимоотношений шизоидов с окружающим миром, т. е. следствием описанного выше порочного круга.

Вот еще один короткий пример самоописания недостаточности эмоциональных контактов и попытки заменить их рациональным путем, метко описанный одним шизоидным пациентом, который сказал: «У меня такое впечатление, что если другие дают реакцию на что-то, исходя из своих чувств, то у меня этот процесс носит расщепленный характер». Исключительность данного описания состоит в том, что шизоид свою неспособность к эмоциональным связям заменяет рациональным бодрствованием и радароподобной чувствительностью смысловых и мыслительных органов, что он называет «процессом расщепления».

Трудности и конфликты, которые шизоиды не могут преодолеть, переводятся в соматические симптомы; при этом соответствующая проблематика, относящаяся к органам чувств и органам, осуществляющим контакты, заменяется на признаки поражения кожи и дыхания в форме экзематозных и астмоидных расстройств, иногда встречающихся уже в раннем возрасте.

Кожа есть орган, отграничивающий нас от внешнего мира, и если внешний мир вызывает беспокойство, отражающее у шизоидов трудности их контактов, то это проявляется в преходящих кровотечениях, псориазе, потливости и пр.

- **Дополнительные соображения**

Мы можем снова констатировать, что переживания шизоидов, именуемых также «расщепленными людьми», в высокой степени определяются разрывом между душевной впечатлительностью, побуждениями и реакциями. Прежде всего, их витальные импульсы изолированы и отщеплены от чувственных переживаний. Иначе говоря, им не дается интеграция различных уровней чувственных и личностных слоев в едином, сплавленном переживании. Между рассудком и чувством, между рациональным и эмоциональным у них существует большое различие в степени зрелости этих функций; течение чувств и опыт осознания одновременно тянут в разные стороны, не разрешаясь единым переживанием. В связи с тем, что они с ранних лет вынуждены руководствоваться разумом и склонностью к абстрактным представлениям, они не способны в достаточной степени обучиться эмоциональному ориентированию и не располагают достаточной эмоциональной нюансировкой. Шизоиды знакомы, преимущественно, с примитивными предформами чувств — аффектами, для них характерно обеднение палитры выразительности средних, умеренных тонов и разделение мира лишь на черное и белое. Следствием этого является выпадение из системы эмоциональных межчеловеческих связей.

Для защиты от страха перед близостью шизоиды стремятся достичь максимально возможной независимости. Вместе со склонностью к автаркии и уклонением от контактов, составляющих окружение шизоида, это, естественно, связано с усилением эгоцентризма, требующего все большей и большей изоляции. Понятно, что у таких людей велика интенсивность страхов, все более усиливающихся вследствие изоляции и одиночества. Прежде всего, речь идет о страхе сойти с ума, степень которого может стать непереносимой. В нем отражается переживание шизоидом того, что он может перестать существовать как самость, и его незащищенность в этом мире. Один такой пациент сказал однажды: «Страх — это единственная реальность, которую я знаю». Он характеризовал свой страх не только как боязнь чего-то определенного, конкретного,

имеющего границы и очертания, но и как тотальное, охватывающее все его существо переживание. А вот другое высказывание: «Я не знаю страха. Вероятно, во мне есть страх, но этот страх не есть мое „Я"». Этот пациент полностью дистанцируется от своего страха, ему кажется, что страха нет больше в его сознании, но мы можем себе представить, насколько изменчиво это состояние и как легко «Я» может быть заполнено таким отщепленным от осознания страхом.

Выше уже говорилось о попытках облегчить переживания страха. Когда человек не может решить, чего же он боится — вмешательства посторонних или сумасшествия, когда его слабость и незащищенность нарастают во времени, он не может выдержать это состояние. В таких случаях разрушительный страх может привести к психозу как последней отчаянной попытке уйти от страха. Можно предположить, что сумасшествие (нем. *verrückt, ver-rückt*, «бегство от») есть в реальном масштабе избегание или спасение путем бегства в ирреальный мир, где больной чувствует себя здоровым, а внешний мир представляется ему больным (что в иных случаях соответствует действительности). Попытки избежать переноса своего страха на объекты внешнего мира, преодолеть или устранить страх не помогают избежать его.

С ростом аутизма шизоиды все больше утрачивают интерес к окружающему миру и людям и расценивают события, связанные с утратой объекта (т. е. с утратой лица, к которому они испытывали особую привязанность), как катастрофу. Так как их заинтересованное участие в мире минимально, а их склонности направлены вовнутрь, это приводит к обеднению окружающего мира и его обесцениванию. Такое восприятие жизни отражено в сновидении одного шизоида: «Я нахожусь на большом кружащемся стекле, как на дьявольском колесе; круг движется все быстрее и быстрее, край все ближе и ближе, и каждый миг может превратить меня в ничто». Или другой сон: «Передо мной крепость из цементных плит с маленькими смотровыми люками, расположенная в песчаной пустыне; крепость хорошо вооружена и снабжена запасом продуктов на целый год; я обитаю в этой крепости один». Одиночество, отгороженность, защита от страха или потребность в самоудовлетворении — вот в его представлении едва ли не самые прекрасные качества.

«Необитаемый снежный ландшафт; на заднем плане несколько склоненных деревьев, на переднем плане — маленькая ванна с теплой водой; я чувствую себя совсем одиноким.» Это сон приснился юноше, который таким образом описал сложившуюся у него жизненную ситуацию.

Он был третьим и последним ребенком, родившимся после возвращения отца с Первой мировой войны. Отец получил ранение в голову, после которого стал чрезвычайно упрямым и из-за своей грубости и раздражительности непереносимым для управления крестьянской усадьбой, в которой проживала его семья. Мать была очень старательной и заботливой; она приняла на себя все хлопоты по руководству усадьбой и не имела возможности уделять внимание детям — на языке сна это то малое тепло, которое было сосредоточено в ванне посреди снежной пустыни. Мальчик чувствовал себя очень одиноким и до 12 лет конструировал такую «связь» с матерью: она имела обыкновение вечером, когда он уже лежал в постели, играть на фортепиано; с помощью проволоки он соединил клавишу с электрической батареей, подключенной к лампе, подвешенной к стене у постели. Лампа загоралась, когда мать во время игры нажимала на эту клавишу. Подобные психодинамические истоки нередко являются основой изобретений, которые бессознательно корректируют изъяны в переживаниях детства, в данном же случае — неудовлетворенную потребность в контактах.

Существование шизоида в мире («In-der-Welt-Sein») достаточно точно отражается в мечтаниях и сновидениях шизоидов. В одном из таких снов пациент, подобно Максиму Горькому, очень рано вынужден был пуститься в странствия и зарабатывать себе на жизнь. Когда он, опять же во сне, посетил Толстого, то рассказал ему о сне, в котором на бесконечной заснеженной русской улице маршировала пара сапог, только сапог. Вряд ли можно более кратко и сжато изобразить одиночество.

Отказ от общения с миром и обращение к самому себе постепенно приводит к утрате связи с миром, что сопровождается переживанием страха перед самоуничтожением и абсолютной пустотой как реализацией дьявольского замысла. Часто сновидения и представления, связанные со страхом, у шизоидов приобретают формы апокалиптической мировой катастрофы. Единственное, что может спасти его от угрозы утраты мира, это существование в условиях одиночества.

Проиллюстрируем еще одним примером, к чему приводит страх перед близостью и как обратная сторона этого — угроза одиночества. При недоверчивом бодрствовании внимания у шизоидов усиливается болезненная подозрительность, при которой такой человек вынужден вести себя, как говорится, «тише воды, ниже травы», так как он во всем чувствует опасность и в любом безобидном замечании усматривает тревожащие его мотивы.

В моей практике был случай, когда подозрительность шизоидного пациента появлялась сразу же после того, как я намеревался проверить его реакцию на перемены в окружающей среде. Наряду с подозрительностью, этот случай показывает, как тонко реагирует настороженный шизоид на изменения в окружающей среде, обращая внимание на то, что не является значимым для других. Все, что направлено на смысловое истолкование происходящего, у них исключительно заострено. В другом случае, когда во время терапевтического занятия несколько раз звякнул телефон, пациент расценил это как специально заказанный мною звонок, чтобы испытать, как он будет реагировать на помехи.

Почти все, что шизоид воспринимает извне, все связи, которые имеют отношение к нему, включая большинство контактов и жизненно важных отношений с окружением, интерпретируются и объясняются бредовым образом и входят в бредовую структуру, не поддающуюся коррекции. Все, что происходит с ним, по его мнению, отнюдь не случайно, имеет особое значение, которое он пытается постичь.

Можно себе представить, какие страдания и беспокойство доставляет шизоидам такое отсутствие естественности и непринужденности, когда простой и безобидный вопрос «как поживаете?» вызывает у них подозрение и требует вскрытия таящейся за ним угрозы. Их осторожность и повышенная чувствительность по отношению к внешним контактам столь выражена, что их существование напоминает улитку, готовую в любой момент укрыться в своей раковине.

Молодой человек, которому уже неоднократно отказывали в профессиональном трудоустройстве, потерпев очередную неудачу, расценил ее по-бредовому. Он нуждался в социальной помощи, но опирался лишь на самого себя и не пытался получить никакой поддержки и защиты дома, так как считал, что не может ожидать ничего лучшего, чем пинок отцовским сапогом, и оставался в том же поселке, где ему отказали в работе, полагая, что «каждый сверчок должен знать свой шесток».

Он был очень честолюбив, тяжело переживал неудачи, и ему казалось, что родители имеют право оттолкнуть его за то, что он не может проявить себя так, как другие. Мы многократно пытались понять эту взаимосвязь и старались рассеять его

бредовые представления путем реальных испытаний. Однако переживание упомянутой выше неудачи подверглось у него болезненной переработке. Он поступил на лечение в состоянии подавленности и говорил с горечью и вызовом: «Вы, наверное, снова мне скажете, что моя встреча на вокзале с человеком, который был одет в изорванный костюм, точь-в-точь как мой лучший костюм, того же цвета и материала, — чистая случайность, а не ясный и недвусмысленный намек на то, что я отверженный и опустившийся человек?» Мы смогли быстро объяснить с психодинамической точки зрения и его бредовую переработку пониженной самооценки, и ее психодинамические основы. Мы видим, как близко соседствуют друг с другом предрассудки и бредовые представления, и мы можем с достаточным основанием говорить, что предрассудки могут перейти в бред — они так же аффективно насыщены, их носители так же не готовы подвергать свои убеждения реалистической проверке и с трудом их корректируют, как пациенты крепко держатся за свои бредовые представления.

Нечто напоминающее такую подозрительность мы можем наблюдать у себя в периоды душевного смятения, в состоянии непереработанного страха или при переживании чувства вины. В период Третьего рейха любые лица, высказывавшиеся против партии и власть предержащих, часто вызвали подозрение: не являются ли они опасными врагами, провокаторами из СА или СС, и не достаточно ли даже услышать высказывания, чтобы быть интернированным в концентрационный лагерь? Одиночество и изоляция, так же как отсутствие безопасности, являются реальным основанием для такого типа реакций. Когда мы остаемся одни в чужом доме или даже в чужой стране и слышим непонятный шепот, мы скорее будем склонны к ложному или даже бредовому его истолкованию, особенно при душевной смятенности, страхе или чувстве вины, чем когда мы расслабляемся в знакомой компании или общаемся с человеком, к которому испытываем доверие.

Мы находим в подозрительности шизоидов еще ' одну большую проблему: их изолированность и межчеловеческую незащищенность. Примеры показывают также, как узка граница между здоровьем и болезнью, когда мы даем реакцию на экстремальную ситуацию, реакцию, которая нам известна как проявление болезни, и как при продолжительности экстремальной ситуации такая болезненная реакция дает развитие, которое мы расцениваем как самозащиту.

Еще один пример того, как шизоидные пациенты по-бредовому перерабатывают свое подавленное и страстное стремление к контактам и нежности.

Одиноким и замкнутым тридцатилетним мужчиной сидел во время концерта возле экстравагантно одетого молодого человека. Он все время незаметно поглядывал в его сторону и испытывал все возрастающее желание вступить в контакт с этим юношей, заговорить с ним и понравиться ему. Неопытный в общении с людьми и руководимый лишь собственными побуждениями, он стал испытывать все более и более усиливающийся страх — для начала в форме неопределенного беспокойства, которое достигло степени паники, когда он представил себе, что от молодого человека исходит красный круг, в поле действия которого он попал. Это вызвало у него холодный пот и принудило в ужасе бежать из концертного зала.

В данном случае хорошо видно, какие подавленные желания контактов, нежности и даже гомосексуальной близости находят шизоиды в намеках окружающих людей, которые об этом даже не догадываются и на которых они проецируют исходящие от них самих представления. В данном случае истинная ситуация оборачивается (и становится безумной) таким образом, что внутренний страх переносится на внешнюю угрозу, от

которой можно спастись только бегством. Ясно, что при таком лабильном и незащищенном внутреннем и внешнем мире шизоиды пытаются разработать такой образ жизни («технику жизни»), при котором они никого не могут приблизить к себе, и, стремясь к спокойствию и безмятежности, остаются педантичными, отстраненными и по возможности независимыми. Они проходят через все стадии отстраненности, надменности и отчужденности вплоть до ледяной холодности и бесчувствия, а когда эти защитные меры становятся недостаточными, это приводит к внезапной резкости или взрывной агрессии, которые мы описывали выше. Окружающие могут оказать им реальную помощь лишь тогда, когда уяснят себе взаимосвязи их поступков и поймут, какая глубинная проблема порождает такой образ поведения.

При терапии шизоидов мы соприкасаемся с пограничной ситуацией, вызывающей угрозу человеческому существованию. У них мы должны учиться тому, что для человека жизненно важно, какие семейные и социальные средовые факторы и в каких масштабах противостоят нашему развитию и, вообще, с каким трудом эти факторы могут быть сглажены и компенсированы.

Гениальные люди часто развиваются из подобной личностной основы, проявляя свои чувства в такой тотальной форме недоумения и вопрошания («In- Frage-gestellt-Seins»), что мы видим, как часто неразлично тонка граница между гениальностью и психозом. В любом случае ясно, что если такие личности способны пережить и преодолеть свой страх, они могут достичь высшей степени гуманности и человечности.

Следует еще раз подчеркнуть, что шизоидные расстройства могут иметь различную интенсивность. Когда мы пытаемся выстроить в ряд шизоидные личности от здоровых до больных, от менее тяжелых к более тяжелым расстройствам, то получаем следующую последовательность: *легкая затрудненность контактов — повышенная чувствительность — индивидуализм — оригинальность — эгоизм — чуждаковатость — странность — аутсайдерство (манера держаться особ няком) — асоциальность — криминальность — психотические расстройства*. Мы нередко встречаем среди них лиц с гениальной одаренностью. Для гениально одаренных шизоидов одиночество и незащищенность играют позитивную роль, так как делают их свободными от традиций и привязанности к прошлому, ограничивающих кругозор тех, кто связан с традициями и опирается на поддержку общества.

Ситуация, в которой оказываются шизоиды, заставляет их получать знания и переходить за границы, в рамках которых остаются респектабельные граждане. Когда их эмоциональная жизнь не обеднена (чего следует ожидать при их сдержанности), шизоиды являются очень дифференцированными сенситивными людьми, питающими глубокую антипатию ко всякой банальности и пошлости. На самом деле, они могут находиться среди людей только при условии эмоциональной обедненности и холодности.

Их отношение к религии носит, большей частью, скептический, даже циничный характер; они остроумно высмеивают «бессмысленность веры», критически относясь к ритуалам, традициям и другой «формалистике». Они вообще охотно лишают колдовского очарования и разоблачают все, что имеет ореол таинственности, безо всякой почтительности относятся к необыкновенным явлениям, объясняя их с точки зрения современной науки. С полной убежденностью они рационализируют все, что связано с недостатком информации, получаемой органами чувств, так что их суждения не вызывают дискуссии.

Однако часто кажется, что эти установки относительно религии и веры являются

своеобразной профилактикой разочарований. Они предпочитают не верить, чтобы не разочаровываться, и тайно ожидают «доказательств», которые могли бы их переубедить. Иногда они получают дьявольское наслаждение от нигилизма и деструктивности, потому что другие разрушили их веру. Но, стремясь поколебать веру окружающих, они подвергают сомнению собственные установки, быть может желая остаться один на один с собственным неверием. Шизоиды с тяжелыми личностными расстройствами не способны к переживаниям любви и веры и склонны к атеизму.

Они часто делают самих себя мерилom всех вещей, доходя до чудовищной надменности и самообожествления. Если они и обращают свои интересы к внешнему миру, то исключительно для того, чтобы оценить интерес к своей собственной персоне, своей мощи и значительности, рассуждения о которых постепенно заполняют все их сознание. Некоторые находят в религии не защиту и прибежище, их религиозность не основана на искренней детской доверчивости, но связана с верой в персонального, любящего именно их Бога.

Многие допускают предположение о существовании какой-то надперсональной сверхъестественной силы, противостоящей свободной индивидуальности и реализации гуманных целей, которые должен осуществить человек как личность.

Этика и мораль представляются шизоидам весьма сомнительными. Они считают, что большинство требований, предъявляемых человеку, чрезмерны и вызывают у него чувство вины. В связи с недостаточностью контактов у них отмечается слабая социальная приспособленность; будучи эгоцентриками, они учитывают только собственные интересы и, соответственно, считаются только с ними. Они придерживаются «морали господина», признавая ее для себя единственно достойной, и полны презрения к тем «слабым личностям», которые связывают свои действия с моральными соображениями, расценивая эти свойства преимущественно как трусость и недостаток мужества. Сильные шизоидные личности, живущие по своим собственным законам, по принципу «сила (и могущество) в гордом одиночестве», сами оценивают имеющиеся возможности и опасности. Только «сильные духом», как показано в этой главе, могут не только противопоставить себя другим, но и находиться в оппозиции к установившимся в обществе оценкам и суждениям. Слабые и хрупкие отстраняются от окружающих путем создания своего личного мира, способного обеспечить их всем тем, в чем посторонние не нуждаются. В некоторых случаях это стремление реализуется в необычной, исключительной привязанности к животным или к неживой природе.

Глубокие личностные расстройства часто вызывают деструктивные разрушительные действия, связанные с асоциальностью и отсутствием сомнений при достижении своих целей.

Родители шизоидов и их воспитатели уделяют детям мало тепла; эмоциональные потребности ребенка обеспечиваются ими не в полной мере и без взаимности. Они часто высмеивают эмоциональные проявления ребенка, с легкостью вызывают у ребенка чувство неуверенности, разгадывая и высмеивая их мотивы и наивную психологическую защиту. Тем самым они толкают шизоидов уже в раннем возрасте к саморефлексии. Это вызывает холодность шизоидов к окружающим, разрушает хрупкую связь с ними, затрудняет реакции, связанные с интуицией и пониманием других, и одновременно поддерживает готовность к тревоге. Возможность идентификации с любящим их существом (ребенком) настолько уменьшается, что становится недостижимой. Это особенно больно, ведь в раннем детстве они хорошо относятся к детям, часто проявляя по отношению к ним мягкость и даже нежность. Позднее они скрывают свою симпатию

за насмешливой иронией, что травмирует детей, так как для одних это означает, что их любовь потеряла для родителей свою ценность, а для других — что их чувства не принимаются всерьез («У моего сына появились внезапные порывы нежности», «Моя дочь сегодня так любезна потому, что ей, наверное, что-то от меня нужно»).

В основе их личностной структуры, в первую очередь, лежит нежелание вступать в близкий контакт с посторонними. Они интересуются абстрактно-теоретическими проблемами. Особенно часто среди них встречаются представители точных естественных наук — астрономы, физики, математики и инженеры. Если речь идет о науках, обслуживающих человека, то это чаще всего те дисциплины, которые не связаны с непосредственным общением, — психологическое тестирование, работа с микроскопом или рентгенаппаратурой, а если речь идет о патологии, то чаще всего это патологическая анатомия. Душевные проявления они легко объясняют как совокупность физиологических рефлексов. Они могут вместе с Шопенгауэром сказать: «Дорогой Бог, если ты есть, спаси мою душу, если она есть». Их психология содержит едва скрываемые желания. Если они врачи, то чаще исследователи, нежели практики. Особенно часто у них обнаруживается особое отношение к психиатрии и пограничным дисциплинам; как теологи они склонны скорее к религиозной науке, чем к практической работе священника. Часто они уходят от людей к животным, растениям или минералам и исследуют мир с помощью приборов, усовершенствующих органы чувств, — телескопов или микроскопов.

Можно себе представить, сколь опасными в руках тяжелых шизоидов могут быть научные познания и обретенное с их помощью могущество, если эти люди лишены связи с человеческим окружением, живут только своими аутическими идеями и ищут способ воплощения этих идей в жизнь. Их профессиональный выбор, наряду со склонностями и способностями, определяется попыткой найти такую область науки, где бы они могли спокойно и без помех применить свои знания. Как философы они часто являются далекими от жизни абстрактными мыслителями, чьи интересы носят сугубо теоретический характер и не имеют ничего общего с практикой.

В политике они охотней всего становятся революционерами и анархистами, экстремистами и радикалами или, напротив, остаются политически нейтральными и придерживаются той солипсической точки зрения, что общество, которое направляет образ жизни, их не интересует.

В искусстве их интересы, в большинстве своем, направлены на абстрактное и беспредметное; они пытаются выразить свои сложные внутренние переживания символически и таинственно; некоторые из них становятся острыми критиками, сатириками и карикатуристами. Их стиль — своеобразие, проти-вопоставленность общепринятым мнениям, оригинальность во что бы то ни стало и — иногда — пророчествование. При своей независимости они не склонны работать в угоду публике и при этом, выражая общечеловеческие закономерности, открывают новые пути развития искусства. Они часто схватывают психологическую атмосферу вещей, проясняют невысказанное и выделяются в тех областях, где другие ничего не усматривают или которых избегают. Таким образом, их произведения делают наши знания о людях более глубокими. Они редко получают признание при жизни.

Профессиональная деятельность часто бывает для них далеко не самой существенной частью жизни, а лишь источником существования; их интересы лежат за пределами профессии и устремлены на различные увлечения и хобби. Они охотно избирают профессии, которые связаны с уединением и требуют минимума

межчеловеческих контактов. Нередко отмечается у них склонность заниматься животным миром, растениями или минералами в разнообразных формах. Некоторые из них становятся электриками или работниками транспорта, тем самым подсознательно и символически восполняя в абстрактной форме не обходимость в контактах.

Шизоиды, освобождаясь от традиционных форм, часто являются пионерами и инициаторами новых направлений. Иногда их сомнения в целесообразности человеческого существования становятся столь интенсивными, что их одиночество приобретает inferнальный характер и приводит к исключительным пограничным состояниям, от которых они не могут защититься.

Пожилые шизоиды становятся все более одинокими и странными. Однако некоторые из них, понимая это, приобретают мудрость. В общем, можно сказать, что шизоиды иначе, чем другие, осмысливают для себя особенности возраста и, благодаря независимости и изолированности от общества, легче переносят одиночество. Они уже давно построили для себя собственный мир, в котором живут, обходясь без человеческого участия. Шизоиды меньше, чем другие, боятся смерти, относясь к ней стоически и без сантиментов, как к объективному факту. В связи с тем, что они так мало отдают миру и человечеству, они меньше, чем другие, чувствуют свою покинутость и заброшенность; они держатся не столько за посторонних, сколько за самих себя и поэтому легче, чем другие, расстаются с внешним миром. Позитивной стороной шизоидов является, прежде всего, их суверенность и независимость, мужественность в отстаивании своей автономии и индивидуальности. Им свойственны острая наблюдательность, аффективно-холодная деловитость, критический, неподкупный взгляд на действительность, способность к объективному отражению фактов без смягчения и украшательства. Они лишь в незначительной степени ограничивают себя общепринятыми традициями и догмами и, будучи независимыми, берут на себя ответственность за рискованные, ранее неиспытанные действия. Лишенные сентиментальности, они ненавидят все неустойчивое, непонятное и чрезмерно аффектированное. Они защищают свою убежденность и бескомпромиссность и на любой случай имеют свое особое мнение. Придерживаясь сатирически-иронической позиции и остро реагируя на слабости других, они сами часто совершают ошибки и проявляют неадекватность в межчеловеческих контактах, так как неспособны правильно оценить отсутствие естественности и то, что скрывается за внешне благополучным фасадом. Они верят в свои способности и возможности, продолжают жить без иллюзий и считают возможным с помощью особых приемов и искусства преодолеть судьбу, полагая, что человек — кузнец своего счастья.

Мы уже упоминали о шизоидах с сильно выраженной измененностью структуры личности, которые отнюдь от этого не страдают и чувствуют себя здоровыми. Они утверждают в своей автаркии и отгороженности и живут за счет других, причиняя им боль своей бесцеремонностью. К такого рода личностям относятся многие власть имущие и вообще люди, которые распоряжаются другими, не думая об их нуждах и интересах и испытывая глубокое пренебрежение и презрение к людям.

Описывая в данной и следующих главах «позитивные» образцы тех или иных личностных структур в рамках четырех принципиальных форм, мы ясно показываем, что это описание не носит оценочного характера и каждая из структур может проявить себя на самом высоком уровне. Для шизоидов очень важно в противовес их автаркии и стремлению к самоограничению развивать другую сторону их природы и не пренебрегать пусть даже ограниченным намерением частично интегрироваться с массой — в

противном случае это может' привести к полной болезненной изоляции, утрате всяких связей с окружением. «Плохо, когда человек одинок», — утрата связей приводит к человеконенавистничеству.

В последней главе этой книги мы узнаем, что каждому из четырех вариантов личностной структуры свойственна склонность к установлению связи с противоположным типом. В этом, возможно, проявляется подсознательное стремление к компенсации и освобождению от болезненной односторонности. Поэтому не так просто без сожаления расстаться с основными импульсами и облегчить переживание соответствующих страхов. С риском мы доверяемся переменам, в риске самозабвения заключается помощь ближнему, и даже в опасном одиночестве сохраняется шанс найти выход и удержаться на плаву. Симпатия и связь переживаются не только как бремя, цепи или опасность, но и как поддержка, как коллективное переживание и совместное развитие, а также как расширение наших личностных границ с помощью партнеров.

2

Депрессивные личности

Забыв себя, тебя я не лишусь.

Гердер

Обратимся теперь ко второй основной форме страха, связанной с существованием единства и целостности «Я» и глубинным переживанием утраты безопасности. Основным импульсом у этих личностей, как это следует из приведенной выше аллегии, является «революция», или, иначе говоря, стремление объединиться с «большим центром», другими людьми, избежать поворота к самому себе. Мы определяем это качество как стремление к самоотдаче и расширению своего духовного содержания.

У депрессивных личностей преобладает стремление к доверительным близким контактам, страстное желание любить и быть любимым, соотнесение своей сущности и своего поведения с мерками и масш-

табами человеческого общества. В их любви превалирует желание сделать любимого человека счастливым — они сочувствуют нам, догадываются о наших желаниях, больше думают о нас, чем о себе, в порыве самоотдачи готовы забыть о себе и, по крайней мере в данный момент, готовы слиться с понятием «Мы», пренебрегая индивидуальными различиями.

Прообразом каждой любви являются отношения между матерью и ребенком, и, быть может, каждая любовь пытается восстановить то, что переживалось нами в раннем детстве: чувство безграничной и безусловной любви к нам, к нам таким, какие мы есть, и ощущение того, что наше существование совместно с другими переживается как счастье. Мы приносим в жизнь нашу предрасположенность к любви и расцветаем, когда эта способность становится востребованной. Любовь воспринимается как чувство собственной ценности, и наша готовность любить возвращается к тому, кто принимает ее. Мы снова должны повторить, что это выглядит таким образом, будто у человека преобладает самоотвержение и самоотдача в ущерб потребностям становления своего «Я»

Первым следствием этого является то, что партнер депрессивной личности становится сверхценным объектом. Любящая самоотверженностью стремится посвятить себя партнеру и без связи своего существования с другим человеком невозможна. Отсюда устанавливается и распространяется зависимость, которая является центральной проблемой для лиц с депрессивными чертами характера: они больше, чем другие, зависят от партнера. Их способность любить и готовность любить вместе с их потребностью в любви — вот две стороны их натуры, которые Эрих Фромм в своей книге «Искусство любви» определил двумя фразами: «Я нуждаюсь в тебе, потому что люблю тебя» и «Я люблю тебя, потому что я в тебе нуждаюсь». Неся свою любовь каждому, поскольку не может не любить, депрессивная личность не верит в возможность того, что ее потребность в любви будет реализована.

Когда один человек действительно нуждается в другом, он стремится уменьшить дистанцию между ними. Ему причиняет страдание пропасть, разделяющая «Я» и «Ты»,

та дистанция, в которой безусловно нуждаются шизоиды и которую они поддерживают в целях самозащиты. В противоположность этому депрессивные личности стремятся достичь максимальной близости и, по возможности, удержать ее. У них так мало развиты эгоистические, направленные на обеспечение «Я» стремления, что любая дистанция, любое отдаление и разъединенность с партнером вызывают у них страх, и они делают попытки снять это дистанцирование. Отдаление от партнера означает для них оставленность, покинутость и заброшенность, что может привести к глубокой депрессии вплоть до отчаяния.

Что делать, чтобы избежать мучительного разрыва и уйти от страха утраты? Единственный способ состоит в развитии такой степени самостоятельности и независимости, чтобы полностью освободиться от партнера. Но именно это очень тяжело для депрессивных личностей, у которых ослабление тесного контакта с другими тотчас же высвобождает страх утраты. Они делают попытки найти спасение в других людях, которые сняли бы подобные проблемы, но мы видим, что положение от этого лишь ухудшается.

Им кажется, что такую безопасность дает им зависимость — и они ищут ее либо входя в зависимость от другого, либо поставив другого в зависимость от себя. При любом типе зависимости они нуждаются в обещании — пусть лживом — не оставлять их.

Как им, вероятно, кажется, связь с другим тем прочнее, чем выразительнее они демонстрируют беспомощность и зависимость — ведь не может быть другой человек столь жестоким и бессердечным, чтобы оставить их в таком положении. Другая возможность заключается в том, чтобы поставить другого в зависимость от себя, как это делают дети, в противоположность описанным выше действиям; но, в любом случае, мотивация депрессивных личностей остается той же и состоит в том, чтобы удержать зависимость.

У депрессивных личностей доминирующим является страх утраты в различных его внешних проявлениях — страх перед изолирующим дистанцированием, беззащитностью и одиночеством, страх быть покинутым.

Они ищут неограниченной близости и необыкновенно крепких уз, связывающих их с другими, именно в этом находя защиту от страха — в противоположность шизоидам, которые видят защиту от страха в дистанцировании и освобождении от связей. Для депрессивных личностей близость означает безопасность и защищенность, для шизоидов — угрозу и ограничение их автаркии, и наоборот, дистанцирование для шизоидов — это безопасность и независимость, а для депрессивных личностей — угроза их существованию и страх оставленности и одиночества.

Если депрессивная личность узнает, что для партнера интересы существования «Я», индивидуальности неизбежно означают расставание, то они отказываются от самих себя, унижаясь и повергая себя в прах перед партнером. Говоря на языке нашей аллегории, депрессивные личности пытаются избежать страха, отказываясь от центробежного стремления к «Я» (от своего «Я») или делая других зависимыми от себя. Депрессивная личность становится спутником другого человека или делает другого человека своим спутником. Это может быть тихая, безропотная, обращенная в прошлое жизнь в качестве спутника партнера или стремление создать такую жизнь для другого. Страх может достигать высокой степени и осознаваться как боязнь утраты; страх остаться наедине с самим собой, с собственными проблемами продолжает оставаться неосознанным. Страх депрессивных личностей, касающиеся как собственных проблем,

так и угрозы, которую несет самостоятельность партнера, при столкновении с жизнью получают дальнейшее развитие и могут привести к реальной утрате связи с партнером, тем более что любая индивидуальность и самостоятельность требуют изоляции. Чем больше самости и самостоятельности мы проявляем, тем больше отличаемся от других и тем меньше общего имеем с ними. Индивидуализация означает, прежде всего, выход из системы безопасности, предписывающей «быть таким, как все», и связана с переживанием страха; «стадное влечение» этот страх уменьшает, и, вместе с тем, растворение в массе усиливает страх перед индивидуализацией. Для депрессивных личностей этот страх особенно закономерен. Для них отличие от других, чужие мысли и чувства сочетаются со страхом утраты, так как означают переживание отдаления и отчужденности. Поэтому депрессивные личности пытаются отказаться от различения себя и других.

Сделаем еще некоторые разъяснения. Чем меньше мы учимся развивать свое личное существование, свою самостоятельность, тем больше нуждаемся в других. Таким образом, можно констатировать, что страх утраты является обратной стороной слабости «Я». В связи с этим предпринимаются попытки обезопасить себя от страха, отказываясь от всего того, что мешает или препятствует депрессивной личности и ей противопоставлено. Если «Я» недостаточно развито, то такой человек нуждается в поддержке со стороны и вступает в тем большую зависимость от другого, чем слабее он сам. Но при возникновении зависимости появляется постоянный страх лишиться этой поддержки — ведь он так много вложил в другого, так много делегировал ему полномочий, что не верит в возможность жизни без партнера, так как именно в нем, в другом, заключено его существование. Депрессивные личности ищут зависимости, которая сулит им безопасность; вместе с зависимостью, однако, возникает страх утраты, поэтому они прилагают все усилия для удержания другого, панически реагируя даже на кратковременную разлуку. Таким образом, образуется типичный порочный круг, который может быть разорван только с риском для собственного существования, так как автономия субъекта в данном случае разрушительна.

Если шизоидная личность защищает себя от разрушительной близости, придерживаясь мнения, что окружающие люди опасны и недостойны доверия, и избегая таким образом страха самоотдачи, то депрессивные личности ведут себя прямо противоположным образом: они идеализируют человека, с которым стремятся сблизиться, считают его безобидным, прощают ему слабости или смотрят сквозь пальцы на темные стороны его характера. Депрессивные личности не проявляют тревоги и беспокойства по поводу возможных неприятных последствий, связанных с их доверчивостью. В связи с этим у них так мало выражены фантазии, связанные с людской злобой в отношении их самих и партнеров, они всецело доверяют другим и не знают ограничений в любви; они подавляют сомнения и игнорируют критические замечания, не желая знать о том, какие трудности могут возникнуть на их пути, избегая споров и столкновений, поступая так, «как хочет любимый», и нередко тем самым создавая угрозу отдаления от них партнера.

Депрессивные личности идеализируют партнера и вообще думают об окружающих лучше, чем они есть на самом деле. Это создает опасность использования их в корыстных интересах, что чаще всего и происходит. Их поведение отличается детскостью и затянувшейся наивностью. Они придерживаются страусиной политики и, уходя от жизненных трудностей, прячут голову в песок, веря, что их окружают «хорошие люди».

Для достижения гармонии и безмятежной близости депрессивные личности, со своей стороны, должны соответствовать идеалу «хорошего» — они стараются придерживаться альтруистических добродетелей: скромность, самоотверженность, доброжелательность, самоотречение, сочувствие и сострадание они называют главными человеческими качествами. Эти качества могут проявляться в различной степени — от чрезмерной скромности, когда для себя ничего не требуется, выраженной подчиняемости и приспособляемости вплоть до самоотречения, а в экстремальных случаях — в форме мазохистски-послушного поведения. Все приводится к общему знаменателю — с отказом от собственных желаний и собственного существования, для того чтобы избежать страха перед одиночеством и уклониться от пугающей индивидуализации.

При этом может возникнуть опасный самообман: дело в том, что описанные выше варианты поведения с соответствующей идеологией скрывают только мотивацию, исходящую от страха утраты, сами же депрессивные личности могут сознательно разделять другие моральные ценности с меньшей скромностью, доброжелательностью и пр. Они (депрессивные личности), на самом деле, добродетельны поневоле, предпочитая отдавать и жертвовать тем, что у них так мало развито и что занимает так мало места в их жизни, — своим «Я».

Такое уклонение от индивидуализации дорого стоит. Депрессивные личности не могут решиться на все то, что составляет суть их жизни — на желания, побуждения, аффекты и инстинктивные потребности. Они не решаются на это не из-за страха и не из-за своей идеологии, а потому, что не могут сделать то, что осуждает другой. В связи с этим они всегда находятся в зависимости, потому что их желания и ожидания, которые они, естественно, имеют, зависят от исполнения их другими. Когда они не получают желаемого, хотя бы в качестве вознаграждения за свою скромность, то уповают на Небо в соответствии с обещаниями христианской идеологии.

Отсюда возникает пассивная выжидательная позиция депрессивных личностей, которая не защищает их от разочарований и их последствий в форме депрессий, потому что в реальной жизни эти ожидания и упования не оправдываются. Разочарование в такой надежде на награду приводит к усугублению депрессии, к прорыву отчаяния. Депрессивные личности как бы попадают в положение Тантала, который видит воду и фрукты, но не может их вкусить или ему это не разрешено. Они не могут ничего потребовать и потому ничего не имеют, не могут проявить облегчающую душу агрессию, не могут в достаточной степени оценить свое состояние из-за ограниченности самооценки, и, с другой стороны, у них не хватает мужества, чтобы сдерживать себя. Приведу один пример депрессивного поведения

Одна молодая замужняя женщина говорила: «Мой муж часто развлекается с юной девушкой; я знаю, что она очень привлекательна и моего мужа легко совратить. Я сижу дома и реву, но не знаю, что придумать и предпринять. Если я буду его упрекать, он сочтет это за детскую ревность. Я боюсь, что мои нервы не выдержат и он будет иметь право выгнать меня. Муж у меня единственный, и если я его люблю, то обязана смириться с происходящим, так уж положено».

Она, очевидно, не уверена в том, что мужу «так уж положено», но в ее представлении таковы «современные партнерские отношения», которые не должны ее разочаровывать, хотя она сама их не разделяет. Она не уверена в том, что сможет бороться против того, что она на самом деле воспринимает как угрозу своему существованию, так как в силу ограниченной самооценки переоценивает свою

соперницу. Вместо того чтобы защитить свои интересы и отстоять свою позицию, признав, что ее терпимость неограничена, вместо того чтобы, быть может, устроить своему мужу сцену ревности, хотя бы для того, чтобы он был уверен в ее любви и привязанности, она одержима страхом перед тем, что он может ее оставить. Она упрекает себя в чрезмерной приверженности мещанской морали, считая, что обязана приспособлять свои желания к его требованиям (это обстоятельство используется мужем в собственных интересах). Поскольку она чувствует, что ей угрожает утрата связи с мужем, она верит, что удержать его может только еще большая готовность к пониманию его проблем. Она совершенно растерялась, узнав о его презрительном отношении к ней. Так как она сама себя не воспринимает всерьез, то не может серьезно и до конца воспринять и осмыслить сложившуюся ситуацию.

В наше время мы часто встречаемся с подобными обстоятельствами, когда всеобщая неопределенность в отношении свободы и обязанностей по отношению к связям, верности и сексуальной ориентации, поддерживаемая некоторыми средствами пропаганды, вынуждают людей — и прежде всего депрессивных личностей — поступать совершенно несвойственным им образом, из-за страха, что их могут упрекнуть в том, что они «отстали от моды» и не понимают «веяний времени».

Упомянутая выше молодая женщина подчиняется в своей жизни определенным альтруистическим требованиям, которые сама ставит перед собой. Так, к Рождеству она ежегодно составляет список почти сотни лиц, которым обязана послать поздравление и (или) сделать подарок. В связи с этим по крайней мере за неделю до праздника она впадает в депрессию от страха, что не успеет вовремя выполнить свое задание. Она не думает о том, как это воспримут другие, испытывает чувство вины, если ее адресаты высказывают некоторое недовольство этими церемониями, и все равно выполняет намеченный ею план действий.

О том, какие «неудачники» часто встречаются среди депрессивных личностей, свидетельствует следующий пример.

«Я должна быть мужественной, потому что все, что со мной происходит, получается кривь и вкось. Вчера я была у парикмахера, который полностью искромсал и искорежил мою прическу. Затем мне отказал лучший портной — такое случается только со мной. В утешение я купила себе блузку, но дома она мне не понравилась — на самом деле я хотела совсем другого.»

Из данного примера легко понять, что данная личность не может достаточно ясно выразить свои желания и, вообще, ее желания носят неясный, неопределенный характер. Поэтому она всегда разочарована и свои неудачи связывает с различными внешними обстоятельствами или с тем, что ей «не везет». Так как она не смогла четко объяснить парикмахеру, какую хочет прическу, и не имела определенных представлений о том, какую блузку хотела бы купить, она не смогла получить компенсацию за свое разочарование. Она жалеет себя и переживает свои неудачи, чувствует себя обделенной жизнью и не может реализовать себя из-за неопределенности своих желаний и неспособности определить свои требования к сложившейся ситуации. Печальный опыт общения с мастером, который на тот период являлся законодателем мод, вызвал у нее тенденциозное представление о том, что она неудачница и достойна сожаления, и не дал ей возможности правильно осмыслить свою роль в происходящих событиях. Из высказывания типа «такое случается только со мной» видно, что вина за происходящее перекладывается на «злой мир», который обрекает ее на страх и комплекс неполноценности за проклятую неудачливость. Она извлекает из этой жалости к себе

истинное удовлетворение и не нуждается ни в чем другом.

Конфликты депрессивных личностей проявляются, в первую очередь, в форме соматических нарушений в воспринимающих органах. Символически представляя все, что они воспринимают, они делают это своим внутренним достоянием. Такого рода психосоматические расстройства легко возникают при конфликтных ситуациях, фиксируясь в области глотки, глоточных миндалин, пищевода и желудка. Ожирение и исхудание также могут быть психодинамически связаны с конфликтами. В народе бытует выражение «печальное сало», или «ожирение от горя» (Kummer-Spessh); связано оно с тем, что разлука или утрата близкого человека нередко компенсируются неумеренным пьянством или обжорством. Это почти неотличимо от расстройств влечений, если рассматривать их как эрзац удовлетворенности или способ бегства от действительности.

Трудности, с которыми сталкиваются депрессивные личности, могут привести к умственной несостоятельности, при которой они не могут справиться со своими проблемами и нуждаются в уходе. Им так тяжело подумать о чем-то конкретном, они так быстро все забывают, что кажется, что это — органические симптомы поражения мозга. При более внимательном рассмотрении мы убеждаемся, что такое впечатление недостаточно обосновано. Депрессивные личности воспринимают окружающее с недостаточным интересом и вниманием, потому что одержимы страхом; сильные раздражители до них не доходят, так как лишь усугубляют конфликт и ослабляют их способность к восприятию; они как бы включают фильтр для чрезмерных по силе раздражителей, чтобы предотвратить разочарование. Сюда же относятся трудности в учебе или общая утомляемость и как бы безучастность, которые, с одной стороны, несут защитные функции, а с другой — по типу обратной связи — усиливают депрессию, так как приводят к невыполнению ожидаемых от них действий и функций и к разочарованию в себе самом. Такая кажущаяся умственная недостаточность депрессивных личностей является еще одним признаком их разочарованности и глубокой убежденности в том, что они не в состоянии быть счастливыми. Они охотно заранее отказываются от счастья, боясь большего разочарования в будущем. Таким образом, они проводят в жизнь так называемую «политику зеленого винограда»: человек не верит даже в то, чего ему под силу добиться, и отбрасывает от себя желаемое, так как оно недостижимо. Избавляясь от всего, что может с ними произойти, для того чтобы избежать разочарований, они нередко обрекают себя на жизнь без желаний, серую, скучную и лишенную стимулов. Они с завистью взирают на уставленную яствами скатерть, с которой другие берут и вкушают плоды жизни.

Депрессивные личности всегда подходят к пределу своей приспособляемости и готовности к самоотречению. Осознав тот факт, что эти свойства не являются отклонением от их субъективной сущности и не связаны ни с чрезмерной добродетелью, ни со всепоглощающей завистливостью, мы находим возможности для оздоровления депрессивных личностей путем освобождения их от страха и чувства вины.

Депрессивная личность и любовь

Любовь, стремление к любви, становление любовных отношений является самым главным в жизни депрессивных личностей. В этом направлении развиваются самые лучшие стороны их натуры, здесь же таится наибольшая опасность для их психики. Из приведенных выше описаний становится ясно, что именно в партнерских отношениях

депрессивные личности приходят к кризису. Напряженность, столкновения, конфликты в таких отношениях мучительны и непереносимы для них, они угнетают их больше, чем следует из объективных обстоятельств, потому что конфликты активизируют страх утраты. Для депрессивных личностей непонятно, почему их старания могут довести партнера до точки кипения, так как в судорожном цеплянии за него они находят облегчение. Депрессивные личности реагируют на кризис в партнерских отношениях паникой, глубокой депрессией; страх иногда приводит их к шантажированию партнера угрозой или даже попытками самоубийства. Они не могут себе представить, что партнер не столь нуждается в близости, как они сами, что душевная близость не доставляет ему удовольствия и радости. Потребность партнера в дистанцировании они расценивают как недостаточную склонность к ним или признак того, что их больше не любят.

Способность к интуитивной идентификации, так же как и умение понять сущность другого человека и в трансцендентном участии сопереживать ему, особенно характерна для депрессивных личностей и является их прекрасным качеством. Подлинность и искренность чувств — важнейший элемент любви и человечности. Их готовность к идентификации может достичь медиумической чуткости, при которой реальные границы между «Я» и «Ты» стираются — все существо депрессивной личности стремится к любимому, любовное томление носит мистический характер безграничной трансценденции божественного происхождения, в котором, может быть, бессознательно отражена не имеющая пределов связь с матерью в раннем детстве, обретенная вновь на высшем уровне. Мы вновь видим, что в развитии нашей способности к любви решающее значение имеет ранний опыт общения с матерью.

У здоровья людей с депрессивной акцентуацией личностных черт имеется большая и искренняя способность любить, готовность к самоотдаче и жертвенности. Они охотно переносят жизненные трудности вместе с партнером, их личность внушает чувство безопасности, искренности и беспричинной расположенности.

При глубоких расстройствах у депрессивных личностей в любовных отношениях преобладает страх утраты; он настолько непереносим и так значим для них, что фактически становится самым главным в партнерских взаимоотношениях. Обе стороны в наиболее частом варианте отношений, любя партнера, стремятся самым полным образом идентифицироваться с ним. Это, на самом деле, означает достижение наибольшей духовной близости. Партнер может реагировать на это отказом от максимального сближения, отстаивая свой личный суверенитет. О чем думает депрессивная личность и как она чувствует, можно догадаться по высказываемому желанию «читать в глазах» — зная о том, что он мешает партнеру, что тот хочет отвязаться от него, убрать со своей дороги, он принимает его взгляды, разделяет его мнения — короче говоря, он любит так, что вообще создается угроза стирания различий между существованием депрессивной личности и партнера. Такое «слияние» для депрессивной личности является как бы заклинанием от страха утраты. Он весь в партнере и живет сознанием своей жертвенности и самоотречения. Истинность или неистинность такой любви определяется тем, что депрессивные личности решаются на любовь (так как она сама по себе смягчает страх утраты), отдавая себе отчет в опасности любви для них самих и понимая, что партнер должен иметь условия для свободного развития своей индивидуальности.

Здесь принцип «я хочу того, что подходит тебе» абсолютизируется. Для партнера такого рода связь во многих отношениях удобна, но если от своего партнера депрессивные личности ожидают большего, чем быть его «эхом» или обслуживающим

его бессловесным духом, то их ждет разочарование. Подобным же образом развиваются взаимоотношения с ребенком, когда страх утраты партнера переносится на дитя. Депрессивные личности делегируют партнеру все, что сами хотят и могут сделать, вступая в полную зависимость от него и становясь без него совершенно беспомощными, веря, что их собственная потребность в помощи удовлетворяется партнером. Это выглядит таким образом, что партнерские отношения и брак являются подсознательным отражением детской связи с отцом или матерью. По таким же мотивам депрессивные личности, овдовев, вскоре вновь вступают в брак, хотя и безгранично любили своего покойного супруга: они стремятся ухватиться за нового партнера и приспособиться к нему, ведь самое главное для них — не остаться одинокими.

Таким образом, депрессивные личности стремятся к симбиозу, к упразднению границы между «Я» и «Ты». Такое стремление к стиранию различий между «Я» и «Ты» один депрессивный пациент описывал так: «Я не знаю больше, где заканчиваюсь я и начинается он». Они полностью растворяются в любви, или любовь «пожирает» их так, что они как бы забывают, они ли это сами или это их партнер. В обоих случаях проблема зависимости заключается в том, что они хотят избавиться от собственной индивидуальности, не признаваясь в этом партнеру.

Часто партнерские взаимоотношения у депрессивных личностей осуществляются по типу «если я тебя люблю, то я люблю все, что касается тебя». Это прекрасная попытка избежать страха утраты: партнер может вести себя как ему заблагорассудится — в конце концов, депрессивная личность любит свое чувство больше, чем себя самого, и в этом смысле он зависим от себя и своей любовной готовности, достигая таким образом вечной и нерасторжимой любви.

Более тяжелой является другая форма депрессивных партнерских взаимоотношений — так называемая шантажирующая любовь, или любовь-вымогательство. Она охотно рядится в повышенную заботливость, за которой скрывается господствующее влечение бежать от страха утраты. Если это недостижимо, депрессивные личности прибегают к более сильным методам, направленным на пробуждение у партнера чувства вины, — например, к угрозе самоубийства; если же это не оказывает желаемого действия, они впадают в состояние глубокой депрессии и отчаяния.

Формулировка «если ты меня больше не любишь, то я не хочу больше жить» побуждает партнера к ответным действиям, чтобы освободиться от тяжелого бремени чужой жизни и изменить свои привязанности. Даже если партнер достаточно мягок, склонен испытывать чувство вины и не догадывается о причинах трагедии, он все равно склонен уклониться от участия в трагедии, тогда как противоположная сторона все сильнее запутывается в своих проблемах. Таким образом, в глубине таких связей, где от партнера ожидают освобождения от страха, сострадания и чувства вины, тлеет ненависть и желание смерти. Болезнь также используется как один из видов шантажа и приводит к аналогичным трагедиям.

Мы можем снова констатировать, что страхи и конфликты депрессивных личностей имеют общие закономерности: чем глубже мы любим, тем больше боимся быть покинутыми, и при всей опасности человеческой любви мы надеемся найти в ней защиту. Мы видим также, что отказ от собственной индивидуальности не дает нам никакой гарантии безопасности от страха утраты. Напротив, если мы уклоняемся или отказываемся от своей сущности, то в конечном итоге приходим к тому, чего пытались избежать. Существование партнерских отношений связано с созданием дистанции,

которую оба партнера, по возможности, должны не только соблюдать, но и развивать по отношению к себе самому. Истинное партнерство возможно только между двумя самостоятельными индивидуумами, которые относятся друг к другу как к объекту любви, а не как к зависимому от другого приращку. Не доверяя самостоятельности партнера, мы тем самым увеличиваем опасность утраты; зависимость и ничтожное внимание к себе самому увеличивают вероятность того, что партнер также потеряет интерес и найдет его на стороне, где не берут и не отдают так много.

Даже если партнер пытается соблазнить несовершеннолетнего ребенка, депрессивная личность серьезно воспринимает это как попытку освобождения или как то, что он преступил границу толерантности партнера и тем самым способствовал переходу любви в ненависть. Такая ситуация способствует образованию «невроза вдвоем», при котором взаимоотношения партнеров стабилизируются («стагнируются»), а связь с ребенком не получает дальнейшего развития.

Сексуальность для депрессивных личностей менее значима, чем любовь, симпатия и нежность. В партнерских взаимоотношениях они могут получать удовольствие и от сочувствия партнеру, имея при этом установку, что в любви нет границ между дозволенным и недозволенным. В случаях выраженной зависимости от партнера мы встречаемся со всеми возможными формами мазохизма вплоть до абсолютной подчиняемости, в основе которой нередко лежит представление о том, что полный отказ от собственных желаний является единственным способом удержать партнера.

В какой степени свободы или привязанности нуждается каждый, переносима или не переносима данная связь, не может быть регламентировано: каждый ищет и находит свое решение этой проблемы. Каждый человек, его задатки, его биография и его социальная ситуация настолько различны и уникальны, что и требования, которые он ставит перед партнером, могут расцениваться как отклонения от нормы, фальшь или непотребство. Мы должны проявлять достаточно понимания и такта, чтобы уважать различные формы проявления любви, отдавая себе отчет в том, как легко осудить и наказать то, что в зрелом возрасте является компенсацией дефицита любви в детстве.

• Депрессивная личность и агрессия

Из сказанного выше понятно, что для депрессивных личностей общение с окружением с его агрессивностью и аффектами представляет большую проблему. Как депрессивная личность может быть агрессивной, утверждать свое мнение и настаивать на своем, если такой человек полон страха утраты, если свою жизнь он проводит в системе зависимости, если он так привязан к предмету своей любви? Зависимость не может быть подвергнута нападению, так как депрессивная личность нуждается в ней — ведь это значит подпилить сук, на котором сидишь. С другой стороны, агрессия и аффекты неизбежны, пока человек существует в мире; они так же естественны, как мы сами. Что же делать с собственной агрессией, если она кажется депрессивной личности столь опасной?

Ее возможно избежать. Это становится достижимо с развитием идеологии миролюбия. Миролюбие принимается как противопоставление агрессивности и предназначается не только для самой депрессивной личности, но и для ее окружения. Тот, кто хочет утвердиться, должен критически отнестись к самому себе; тот, кто действительно хочет защитить себя, предельно заостряет ситуацию, чтобы объяснить ее

и сделать безопасной, — трудно представить себе что-либо более действенное, чем превращение агрессивности в пустяк, чем понимание и прощение. В рамках такой идеологии нетрудно отказаться от своих намерений, сославшись на болезнь и незащитность, не дать развиваться собственному аффекту. Такое поведение носит компенсаторный характер и вызывает чувство морального превосходства, которое есть не что иное, как сублимированная форма агрессии.

Такая манера поведения может привести к исполнению роли жертвы или воплощения бесконечного терпения, что в конечном итоге приводит к духовному, моральному или сексуальному мазохизму. Кроме того, между партнерами возникают такие странные взаимоотношения, при которых любовь и принимаемые решения вследствие идентификации с другим в значительной степени передаются другому и переживаются совместно. Если ты делаешь себя объектом требовательности, собственности и агрессивности партнера, то переживание идентификации с ним сопровождается не только подавлением собственной индивидуальности, но и особенно сильным чувством морального превосходства: если перенесенное тобой страдание и нанесенный тебе ущерб столь желанны и так укрепляют тебя в твоих возможностях, не вини себя в этом, пусть другой испытывает по этому поводу чувство вины. Отсюда становится понятно то сомнение, которое вызывает столь односторонняя добродетельность: в то время как мы сознательно верим в свои страдания, мы подсознательно доставляем страдание другому; это оборачивается садомазохистским поведением — святой становится мучителем, а грешник — мучеником. «Не убийца, а убиенный вино вен» — так называется пьеса Франца Верфеля. В ней описывается терпеливое смирение человека, страдающего от агрессивного и злого партнера, вызывающее в последнем чувство вины. Эта агрессия делает героя пьесы больным, но все, что ему нужно, — это оставаться невинной жертвой, пробуждая в партнере чувство вины. Здесь разыгрывается ситуация, которую можно объяснить тем, что речь идет о такой интенсивности аффекта, которая соответствует ужасающей агрессии, переведенной в русло глубокой депрессии.

Мы уже упоминали, что за сверхзаботливой любовью депрессивных личностей скрывается подсознательная агрессия; при такой сверхзаботливости депрессивная личность может удушить партнера или «мягко изнасиловать» его.

В равной степени подсознательная агрессия проявляется в часто встречающихся формах депрессивной агрессивности — причитаниях, жалобах и сетованиях. То, что это изматывает и изнуряет партнера, депрессивные личности не осознают. Они жалуются на то, что на их долю выпало слишком много страданий, что люди так злы и беспощадны; они демонстрируют такое выражение лица, которое без слов вызывает у других чувство вины, принуждающее их к участию и заинтересованности. Однако для партнера это может быть чрезмерным и он, поняв ситуацию, освобождается от чувства вины, которое возлагает на него депрессивная личность.

Так как агрессия не находит у депрессивных личностей объяснимого выхода, она может вначале выражаться в форме жалости к самому себе, а затем направляется на самого себя, что особенно интенсивно выражено при меланхолии. Из-за неразрешимых конфликтов между агрессией, чувством вины и одновременно с ними возникающего страха утраты любви они вынуждены все первоначально возникающие упреки, обвинения и ненависть направлять на самих себя, вплоть до возникновения самоненавистничества и сознательных или подсознательных саморазрушительных действий. В прежние времена особенно трагичным такое самоповреждение было у

детей, когда их справедливый гнев или зависть не находили внешнего выражения и ситуация переживалась ими как безвыходная и угрожающая. Так как невозможно найти какой-либо клапан для освобождения аффекта и в связи с тем, что этот аффект переживается как чувство вины, они испытывают необходимость направить это чувство на самих себя и даже наказывать себя. Серьезные трагедии происходят в детстве, когда свою отверженность и ненужность дети переплавляют в ненависть к самому себе, а агрессию, связанную со страхом утраты и незащищенностью, переживают как угрожающую их существованию ситуацию. Так депрессивные личности с раннего возраста учатся сводить на нет и переводить на другие рельсы свою агрессивность.

Как следствие этого у них, как правило, возникает представление, которое они никогда не реализуют, о том, что их агрессия рано или поздно примет такие масштабы, что они, наконец, смогут утвердить свое достоинство и настоять на своем. Это, однако, оборачивается очередным разочарованием, так как их агрессивность никогда не достигает соответствующих размеров и возвращается к ним бумерангом, усиливая страх и чувство вины, удваивая душевную тяжесть, которую они вынуждены переносить.

Осознавая, что они могут использовать заряд своей агрессивности для овладения принятыми манерами поведения и вызвать к себе уважение, а также понимая, что переоценка возможных негативных последствий своей агрессивности неадекватна, депрессивные личности получают возможность приобрести новый и полезный для них опыт.

Мы должны сказать, что подавленная агрессивность депрессивных личностей может сублимироваться и идеологизироваться в форме повышенной заботливости, скромности, доброжелательности и покорности и переходить в жалобные причитания и жертвенность с дальнейшей склонностью к самообвинению, самонаказанию и саморазрушению.

Как мы уже упоминали, агрессивность имеет склонность к соматизации: некоторые тяжелые и неизлечимые заболевания могут развиваться из психологических корней и являются как бы подсознательным самонаказанием и мстью в форме саморазрушения.

Аффекты и агрессивность, не имеющие внешнего выхода и клапана для их регуляции, могут не только вызывать страдания, но и приводят к общей слабости побуждений вплоть до пассивности и аспонтанности, которые, являясь следствием подавления агрессивности, по типу обратной связи тормозят ее. Ненависть, ярость и зависть неизбежны в жизни ребенка, и они становятся особенно опасными, когда накапливаются в неотреагированном виде и становятся основой для развития депрессии в будущем. Бессильная ярость, фрустрированная агрессивность, чувство ненависти и зависти, которые мы вынуждены подавлять, делают нас депрессивными, подавленными, т. е. похожими на детей, которые не могут проявить себя из-за своей зависимости и беспомощности. Когда ребенок внешне проявляет свои аффекты и свою агрессивность, он одновременно учится избегать их в случаях, когда соответствующая ситуация становится рискованной или когда она перестает быть актуальной. Если ребенок исключительно тих и покорен, если он скупает и при общении с окружающими от него нет никакого толку, если он не проявляет никакой инициативы и любая его активность нуждается в подбадривании и стимулировании, если он не может чем-либо заниматься в одиночку и бурно реагирует на ситуацию, когда его оставляют одного, то все это является признаками начинающейся депрессии и требует особого внимания.

Переработка агрессии, приобретая зрелые формы, обогащает жизненный опыт.

Здоровая и правильно использованная агрессивность является важнейшей составной частью чувства собственного достоинства, осознания ценности собственной личности и здоровой гордости. Ограничение самооценки депрессивных личностей является важным источником их нерешительности, их неиспользованной и извращенной агрессивности. Слова Гете из «Избирательного сродства» о том, что «нет лучшего средства спасения от чрезмерной гордости, чем любовь», есть сублимация зависти, но ребенок неспособен к такой сублимации.

Мы снова обращаемся к вопросу, каким же образом происходит депрессивное развитие, при котором у человека преобладает страх утраты и страх перед становлением собственного «Я».

- Биографические основы

Конституциональная предрасположенность депрессивных личностей акцентируется на склонности к теплоте и душевности, готовности и способности любить, чуткости и глубокой интуиции. Эти качества часто сочетаются с некоторой тяжеловесностью и привязанностью к чувствам, которые значимы для депрессивных личностей и усиливают их депрессию. Их эмоциональная структура — верность, постоянство и склонность к любовным переживаниям — приводит к тому, что эти люди часто сталкиваются с жизненными коллизиями, которые вызывают у них меланхолические реакции. Из-за этих качеств они не могут предотвратить или уменьшить ту опасность, которая мешает им жить так, как следует из их предрасположенности. К тому же, у этих личностей встречается прирожденная склонность направлять агрессивность на самих себя, так что в жизни им трудно найти опору в самом себе. По своей натуре они миролюбивы, доброжелательны и не приспособлены к борьбе. Другие конституциональные компоненты состоят в чувствительности, незащищенности и ранимости, «недостаточно толстой шкуре», что лишает их опоры и стойкости. Вероятно, у них имеется врожденная склонность к флегматичности и комфорту, хотя до сих пор неясно, что из этих качеств относится к предрасположенности, а что является реакцией.

Мы вновь сталкиваемся здесь с пересечением конституциональных и биографических данных.

Биографические взаимосвязи, благоприятствующие депрессивному развитию личности, мы поймем лучше, если представим себе раннее детство, особенно вторую его фазу. Речь идет о той ранней фазе развития, во время которой ребенок постепенно начинает сознательно воспринимать окружающий мир, когда свою мать он считает источником удовлетворения его потребностей, для чего необходима ее постоянная и неизменная доброжелательная склонность и забота. Детство рисуется как длительный период существования вместе с матерью как «Мы»; как это формулирует Кюнкель, мать и дитя живут в симбиозе, образуя единство, в рамках которого ребенок постепенно начинает отделяться от матери. Вначале разделительная граница между ними в сознании ребенка представлена нечетко. Он лишь осознает, что мать находится за пределами его существа, и в то же время понимает, что она приносит ему радость и удовлетворение; он находится в зависимости от матери.

Ребенок нуждается в матери и полон страха, когда она отдаляется от него. Он полностью от нее зависим и ориентирован на нее; она является для него важнейшим пунктом взаимосвязи с миром. Ребенок воспринимает ее образ и ее существование всей

полнотой своих чувств. Даже длительное время спустя тотальная зависимость от матери выражается в глубокой запечатленности ее образа в душе человека. Интериоризация матери является чрезвычайно важной частью духовного становления ребенка: то, какую позицию занимает мать в своем переживании связи с ребенком, определяет его отношение к самому себе в будущем. Внутренний образ матери, то, что психоанализ называет интроекцией или инкор-порированием образа матери, индивидуализированный материнский опыт, отражается позднее в нашей позиции по отношению к себе самому. Тот, кто имеет счастье представлять себе образ любящей матери, получает любящую поддержку в своей самооценке, тот, кто имеет несчастье представлять себе свою мать жестокой и отвергающей его, не имеет глубинной любящей опоры и в течение длительного времени нуждается в новых опытах любовной поддержки со стороны, он верит в любовь и надеется ее встретить

При хорошей взаимосвязи между матерью и ребенком происходит взаимное обогащение, которое ребенком и его матерью воспринимается как счастье. Ребенок, как эхо, отражает улыбку матери, он отвечает на ее улыбку своей, а потом своей улыбкой вызывает ласковую усмешку матери. Так возникает внутренняя взаимосвязь, дающая разгадку взаимного понимания, залог умения быть счастливым, первый урок благодарности, надежды и любящей симпатии. Этот период является коротким раем в жизни ребенка, когда от него ничего не требуют, его потребности предвосхищаются и удовлетворяются, когда само существование переживается им с радостью и наслаждением. Главная новация в этой второй фазе раннего развития — это понимание своей зависимости от людей и пробуждающаяся потребность в доверительной близости с ними, и прежде всего, разумеется, с матерью.

Чрезвычайно важно, что мать предоставляет ребенку подобную возможность, создавая такую обстановку и такие отношения, что ее образ «запечатлется в сердце» человека. Образ матери и ее сущность являются первым впечатлением ребенка о человеке и вообще о человечестве. Первая симпатия и первое отвержение, любовное или неприязненное отношение, то, как мать смотрит на него, прикасается к нему, обращается с ним, ведет себя по отношению к нему, воспринимается ребенком с большой чувствительностью, и он очень тонко на это реагирует.

Ее отношения с ребенком являются не только основой его самоощущения, но и корнем его самооценки по принципу «как аукнется, так и откликнется».

Теперь спросим себя, какие могут возникнуть расстройства в этой фазе развития, при которых импульс, связанный с поворотом к самому себе, вместо радости сопровождается переживанием страха и чувства вины. Эти расстройства связаны с двумя характерными ошибками в позиции матери в отношении ребенка, которые мы обозначаем как избалованность и запрет.

Сначала об избалованности. Здесь речь идет, прежде всего, о матерях маленьких детей, счастливых в своем материнстве, предпочитающих, чтобы их дети всегда оставались маленькими, беспомощными, зависимыми, нуждающимися в их помощи. Мать, часто сама имеющая депрессивную личностную структуру и связанный с ней страх перед жизнью и боязнь утраты, находит выход из этого страха, балуя ребенка. Она осыпает ребенка ласками и нежностью, постоянно сомневается в том, здоров ли он, и не может ему ни в чем отказать, даже если это необходимо.

Иногда к этому присоединяются факторы личностного биографического характера: например, если женщина разочарована в браке или если партнер оставил ее и ребенок составляет все содержание ее жизни. Она нуждается в ребенке, нуждается в его

любви и делает все мыслимое, чтобы его обслужить. Чем старше становится ребенок, тем более сомнительной становится польза такой деятельности для ребенка.

Она со страхом смотрит, как его развитие идет вперед, как он взрослеет и становится самостоятельным. Это означает для нее, что он все больше отдаляется от нее, все меньше в ней нуждается и стремится от нее к другим людям.

Вероятно, такое желание удержать ребенка и видеть его маленьким соответствует глубинному материнскому инстинкту — о том, что мать в течение длительного времени чувствует себя жертвой, много говорят, — однако такое чувство не следует переоценивать, ведь каждая мать должна отдать своего ребенка людям и охотно это делает, несмотря на то что длительное время и с любовью его растила.

Она балует ребенка, с первых же дней после рождения успокаивая его при каждом крике и плаче, и это становится ее жизненной потребностью, удушающей все проявления самостоятельности ребенка; она отвечает на любое недовольство ребенка таким потоком ласк и нежности, что он лишается шанса выразить свой аффект или найти собственное решение для устранения неприятных чувств и ощущений. Если такое состояние продолжается долго, то это приводит к тому, что мать становится как бы постоянным магнитом, привлекающим все внимание и все чувства ребенка. Она живет со своим ребенком в «глубоком клинче» — так в боксерской терминологии обозначается положение, когда партнеров связывает тесная и продолжительная близость, от которой они не могут освободиться. Она ищет и находит любые мотивы, чтобы уберечь ребенка от жизненных трудностей, предугадать его желания, подать ему все «в разжеванном виде»; она выполняет роль мягкой подушки между ребенком и окружающим миром, таким образом отгораживая его от мира. Она не может отменить неизбежные здоровые аффективные реакции ребенка, но реагирует на них болезненно, со слезами, что вызывает у него чувство вины, хотя такие аффекты являются нормальным способом поведения, адекватным возрасту.

Все это приводит либо к стремлению отказаться от привязанности к матери, так как она предоставляет слишком мало шансов для реализации самостоятельности, либо, напротив, к тому, что с раннего возраста без матери или без ее разрешения человек не знает, как ему себя вести и что ему делать. С течением времени ребенок лишается собственных желаний, примиряется с действительностью и скатывается к пассивному безволию, в то же время ожидая, что его желания будут угадываться и исполняться, потому что он сам от своих желаний отказался. Так возникает «позиция комфорта», пассивная манера ожидания, представление о мире как о «сонном царстве», за которым скрывается депрессия. В своем романе «Обломов» Гончаров блестяще описал такой вариант развития личности.

Дальнейший отказ от желаний, воли и импульсов к действию приводит к тотальной неопытности в общении с миром, что, уже вторично, еще более; усиливает имеющуюся зависимость. Часто такая мать рисует ребенку окружающий мир полным злом и угрозы, что при дальнейшем развитии вызывает у него чувство, что тепло, защищенность, понимание и безопасность он может найти только у матери. Слабость у матери собственных побуждений, направленных вовне, за пределы ее симбиоза с ребенком, обеспечивает возможность такого развития. Такая мать не находит никаких возможностей реализовать себя, кроме как в своих отношениях к ребенку, и ревниво оберегает их связь, отвергая друзей и подруг; или мать печально и болезненно реагирует на предложение дружбы, расценивая предполагаемую связь как измену и рассматривая потенциального друга как соперника, который может отнять у нее ребенка.

Таким образом, ребенок до пубертатного возраста легко управляем, его собственные побуждения подавляются и как бы укутываются ватой заботливой материнской любви. Никакая грубость, холодность, жестокость не касаются ребенка, так как он спрятан от них в материнском укрытии. Он вынужден находиться в мире, где ни в чем не имеет отказа и не может воспринять трудности, с которыми приходится сталкиваться. Встречаясь с трудностями, он переживает свою бестолковость и несостоятельность, что приводит его к старым и испытанным методам защиты. Вследствие слабости собственного «Я» самообеспечение в этом мире кажется ему невыполнимой задачей, которая пугает и разочаровывает его.

Такие матери несвоевременно, с возрастным отставанием от сверстников, отпускают своих детей и предоставляют им возможность для собственного развития. Они привязывают к себе ребенка любовными претензиями, не отпускают его на свободу, постоянно требуя: «Ну покажи, как ты меня любишь», «Поцелуй меня». Они отнимают у них дело со словами: «Оставь, я сама это сделаю», «Это слишком тяжело для тебя», «Ты еще не можешь это сделать», — и подавляют собственные импульсы ребенка фразами типа: «Зачем тебе этим заниматься?», «Ты уже прекратил это делать?», относящимися ко всему, что привлекает ребенка. Таким образом они убивают в ребенке все здоровые самостоятельные ростки и даже столь важные для его развития первые фантазии относительно устройства мира и своего места в нем. При таких условиях ребенок не может обучиться самоуважению, не может совершить «поворот к самому себе», он остается привязанным к матери, реагирует на окружающее как ее «эхо» и не может ни осознать свои возможности, ни отделить себя от мира. Он остается пассивным и готовым к подчинению, ожидая, что дальнейшая жизнь — такая же балующая его материнская среда. Естественны и неизбежны и то разочарование, которое он испытывает при разрушении своего скрытого ожидания, и депрессия, к которой такое разочарование приводит.

Система взаимоотношений матери и ребенка может стать более сложной вследствие различных судьбоносных происшествий — развода, вдовства, ухудшения супружеских отношений после рождения ребенка, разрушения стереотипа «единственного ребенка» при появлении братьев и сестер и естественном распространении материнского чувства на них и пр.

Один пациент, единственный ребенок в семье, однажды очень резко выразился: «Мать наставила мне шишки своей чрезмерной любовью, отчего у меня остались синяки».

Необходимость оторвать от себя ребенка является для всех матерей в этом смысле неблагодарной задачей, особенно если они ожидают или требуют за это благодарности. Если мать недостаточно подготовлена к тому, чтобы понять и принять зрелость своего ребенка, если она расценивает здоровое развитие его самостоятельности только как награду за ее любовь, мужество, жертвенность и самоотверженность, ее ждут разочарование и боль.

Внутренняя ситуация ребенка в этом случае столь сложна, что он может испытывать ненависть к матери, им овладевает желание избавиться от ее власти. Опасение, что эти чувства могут проявиться, вызывает у него чувство вины, особенно при перечислении всех тех заслуг и жертв, которые мать посвятила своему ребенку. Соглашаясь с тем, что от ребенка нельзя требовать благодарности, мать, однако, сожалеет об этом. Между тем, внешние проявления неблагодарности могут являться попыткой избавиться от чувства вины. Чувствительный ребенок от этого страдает, а его

развитие терпит ущерб, о чем мы узнаем из последующих примеров. Он вынужден отказываться от попыток освободиться от материнской заботы, соответствующих его возрасту. Здесь легко возникает опасность еще большей зависимости. Мать игнорирует перспективу самостоятельного развития ребенка, чувствует себя жертвой при проявлении им самостоятельности, что вызывает у него чувство вины от того, что он доставляет матери так много забот. Такое воспитание увеличивает психологическую нагрузку на ребенка и является тяжким грехом, так как позднее, когда человек вырастет, дистанцирование от родителей доставляет ему ненужные страдания. Вот достаточно типичный и не такой уж редкий пример.

Если ребенок не слушался матери тотчас же, что, с ее точки зрения, означало невоспитанность, или делал не то, что ей нравилось, она ложилась на софу и «умирала», т. е. в течение длительного времени не двигалась и не откликалась на просьбы ребенка до тех пор, пока он не разражался отчаянными рыданиями. Подобные угрозы, вызывающие чувство вины, повторялись часто: «Я уйду и больше не вернусь», «Ты загонишь меня в гроб» и пр.

Если первая мотивация для того, чтобы избаловать ребенка, состоит в стремлении вызывать у него ответную любовь и обязать его любить мать, то вторая мотивация носит более сложный характер и имеет еще более трагичные последствия. Вообще, существуют ситуации, когда ребенок не нужен матери и мешает ей, что является основой для возникновения у нее чувства враждебности и желания отстраниться от него; эти ситуации у хороших матерей вызывают нежелательное и труднопереносимое чувство вины. Они балуют ребенка, стремясь загладить эту вину. Такая ситуация, в целом затруднительная для матери, особенно легко возникает в отношении приемных детей в противоположность родным детям. Появляется усиленное стремление потакать капризам ребенка и баловать его, что вовсе не сглаживает возникающее у матери желание избавиться от него, враждебность и даже недостаток любви, так что благодарности она требует за то, что дает нехотя. Это приводит к тому, что ребенок само свое существование воспринимает как вину, как помеху, которая может привести к тому, что мать его бросит; ребенок считает, что сам он не имеет права на жизнь, что его терпят только из милости.

Теперь обсудим ту сторону биографических основ развития депрессивных личностей, которую мы называем отверженностью.

Здесь мы имеем дело с сухими, не способными к материнской любви, часто жестокими женщинами, которые в большинстве своем испытывали в детстве недостаток материнской любви, не имели собственного опыта материнского ухода и материнской сущности и не желали понять потребности ребенка. Сюда же относится неукоснительное выполнение вполне безобидной «материнской программы», идущее от неуверенности в себе и отсутствия сочувствия к ребенку, ориентирование на жесткую схему поведения, без внимания к индивидуальным потребностям ребенка. Такой подход отражен в дневнике одной матери первенца-сына: «Ребенок плачет уже больше часа, но время его кормления еще не наступило». Такие записи повторяются в дневнике длительное время. Мы не можем не упомянуть о том, что в данном случае, как это часто бывает, так называемые «научные» рекомендации врача играют роковую роль.

Однако ребенок становится чрезмерно требовательным, если с раннего возраста не пытаются приспособиться к его жизненным потребностям, если с его индивидуальными нуждами так мало считаются. Если его нерегулярно кормят, если мать уделяет ему мало времени, торопливо и с нетерпением прерывает акт кормления,

то это один из наиболее частых примеров возникновения чрезмерной требовательности и капризности. Так как ребенок не может защитить себя и выразить свои интересы, он постепенно смиряется с тем, что мир так устроен и не может соответствовать его ожиданиям. Безднадежность, отсутствие веры в будущее становится основой жизнеощущения многих депрессивных личностей; они обучаются лишь подчиняться. Чувство безднадежности является господствующим, особенно сильно оно выражается в форме терпеливости и отказа от жизненных благ. Вместо полного надежд ожидания счастья в этом мире они настроены на самое плохое и не ждут от жизни радости, света и счастья. Как было показано раньше, они исполнены чувства вины и постоянно спрашивают себя, с какими их поступками эта вина связана. Они даже не могут радоваться по-настоящему и отвергают возможность счастья, исходя из профилактики разочарований: считая, что они не могут быть счастливы, депрессивные личности тем самым делают менее болезненными ошибки; с самого начала не ожидая ничего хорошего, они как бы предполагают будущее разочарование. Вот пример такого раннего переживания, связанного с отвержением, который мы можем изложить, пользуясь дневником матери.

«Ты с самого начала был трудным ребенком Первые шесть недель ты находился только на грудном вскармливании, но я вынуждена была кормить тебя очень часто из-за того, что у тебя возникала рвота и я не знала, что с тобой делать. Уже в первые десять дней, пока я лежала в клинике, ты отказывался брать грудь Это длилось 5—10 минут, пока я не зажимала тебе нос и насильно не вливала молоко Твоя рвота не была связана с кардиоспазмом, во всяком случае, врач это отрицал На протяжении первых шести месяцев ты не спал спокойно ни одной ночи — из-за общей повышенной возбудимости и нервозности. Дома я пробыла всего три недели и вскоре после этого возобновила работу Поскольку после трех-четырех месяцев ты не набрал достаточного веса, я предприняла попытку обследовать тебя Врач ничего не нашел, однако, чтобы снять с себя ответственность за твою безопасность, я отдала тебя в детскую клинику, и там детский врач сказала, что для своего возраста ты вполне прилично выглядишь В детской клинике тебя поместили у окна и накрыли только одним одеялом, дома тебе было намного теплее В результате ты схватил воспаление легких В то время я была очень нервозна, по крайней мере в первый период грудного кормления я все воспринимала в черном свете.

Остальной период детства ты был моей единственной поддержкой Твой отец в первые годы после твоего рождения часто бывал чрезвычайно вспыльчив и непредсказуем В связи с этим я, несомненно, допускала ошибки в твоём воспитании и поэтому была вынуждена прибегнуть к жесткой системе, принуждая тебя к раннему засыпанию и силой удерживая тебя в кроватке — иначе ты не был бы приучен к порядку и гармонии По-видимому, мы неточно выполняли врачебные рекомендации, потому что ты постоянно ревел Когда ты заболел отитом, один врач подошел ко мне и без всякого объяснения отменил эти правила, довольно резко и с отвращением назвав мои усилия „плохим воспитанием" »

Эти заметки, отражающие личные переживания женщины, довольно хорошо описывают все те факторы, которые оказывают отрицательное воздействие на ребенка. Ранние переживания отвержения имеют для ребенка двойные последствия.

Прежде всего, он с раннего возраста обучается смирению. Это происходит из-за того, что искусственно тормозятся все те области его саморазвития, которые сопровождаются овладением, преодолением, требовательностью и захватом. Готовность

к отказу не только снижает активность, но и вызывает такое тяжелое переживание, как зависть к тем, кто, не стесняясь, берет все то, на что он сам не решается. Эта зависть приводит к развитию чувства вины и — в качестве попытки избежать этого чувства и противопоставления ему — к необходимости морализации: они оценивают свои комплексы с точки зрения идеологии скромности и непритязательности, которую мы описали выше, и, по крайней мере, утешаются своим моральным превосходством

Вторым следствием раннего отвержения является то, что у ребенка появляется чувство, что его не любят. Это чувство служит основой для появления пониженной самооценки — ведь для того, чтобы себя оценить, нужно испытать чувство любви к себе, а тот, кого не любят, не может любить самого себя. Эта пониженная самооценка поддерживается еще и тем, что в этом возрасте ребенок не имеет возможности для сравнения, он не в состоянии реалистически оценить, что его родители не способны к любви; для него является очевидным, что его мир — это мир его родителей.

При глубоком снижении самооценки у депрессивной личности может возникнуть убеждение, что она не имеет права на жизнь, что существование возможно лишь в форме жизни для других. «Я виноват уже в том, что существую», — говорил один из депрессивных пациентов, имея в виду и свое детство. Фиксация виновности на матери или родителях приводит к попыткам загладить свою вину перед ними; депрессивные личности приносят свою жизнь в жертву на алтарь родительского эгоизма и считают это совершенно естественным. Последствия баловства или отвержения, в конечном счете, похожи друг на друга — обе эти ситуации приводят к развитию депрессивной личностной структуры. Избалованное дитя впоследствии испытывает психологический кризис и страх, потому что его никто не балует, как мать. Он ищет и находит эрзац-мать в системе обслуживания, государственных институтах, социальном страховании. Когда выясняется, что депрессивная личность недостаточно приспособлена к требованиям жизни, наступает обострение депрессии. Часто в таких случаях люди находят выход в различных пристрастиях и болезненных влечениях.

Впоследствии повзрослевшие дети отрицают то, что они росли в атмосфере отказов и дефицита впечатлений. Это тихие, невзыскательные дети, робкие и подчиняемые, очень «удобные» для родителей, которые вовсе не расценивают такое поведение как признак депрессии. Так как для таких личностей является привычным в соответствии с воспитанием отодвигать в сторону свои потребности или вовсе отказываться от них, они в своем поведении ориентируются на других, стараются выполнять их требования и соответствовать их ожиданиям. Вследствие того, что они не противостоят миру в своем существовании, субъект и объект для них мало отличаются друг от друга. В целом, они считают, что все формы отношений с ними предполагают требования со стороны других людей. Выполнить предполагаемые требования в полном объеме они не могут, это снова вызывает у них чувство вины и как его следствие — депрессию. Поэтому депрессивные личности боятся контактов с большим числом людей и по возможности пытаются найти единственного человека, которому хотят посвятить себя. Иногда они находят облегчение в том, чтобы сделать для другого то, что для себя они сделать не могут; они пытаются свое переживание дефицита любви сублимировать в деятельность по оказанию помощи, в жертвенную, уступающую во всем любовь, в профессии, связанные с обслуживанием и обеспечением ухода, и даже будучи вознаграждены за это, они предъявляют к себе чрезмерные требования.

Какие формы может принять такое восприятие происходящего как требование к самому себе, видно из следующих примеров.

«Когда светит солнце, у меня возникает чувство, что я должен быть счастлив, и это чувство портит мне настроение на целый день.» Один студент был не в состоянии прочесть до конца ни одну книгу из заинтересовавших его — после нескольких страниц у него появлялось ощущение, что эта книга не для него. Как только он начинал испытывать субъективное удовольствие от чтения, тотчас же возникало требование делать то же самое для объекта, и удовольствие прекращалось.

Нетрудно себе представить, что в конечном счете такое переживание приводит к разочарованию и апатии, а также к отказу от выполнения всех требований

Мы видим, какие экстремальные формы может принимать депрессивное существование в мире. Поэтому такая «забастовка» является еще хорошим признаком, так как она избавляет человека от длительного периода долженствования и принужденности. Если такой человек вынужден работать дальше, не имея для этого времени и возможности, пытаюсь наверстать упущенное и разрываясь между собственными побуждениями и желаниями связанного с ним субъекта, то это ввергает его в глубокое отчаяние. Он может спастись лишь вынужденным равнодушием, индифферентностью и апатией; он реагирует отказом, бегством к болезненным влечениям или самоубийством. Оказываясь в безвыходной ситуации, подобные личности стараются угадать и выполнить все требования, не испытывая при этом радости жизни; пытаюсь же отказаться от выполнения требований, они оказываются во власти тяжелого чувства вины. Таким образом, они подсознательно повторяют ситуацию своего детства.

Мы уже упоминали, что от того, как воспринимает ребенок образ матери и каким в его представлении является опыт общения с ней, зависит его отношение к самому себе. Враждебно настроенные, постоянно отказывающие ребенку в удовлетворении его потребностей или чрезмерно требовательные матери являются глубинной причиной самоубийства как крайней степени разочарованности и самоотречения. Мать является внутренней духовной инстанцией для ребенка, от которой исходит его отказ от самого себя вплоть до ненависти к себе и саморазрушения. Неизбежная ненависть к такой матери сопровождается столь непереносимым чувством вины, что ему предпочтительней направить эту ненависть на самого себя.

Такая связь ненависти, чувства вины, интроицированного образа жестокой матери и отрицательного отношения к самому себе составляет психодинамическую основу тяжелой меланхолии. Встречающаяся при депрессиях склонность к самоубийству является переносом на самого себя стремления к убийству и одновременно наказанием себя за ненависть к матери.

Из изложенного явствует, что центральной проблемой депрессивных личностей является «неудавшийся поворот к себе», недостаток развития своего существования как субъекта. В связи с тем, что мир противостоит столь слабому «я», депрессивные личности все воспринимают как требования к ним; они видят перед собой целую гору требований, от чего, в конечном итоге, впадают в отчаяние и разочарование. Из-за слабости «Я» у них возникают сильные собственные побуждения, желания и установки, направленные на уклонение от таких требований, которые они считают чрезмерными. Однако уклоняться им сложно, так как депрессивные личности не могут сказать «нет» из-за страха утраты и чувства вины. Поэтому они либо продолжают находиться в депрессивном состоянии, либо, когда чаша их терпения переполняется, подсознательно «бастуют», что, однако, не освобождает их от чувства вины. Из-за накапливающейся ненависти и зависти, которые они не решаются высказать, депрессивные личности либо

испытывают отвращение к жизни, либо вынуждены искупать вину постоянными самообвинениями и наказанием самих себя. Чем настойчивее они стараются уменьшить страх перед собственным существованием, тем больше отвергают собственную личность, что создает неразрешимую ситуацию. Здесь может помочь только решимость отстоять свою индивидуальность.

- Примеры депрессивных переживаний

Снова перейдем к примерам.

Молодая девушка познакомилась в кафе с мужчиной, который описал ей свое положение — развод, одиночество — и вызвал у нее сочувственное понимание и жалость. Он привязался к ней, просил о новых встречах, окружил ее всяческими знаками внимания и в конце концов решил жениться на ней. Хотя он не был ей особенно симпатичен и она несколько не любила его, она чувствовала, что не должна его разочаровывать, если он считает, что так нуждается в ней. В решающий момент она не смогла ничего сказать, а потом очень сожалела и винила себя за то, что своим поведением дала ему повод надеяться, хотя в конечном счете отказала ему.

Этот пример показывает много характерных черт существования в мире депрессивной личности, хотя при более глубоких расстройствах у такого человека вряд ли нашлось бы мужество, чтобы сказать «нет». Депрессивные личности ставят себя на место другого человека, идентифицируют себя с ним, забывая о собственной точке зрения и собственных интересах. Из-за недостатка личных побуждений и желаний, которые можно было бы чему-то противопоставить, они легко подчиняются желаниям и побуждениям других людей. Для них столь привычно соответствовать ожиданиям других, что возникает ситуация, когда они не имеют никаких желаний, подсознательно полностью консолидируясь с другими. В трудных обстоятельствах они легко поддаются под чужое влияние и нередко становятся жертвой бесцеремонных личностей, использующих их слабость. Они хотели бы освободиться от этой зависимости, но из-за собственного чувства вины, стыдливости и доброжелательности идут по пути покорности и смирения, чем другие неизменно пользуются.

Эта девушка росла в условиях трудных семейных взаимоотношений. Ее отец после смерти первой жены взял в жены простую девушку из несостоятельной семьи; ему в тот период было уже 60 лет, и, когда пациентке исполнилось восемь лет, у него уже были признаки возрастной деменции. Она жила со своими взрослыми сводными сестрами в том же доме, где на первом этаже располагалось торговое предприятие, первоначальным владельцем которого был отец матери сводных сестер. В работе этого предприятия также принимали участие две сестры покойной матери сводных сестер. Все они враждебно относились к новой, молодой жене. Та, будучи стеснительной от природы и не получая никакой поддержки от мужа, чувствовала себя вместе с ребенком никому не нужным человеком, которого терпят лишь из милости. Она боялась что-либо приобрести для дочери, все необходимое ей приносила тайком, испытывая чувство вины и страх, что сводные сестры отнимут у девочки нужные ей вещи. И дочь, и мать чувствовали, что отцовская семья относится к ним как к чужакам, взявшимся неизвестно откуда и уже своим существованием обкрадывающим их. Они терпели все это до смерти отца, а затем указали им на дверь. Мать не смогла себя защитить и вынуждена была искать работу. Правда, один адвокат сказал ей, что она имеет право остаться в доме, но у нее не было достаточно сил и решимости, чтобы настоять на своем.

Так росла эта девочка — с чувством, что она не имеет права на жизнь. «Мать постоянно всего боялась и ни разу не могла настоять на своем. Она жаловалась на родственников, но уступала им во всем, а по отношению ко мне всегда была безрадостной и придирчивой. Она много времени проводила в церкви, таскала меня в часовню возле церкви, и мы молились за бедные заблудшие души и хоть за малую толику удачи и ломоть хлеба из каравая жизни. О большем она не мечтала, такая это была бедная душа. Сводные сестры были вездесущи и держались, как принцессы. Они гордились тем, что их отец и мать во времена их детства были молоды и исполняли все их желания. Я сделала для себя открытие: если меня не любят, то я хочу быть бедной, мне не может ничего принадлежать, ведь бедное дитя — это любимое дитя. Я руководствовалась примерами христианской морали — ведь бедные и неимущие подобны Христу.»

Фрейлин М. жила с коллегами в общежитии. Они работали в одном и том же учреждении. Так как среди сотрудников только фрейлин М. имела машину, она всегда подвозила их к месту работы. Коллеги, которые были менее добросовестны, чем она, иногда долго собирались, из-за чего фрейлин опаздывала, и это сильно ее угнетало. Кроме того, она часто отвозила своих коллег к ним домой на уик-энд, чувствуя себя обязанной это делать, так как у них машин не было. В эти дни у нее удивительно часто возникали головная боль и расстройство желудка, которые она никак не могла объяснить.

Во время психотерапевтического лечения выяснилось, что фрейлин М. все время думала о том, сколько сейчас стоит бензин, и это казалось ей само собой разумеющимся. Ее товарищи по работе даже не задумывались о том, чтобы разделить с ней расходы по эксплуатации автомобиля. Пациентка была огорчена этим, но не была готова потребовать от них частичную оплату и высказать им свое недовольство. Коллеги же, в противоположность ей, и не думали о необходимости вести себя достойно и быть порядочными; они вообще мало о чем думали. М. оставалась чрезмерно требовательной к себе, была человеком, которого «используют», она молча переносила обиду и полагала, что описанные выше симптомы — признак того, что с ней «не все в порядке», тогда как в действительности головная боль была проявлением досады, а расстройство желудка — выражением ее неспособности что-либо требовать от других.

Положение осложнялось тем обстоятельством, что она, будучи наполовину еврейкой, считала, что ее товарищи об этом знают и, учитывая общее негативное отношение к евреям, не могут поверить в то, что ей не хватает денег. Когда, вопреки ее предположениям, сослуживцы предложили ей разделить расходы на бензин, то, к ее удивлению, не только исчезли еженедельные недомогания, но и укрепились дружеские отношения с коллегами.

Это лишь один пример из множества подобных коллизий, возникающих в быту. Повседневная жизнь личностей с депрессивными расстройствами пронизана такими особенностями поведения, которые свидетельствуют об их неспособности к самоутверждению, осуществлению своих намерений, о том, что они не могут никому отказать. Уступчивость, склонность к самоотказу является их второй натурой, которую они часто не осознают. В связи с этим они воспринимают свои неудачи как злой рок и считают, что иного им не дано. Врач, выписывающий таким личностям антидепрессанты и не усматривающий никаких внешних механизмов для развития депрессии, рискует вызвать медикаментозную зависимость или, в лучшем случае, добиться временного улучшения, которое только скроет остальные проблемы, стимулирующие возникновение

и развитие депрессии. В связи с этим я хочу шире обрисовать биографические основы этой пациентки.

Она была единственным ребенком от смешанного брака (ее мать была еврейкой), что в те времена являлось чрезвычайно затруднительным обстоятельством. С раннего детства она переживала тяжелые ссоры между родителями. Часто ребенку казалось, что разрыв между ними неизбежен. Порой ситуация казалось ей угрожающей, она боялась, что родители могут что-то сделать друг другу. Неоднократно родители выражали свое намерение расстаться таким образом: «Папа и мама хотят разойтись, и ты должна решить, кого ты больше любишь и с кем останешься после развода». На протяжении четырех лет она находилась в безвыходной ситуации. Девочка была привязана к обоим родителям, не могла решить, какую же сторону ей принять, и испытывала отчаяние от того, что вынуждена «изменить» одному из них. На протяжении года — длительного для детства периода — она пыталась сгладить отношения между родителями и быть посредником между ними. Она тайком говорила маме о том, что папа вовсе не такой плохой, каким кажется, он просто вспыльчив; мама не должна принимать его всерьез, он недавно сам сказал ей, что они продолжают свои отношения. В свою очередь отцу она говорила о том, какой несчастной чувствует себя мать из-за угрозы развода и как любит его, хотя и не хочет этого показать. Частично благодаря такой обработке, частично вследствие других обстоятельств предполагаемый развод снова и снова откладывался.

Однако у пациентки было чувство, что она живет на вулкане, который каждую минуту может взорваться. Она стала выполнять важную функцию в родительском браке — как бы играя роль стрелки на весах их взаимоотношений или служа средством для заполнения трещины между ними; иными словами, у нее появилось чувство, будто от нее зависит, останутся родители друг с другом или разойдутся.

Можно себе представить, что вследствие таких обстоятельств неустойчивость отношений и угроза развода родителей заслонили ее собственные проблемы. Жизнь в ее представлении была шаткой и угрожала развалом.

Она не могла быть непосредственной и непринужденной соответственно возрасту, не могла быть самой собой. Все собственные желания, побуждения, аффекты и страхи постепенно рефлексивно отодвигались, и оказалось, что они уже не принадлежат ей. К тому же у нее развились соматические симптомы: рано стали выпадать волосы, расшатались зубы, стала шелушиться кожа всего тела. Появилось и крайне тягостное и болезненное явление — когда она находилась среди людей, у нее часто возникало громкое урчание в животе как подсознательный протест против возможного предъявления ей чрезмерных требований, от которых она не могла бы защититься. Этот симптом можно рассматривать как предвестие того расстройства желудка, которое возникло у нее позже при общении с коллегами.

Такого рода «функциональные» симптомы достаточно типичны для столь добросовестного и примерного человека, как наша пациентка, склонного откладывать на потом или оставлять нерешенными свои собственные проблемы. Она становится беспомощной и встает в тупик в случаях, когда необходимо на чем-либо настоять или что-то потребовать (например, от коллег по работе). Такая необходимость вызывает у нее неопределенный страх, и она предпочитает все делать сама, что, естественно, используют ее коллеги.

Подобным же образом формируются биографические основы некоторых «неврозов свободного времени и выходного дня». Непривычная свобода пугает, так как она вызывает появление тайных, вытесненных желаний, переживаемых как запретные,

тогда как повседневные заботы и необходимость выполнения долга предоставляют для этого меньше возможностей.

Вот пример невозможности сказать «нет». Пациентка, юная американка, снимала комнату у одной семьи в Германии, где она обучалась искусству балета. Когда после тренировки она пыталась тихо и незаметно прошмыгнуть в свою комнату, то постоянно заставляла там хозяйку и вынуждена была идти на кухню. Несмотря на то что она хотела отдохнуть перед вечерним выступлением, она не могла об этом сказать хозяйке. Так как в Германии после войны люди испытывали трудности, она чувствовала себя обязанной приглашать на чашку кофе всех родственников хозяйки, даже не входящих в ее семью, — великовозрастную дочь, сына и невестку, — считая, что в противном случае те сочтут ее надменной и высокомерной. Дочь хозяйки восхищалась красивой одеждой пациентки, не скрывая своей зависти и заявляя, что она бы сама с удовольствием так одевалась. Сын хозяйки кокетничал с ней, и, хотя это не производило на нее впечатления, она «должна была» отвечать на его взгляды, чтобы его не обидеть, и одновременно поддерживать разговор с невесткой, чтобы смягчить внутрисемейную напряженность. После двух часов бездарно проведенного времени она, наконец, в изнеможении добиралась до своей комнаты и с волчьим аппетитом набрасывалась на сладости. Такая жадность к пище привела ее даже к воровству сладостей из карманов своей подруги, что и привело ее к терапевту.

В биографии депрессивных личностей мы всегда находим такое влияние окружения, которое затрудняет или задерживает автономное развитие индивидуума. Мы уже видели, как единственный ребенок от несчастливого брака вынужден был с ранних лет отказываться от собственных желаний и собственного существования в пользу родительских проблем.

Вот пример балующей ребенка среды.

Господин С. также был единственным ребенком, но от счастливого брака, и рос в семье со средним достатком. Его мать, чьи интересы были ограниченными, не была несчастлива в браке, но не имела ясного представления, чем себя занять. Когда через несколько лет супружеской жизни у нее родился ребенок, она направила на него всю силу своих неисполненных желаний, он стал главным содержанием ее жизни. Она берегла его как зеницу ока, была чрезмерно заботливой, защищала от жестокости и опасностей. А опасным она считала все! Подует свежий ветерок — она закутывала его, чтобы, не дай Бог, не было воспаления легких. Подруги смеялись над ней — но ведь эти матери не имеют представления о том, как нужно ухаживать за ребенком.

Играет мальчик в песочке — это опасно, так как в песке скрываются бактерии. Поездка с классом или несколькими товарищами за город опасна, так как, быть может, ему придется ночевать на сеновале, питаться Бог знает чем, ведь это не материнская кухня, и вообще, нельзя исключить возможные соблазны и даже случаи гомосексуализма. Она мыла и терла спину сыну до подросткового возраста, приносила ему завтрак в постель — короче говоря, он жил, ухватившись за мамин подол, платя за это отсутствием собственных желаний и не приобщаясь к мужскому окружению. Когда однажды в подростковом возрасте он попытался взбунтоваться и, вопреки желанию матери, принять участие в длительном велосипедном туре, она раскинула руки перед дверью в погреб, где хранился велосипед, и с пафосом воскликнула: «Только через мой труп!» Сын смирился и был вознагражден за это любимым лакомством. Когда миновал подростковый возраст, он не оставил мать, так как находился под влиянием ее предостережений относительно связи с девушками. При этом она использовала

различные версии: «Они хотят только твоих денег», «Не дай себя окрутить, они нороят выйти замуж, чтобы ты их обеспечивал», «Они знают, что ты наследник, и рассчитывают только на твое состояние» и т. д. Естественно, не было ни одной девушки — даже если в начале знакомства она его интересовала — на которую он не смотрел бы критическим взглядом матери. В каждой из них он находил что-то отталкивающее — одна «будто из стойла пришла», другая вызывающе эротична и в отношении ее не может быть никаких дискуссий, третья, напротив, слишком респектабельна, а в конечном итоге хорошей может быть лишь та, которая нравится матери. Все девушки для него подвергались «девальвации»; он привык смотреть на мир глазами своей матери. Вскоре он решил, что мать, в сущности, права, и рационализировал для себя страх обладания женщиной. К несчастью, когда пациенту было 15 лет, умер его отец. Все, что он делал, теперь предназначалось матери. Он не мог оставить ее одну, о чем она напоминала разными способами, но с одинаковой настойчивостью. Когда однажды вечером он задержался, то потом мучился от чувства вины за то, что доставил матери столько хлопот и заставил ее тревожиться. Весь уик-энд и каникулы он посвящал матери. Когда ему пришлось продолжить обучение в близлежащем городе, мать устроила душераздирающие проводы, как будто он уезжал на другой континент или прощался с жизнью, и взяла с него обещание в конце каждой недели возвращаться домой. Мать знала о нем все — он сообщал ей о каждом своем намерении, и, кроме того, она расспрашивала его обо всем, а он привык отчитываться перед ней. Мать гордилась этим и любила говорить: «У моего сына нет от меня никаких тайн». Такое отсутствие дистанции стало для него столь привычным, что он принимал как должное то, что мать вскрывала и прочитывала его письма. Как только мать усматривала какую-нибудь внутреннюю или внешнюю угрозу их взаимоотношениям, она в подходящий момент заболела и таким образом еще больше привязывала его к себе. Так и вырос он, как «вечный сынок». Его слабые попытки оторваться от материнской пуповины сопровождались чувством вины и вскоре прекращались. Его считали хорошим сыном, наивным, чистым глупцом, доброжелательным и готовым прийти на помощь, но несколько бесцветным и как бы лишенным половой принадлежности. Перед женщинами он испытывал усиливающийся с возрастом страх и был неловок при общении с ними. Он не имел понятия, что значит завоевать женщину или овладеть ею, так как обладал манерами образцового сыночка и находил понимание лишь у пожилых, имеющих детей дам, которые не представляли для него опасности как женщины и были в восторге от приветливого и внимательного молодого человека. Дамы соответствующего возраста искали с ним знакомства и, так как он соответствовал их материнским представлениям, восклицали: «Да это же золотой человек!» Так пустота, связанная с неспособностью устанавливать дружеские отношения с мужчинами и вступать в связь с женщинами, вторично заполнялась отношениями с матерью, для которой эта связь была равнозначна «счастливому супружеству» с любимым сыном. С другой стороны, вследствие такой избалованности он, не осознавая того, был чрезвычайно требователен, считая это естественным и само собой разумеющимся. После окончания обучения ему, благодаря отцовским связям, была предоставлена работа в качестве представителя известной фирмы. Переоцененный собственной матерью, которая таким образом компенсировала свои собственные недостатки, он получил место, которого не могли добиться другие даже ценой больших усилий. Он не воспринимал критических замечаний и чрезвычайно злил своего начальника над менными манерами. Его учтивость не скрывала от клиентов того обстоятельства, что он не выделялся своими профессиональными знаниями и

компетентностью. Он был склонен, отложив дела и сославшись на служебную необходимость, уходить с работы во второй половине дня, просиживая остальное время в кафе, отправляясь на пляж или в кино. Естественно, что такой образ жизни не способствовал быстрому продвижению по службе; он же считал, что его способности не распознаны или недооценены. Во время служебной командировки, когда он находился в алкогольном опьянении, его соблазнила одна девушка и он, после нескольких попыток вступить в половую связь, с прискорбием убедился в своей импотенции. Это стало поводом для обращения за лечебной помощью к психотерапевту, вопреки желанию матери. Такой самостоятельный поступок, сам по себе являющийся признаком благоприятного прогноза, был связан с тем, что он придавал большое значение своей сексуальной несостоятельности.

Вот еще один пример, рассказывающий о человеке, чье существование является отражением раннего отказа от ребенка и его отверженности.

Господин А. был третьим внебрачным ребенком у своей матери от другого (чем у первых двух детей) отца, нежеланным с самого начала. С раннего детства он часто слышал повторяющуюся фразу: «Как было бы хорошо, если б ты не родился!» Однажды во время психотерапевтического лечения он показал рисунки, в которых изобразил себя школьником со связанными за спиной руками, который шел по лесу от доски, запрещающей вход, на которой было написано: «О, чтоб тебя...», «Оставь это, да поскорее», «Ну, погоди, ты еще вернешься домой!», «Что тебе еще нужно?», «Если еще что-нибудь случится, то...». Он очень рано почувствовал, что не имеет права на жизнь и должен быть благодарным хотя бы за то, что его терпят. Мать жила в бедности, и он чувствовал, что она жалеет для него даже кусочка хлеба. Он научился быть по возможности маленьким и незаметным. Даже на больничном диване он лежал, держа руки на брюках, вскакивая при каждом движении, с таким выражением лица, которое отражало его вторую натуру: «не трогайте меня, по возможности даже не замечайте меня и не дразните — дайте мне хотя бы шанс никому не мешать или смыться». В жизни он вел себя таким же образом: старался занять как можно меньше места, был чрезвычайно скромнен и научился «не быть первым», «не высовываться», не иметь собственных планов и желаний. Везде чувствуя себя лишним, он всегда отказывался от надежд на будущее. Очень рано он стал зарабатывать деньги доставкой газет и все заработанное без остатка оставлял дома.

Он так и остался продавцом газет, и маленькой радостью его жизни было пропустить стаканчик горячего грога после стояния на углу в течение холодного дня, выкурить вечером сигарету или изредка пойти в кино. Он любил одиночество, боялся женщин, так как они напоминали ему жестокую и не любящую мать, и чувствовал, что впереди у него нет ничего хорошего. Он не знал своего отца. Тоска по отцовскому покровительству, однако, постоянно жила в нем, и поэтому, когда один пожилой мужчина сделал ему гомосексуальное предложение, он вскоре согласился. В течение длительного времени он испытывал страх перед разоблачением и оказался в полной зависимости от своего друга еще и в связи с мазохистскими тенденциями. Он позволял делать с собой все что угодно и был ко всему готов, не в последнюю очередь из-за страха, что друг его бросит.

Его партнер, помимо несправедливости и унижения, с которыми были связаны их отношения, давал ему хоть какое-то ощущение ясности и способности более или менее ясно осмыслить, как себя вести и что делать.

Правда, иногда он испытывал внезапную ненависть к партнеру, который

использовал его, как вещь. Однако это чувство лишь усиливало страх утраты; он покорялся и пытался даже заинтересовать своего друга новыми сексуальными приемами, так что, с одной стороны, вследствие идентификации с партнером в его чувстве появились садистические оттенки, а с другой стороны, друг благодаря ему обнаруживал у себя мазохистские стороны. У него было одно хобби: он тайно писал комедию, которую никак не мог закончить, и грезил о том, что однажды вечером станет знаменитым, понимая при этом, что и эта мечта будет разрушена.

Одна дама сорока лет в письменной форме обратилась ко мне за психотерапевтической помощью. Мы имели с ней предварительную беседу, во время которой я между прочим спросил, чего она ждет от психотерапевтического лечения, после чего она и написала следующее письмо.

«Мое детство было таким тревожным, что позже, когда я стала способна сознательно воспринимать окружающее, я была уверена, что со мной произойдет катастрофа. Во избежание этого я погружалась в воду. Я надеялась, что это отпугнет привидения, удержит меня на земле и будет гарантией определенного порядка в моих взаимоотношениях с окружающими меня людьми и вещами. Это придавало мне силы в борьбе против возможных последствий употребления снотворного, никотина и алкоголя, поддерживало меня в противостоянии другим людям, если мое мнение отличалось от их, освобождало меня от накапливавшихся в глубине души переживаний, отнимавших столько сил. Я была очень стойкой в своей борьбе, но никто не принимал меня всерьез, так как внешне я была очень покорной и смиренной. Я никогда не была по-настоящему привязана к работе и отличалась чудовищной ленью. Одним из самых тяжелых переживаний моего детства были отношения с отцом. До сих пор я скрываю воспоминания о нем, и он не является мне даже во сне.» Далее следует описание действительно трагического детства. Отец был душевнобольным, и до своей смерти (в то время девочке едва исполнилось 12 лет) жил в семье вместе с человеком, осуществлявшим за ним уход. К тому же он был алкоголиком и под влиянием опьянения становился необычайно взрывчатым и склонным к неистовому возбуждению, от которого страдала дочь. Мать была очень эмоционально лабильной. Когда дочери было три года, она вновь забеременела и перенесла послеродовой психоз, после которого у нее в течение длительного времени оставались тяжелые навязчивые представления о том, что она должна убить своего ребенка самым ужасным способом — проткнув его голову иголкой. В такой атмосфере девочка, когда ей было пять лет, пережила следующее событие: во время одного из приступов ярости пьяный отец ворвался в комнату, где находилась мать, выстрелил в нее из револьвера (пуля прошла чуть выше головы) и выбежал. Мать хотела позвать полицию или врача, но девочка удержала ее, сказав: «Мы должны сказать папе что-то такое, чтобы он нам помог».

Абсолютно ясно, что в данном случае переносимость психических травм у ребенка была исчерпана, и для того, чтобы преодолеть страх, она вынуждена была отделить от себя восприятия, связанные с непереносимой жизненной обстановкой. Из ее письма становится ясно, что это значит, когда она говорит о том, что ее детство заполнено предчувствием катастрофы. Мы понимаем, почему отец исключен из ее воспоминаний, снов и грез. Это непереносимо — переживать страх и угрозу, связанные с отцом, вносящим в ее жизнь опасность и незащищенность. Для того чтобы в таких условиях не сломаться, у ребенка совершается спасительный психологический прыжок к образу хорошего, защищающего ее отца, от которого как бы отщепляется враждебный и злой мужчина, который ему угрожает. Когда девочка обращалась к нему за помощью, то

отделяла от него угрозу, и он оставался в ее сознании отцом-спасителем, в котором она постоянно нуждалась. Но какая степень страха и отчаяния необходима, чтобы ребенок мог и должен был предпринять такие усилия по переработке происходящих событий! Естественно, что эти явления связаны с особо травмирующими и мучительными переживаниями. Можно себе представить, каким беззащитным, полным страха и отчаяния была или представлялась реальность ее детства! Куда она могла убежать, чтобы найти защиту? Ей оставалась — кроме уже упоминавшихся нарушений влечений — жизнь в состоянии сна. Она и на самом деле не столько жила в действительной жизни, сколько защищалась от нее, всегда отстраняясь от возможных опасностей и угроз, делая их перспективу более туманной, отказываясь от такого восприятия мира, которое могло бы ее травмировать. Даже ее токсикомания, в конечном счете, является выражением ее мировосприятия, предпочтительным для нее уходом от чувства опасности. Мы сможем понять ее странные наклонности, если представим себе, как она, придя на море и по локоть погружаясь в воду, глядит, как в ней отражается небо, и испытывает при этом ощущение счастья. Так спасается она в сказочном мире, мире снов, так переживает реальность, находясь между депрессией и психозом, которые защищают ее от непереносимых столкновений с действительностью.

32-летний дипломат обратился за лечебной помощью в связи с длительной импотенцией. Исходя из того, что расстройство потенции (органическое происхождение которой после медицинского обследования было исключено) является не только личной проблемой, но связано также с партнерскими взаимоотношениями, он рассказал следующее. Когда он вечером возвращался домой после работы, то купал, пеленал и кормил своего полугодовалого сына. В это время его жена лежала на софе и курила. Он был средним из трех братьев, старший из которых был чрезмерно активным и даже агрессивным юношей, которого трудно было усмирить, и мать поэтому отказалась от него. Наш пациент чувствовал инстинктом ребенка: мать ожидает от него, что, как послушный сын, он будет делать только то, что нравится ей. Он отказался от связи со сверстниками, от всего мужского, помогал матери на кухне, в уборке и наведении порядка в доме, стал ее любимчиком, как бы заполнив в ее сердце место старшего брата, но достиг этого ценой своей мужественности. Такой образец поведения примерного сына он перенес и в свое супружество: он был скорее послушным сыном, чем мужем, продолжал играть прежде усвоенную им роль, был чрезмерно требователен к себе и даже не пытался попросить о чем-либо жену, а тем более что-то от нее потребовать, так как боялся, что она рассердится и бросит его, как это сделала мать, когда он осмелился выразить ей свой протест. Он так и не научился что-либо требовать от жены или хоть раз ей в чем-либо отказать. Его «симптом» был как бы разрешением всех конфликтов. Это была месть и наказание жене — он перестал доставлять ей удовлетворение, — не вызывающие у него чувства вины, так как импотенция была «соматическим симптомом». Но, вместе с тем, это было наказание самому себе за необоснованную агрессивность по отношению к жене — и все это, естественно, было неосознанным. Когда он осознал все эти взаимосвязи, то наступил перелом — он впервые в жизни напился и выкурил сигарету (курить и употреблять спиртное ему запрещала мать); вместо того чтобы вовремя вернуться со службы, он впервые за время своего брака пришел домой в 4 часа утра подвыпившим. Жена была испугана, но потом обрадовалась тому, что он снова дома. В конце концов, она была благоразумной женщиной и нуждалась не во взрослом сыне, а в настоящем мужчине, который, смеясь, взял ее на руки и впервые за долгое время «соблазнил» ее и сблизился с ней.

- Дополнительные соображения

Приведенные примеры показывают, какие страхи и способы их избегания свойственны депрессивным личностям. Для них характерны две основные формы страха — страх перед «поворотом к самому себе», перед собственным существованием, с сопутствующей ему боязнью утраты, и страх быть оставленным, страх одиночества, четко отличимый от противоположного страха шизоидов перед близостью и самоотдачей. Отстраняясь от собственного существования, от индивидуального, они оценивают себя с чувством вины и по мере развития личности все более и более ориентируются на внешние объекты. Вероятно, готовность к возникновению чувства вины у депрессивных личностей связана с тем, что они испытывают потребность отстраниться от чрезмерных для них требований жизни, которым они не могут в полной мере соответствовать.

Постараемся обобщить картину проявлений депрессивной личностной структуры. Когда человек уклоняется от индивидуального, то это переживается им как усиление самоотдачи, и, как следствие этого, мы видим соответствующую переоценку других и недооценку самого себя. Позитивной составляющей такого отказа от собственного «Я» является линия понимающего сочувствия, сопереживания, сострадания. Возможность глубокого понимания чуждого, способность поставить себя в положение другого поначалу также может носить весьма позитивный характер. По сути говоря, депрессивные личности так неотвязно идентифицируют себя с другими, что уже не возвращаются к самим себе, а полностью становятся на чужую точку зрения, становясь как бы отражением, «эхом» других людей, неправильно истолковывая христианскую заповедь «возлюби ближнего, как самого себя» как «люби ближнего больше самого себя».

Такие установки в большинстве случаев с готовностью используются окружающими. Депрессивные личности предполагают, что другие имеют такие же жизненные позиции, как и они, что другие так же внимательны, предупредительны, полны сочувствия и готовы приспособиться к ним. Однако мы должны констатировать, что большинство людей намного эгоистичнее и напористее, чем депрессивные личности, и поэтому часто добиваются больших успехов. Именно на этом основана критическая позиция, описанная нами выше и касающаяся необходимости морализации как такой идеологии депрессивных личностей, которая перерабатывает зависть и осознается как моральное превосходство в качестве утешения. Нет лучшего способа отказаться от связанных с завистью желаний, чем присоединиться к таким коллективным или религиозным идеалам, которые соответствуют требованиям христианства.

Идеология депрессивных личностей, как, впрочем, всякая идеология, с трудом поддается коррекции. Это тем более затруднительно, что их самоотречение и психологическая переработка зависти приводят к такому моральному удовлетворению, что они неоднократно совершают то, что другие осуждают или от чего другие отказываются.

К этому нужно добавить, что депрессивные личности не способны усвоить некоторые новые формы общественного поведения и искусства — им недостает жизненной гибкости — и предпочитают оставаться в рамках традиционных форм. Они оказываются в силках собственной идеологии и не могут преодолеть свою слабость из-за страха. Способность к истинному сублимированию, которая выражена в приведенной

выше цитате из Гете, для них редка; идеология скромности и смирения не дает выхода зависти, и они переполняются горечью от несправедливости жизни.

Повседневность депрессивных личностей заполнена банальными, малозначительными ситуациями, в которых проявляются их невротические расстройства и которые еще более их углубляют; однако они оставляют без внимания многое другое, и весьма существенное.

Идут ли они в гости или принимают гостей у себя, депрессивные личности всегда ощущают повышенную ответственность за удачное содержание беседы. Они испытывают чувство малоценности или вины, если приглашение не соответствует их желаниям или намерениям, и их болезненные усилия быть естественными и раскованными никогда не производят впечатления легкости. Им даже в голову не приходит, что другие могут взять на себя часть их обязанностей и что счастье вообще может быть им доступно, ведь за счастьем всегда скрывается столько ответственности! Они оказываются в роли пациентов в результате мучительной, непереносимой для них ситуации, когда они предполагают, что друг завел новое знакомство; при этом они не могут ничего сделать и лишь тревожатся о том, чтобы, коль уже состоялось новое знакомство, оно подходило их другу. Если они идут на концерт, то не могут получить полного удовлетворения, так как одновременно идентифицируют себя с исполнителем и с публикой и испытывают двойной страх — от того, что исполнитель может разочаровать публику, и от того, что он может быть разочарован недостаточно благодарной и скупой на аплодисменты публикой.

В сущности, они никогда не ведут себя самостоятельно, занимая удивительную промежуточную позицию между собой и другими, подсознательно возвращаясь в ту ситуацию раннего периода их созревания, когда человек чувствует себя в единстве со своим окружением, довольствуясь ощущением любви и безопасности, которое ему дают окружающие, и не предпринимая усилий для того, чтобы самому играть какую-либо роль в этом процессе. Испытываемое ими ощущение зыбкости существования на самом деле связано с тем, что эта личность передана «на хранение» другим в противоположность тому, что переживают шизоиды, чье осознание собственной несостоятельности проистекает из стремления ограничить контакты.

При депрессии кажущееся проявление «Я» в действительности является выражением привязанности к другу, который за все несет ответственность; это некая противоположность мании величия; действия личности исходят из недостаточности «Я», вследствие чего других любят больше, чем самого себя.

Становится понятно, что подсознательная, а потому не сопровождающаяся переживанием вины, самозащита от повышенных требований к самому себе, которые не могут компенсировать посторонние, может возникать в форме соматических симптомов.

Неспособность к самостоятельному существованию неизбежно приводит к потребности ненавидеть из-за зависти, бессилия и горечи от того, что их «используют». Так как эти чувства вызывают переживание виновности, возможным спасением от них является развитие идеологии скромности, смирения, миролюбия, самоотверженности, которые, как верят депрессивные личности, приносят покой — однако этот покой несет в себе опасность, так как за ним скрываются накопившиеся аффекты.

Достойна особого изучения история христианства, именующего себя религией любви; она запечатлела многочисленные проявления ненависти, жестокости и войны. Если христианская идеология связана со смирением, то почему это выражается в использовании церковью политики силы, в сферу влияния которой вовлекаются даже

несовершеннолетние верующие или те, кому за смирение обещают соответствующее вознаграждение? Накопление ненависти и зависти санкционирует развитие «легитимной» нетерпимости к людям другой веры или отрекшимся от веры, нетерпимости, так ярко проявившейся в сожжении ведьм и преследовании еретиков во времена инквизиции, способствовавших утолению садизма.

Каждая идеология становится опасной, если она, абсолютизируется и становится источником примитивных инстинктов или пытается искоренить инакомыслие, если она постулирует безопасность как изоляцию от других. Наша душа, наша интуиция заставляют нас особенно внимательно относиться к такой односторонности, которая лишает нас столь плодотворной напряженности между противоположными силами — мечтой и возможными ошибками при ее осуществлении, стремлением встретить спутника и страхом его потерять, т. е. лишает нас всего того, что составляет богатство нашей жизни. Мы должны ясно это понимать. Чрезмерная скромность и восторженное миролюбие, проявляющиеся в экстремальных формах, многими партнерами депрессивных личностей воспринимаются как знак того, что депрессивные личности должны интегрироваться с ними. Подобные качества, суть которых состоит в стремлении быть лишь скромным дополнением, сказывается на выборе партнера — к которому они так сильно привязаны из-за подсознательного понимания, что лишь с его помощью они получают шанс уменьшить экзистенциальный страх. К этому мы еще вернемся.

Мы постоянно встречаемся с тем, что в качестве основного импульса встречаются феномены, при которых нежизнеспособные подавленные внешние и внутренние побуждения накапливаются и суммируются. В подобных случаях отсутствие мужества и способности реализации самого себя как субъекта приводит к неразрешимым конфликтам. При этом депрессивные личности живут в ситуации, которая граничит с нетерпимой, и их поведение по отношению к другим становится неестественным и принужденным. Это может привести к разрушительному прорыву плотины, стоящей на пути подавленных импульсов. При этом все неинтегрированные части личности вдруг как будто консолидируются и проявляются в архаичных формах: мы можем видеть, к примеру, как молодая женщина с невероятной жадностью поглощает пищу или ворует.

Так как депрессивная личностная структура является вполне здоровой частью человеческой популяции, мы предлагаем следующее подразделение депрессивных личностных особенностей в зависимости от их тяжести: склонность к созерцательности, стыдливость — как мягкая интравертированность; скромность, робость — как торможение требовательности и способности к самоутверждению; склонность к умственному и психологическому комфорту, пассивность восприятия; склонность к пассивному ожиданию, нетребовательность к жизни; безнадежность — депрессия — меланхолия. Нередко в конце этого ряда стоят самоубийство или полная апатия, праздность или склонность к злоупотреблению наркотическими веществами, которые, уменьшая депрессию, временно укрепляют «Я».

При маниакально-депрессивном психозе мы говорим о тяжелом заболевании души, в отличие от шизоидов, где речь идет о заболевании духа, что свидетельствует о том, что причина обоих заболеваний возникает на различных уровнях человеческой психики. Это отражается в смене маниакально-эйфорических и депрессивно-заторможенных фаз («небесное ликование — смертельная печаль»), в которых выразительно отражены биографические основы развития личности.

В маниакальной фазе одновременно отпадают всякие задержки и запреты; больные становятся расторможенными и чрезмерно веселыми, совершают массу покупок, влезают в долги; они полны оптимизма и расточительны вплоть до наступления депрессивной фазы, во время которой вновь возникают склонность к самообвинению, уныние, смирение и апатия.

Когда в жизни больного преобладает действительно ритмическая смена повышенного настроения и подавленности, в его биографии мы находим особенно резкие перепады между полными надежд просветами и периодами безнадежного отчаяния, тогда как при только меланхолических фазах биография пациента состоит лишь из отсутствия надежд и безысходности.

Депрессивные личности часто религиозны; религия привлекает их идеей избавления от страданий и тем, что присущее им чувство греховности может с религиозной точки зрения представляться тщетой. Страстное томление и тоска приводят их к мистическому переживанию всеобщей связи и единства с окружающим, которых они пытаются достичь путем медитации. Кроме христианской религии, привлекающей их смирением и воспеванием страдания, депрессивные личности нередко обнаруживают духовную связь с буддизмом и его вероучением. Их привлекают все виды религии, которые призывают к самозабвению и самоотречению.- Они по-детски верят в то, что их настоящая жизнь не может полностью реализоваться и, с другой стороны, чем ничтожней их положение сейчас, тем больше вероятности, что они возвысятся в будущем. Это уменьшает скепсис относительно уравнивающей их с другими справедливости и побуждает их выбирать профессии, которые требуют самоотверженности и самоотречения, например, уход за тяжелобольными или трудными подростками.

Быть может, депрессия тяжелее переносится тогда, когда вера депрессивных личностей подвергается испытаниям, связанным с успехами современной науки. Вера придает смысл их жизни. Очень часто, несмотря на то что рационализм, доказательства и свидетельства современной науки обесценивают веру, депрессивные личности пытаются с помощью религиозного чувства объяснить психологические или метафизические явления, обнаруживая при этом наивность и простодушие в суждениях. Депрессивные личности часто не знают, что наука с ее количественными и каузальными методами объясняет лишь отдельные аспекты мироздания, касающиеся, преимущественно, его неживых сторон, и те, кто стремятся «покорить» природу и подчинить ее себе, рано или поздно попадают в ее сети.

Однако, с другой стороны, депрессивные личности склонны во всем полагаться на Бога или на черта. В нас самих заключен и ад и рай, и с этим связана наша ответственность, которая помогает нам распознавать, уменьшать и преодолевать накопившуюся в нашей душе злость и не проецировать ее на черта или врага, точно так же, как добро, которое является божественным ядром нас самих, мы должны пытаться найти и воплотить в жизнь по нашей собственной воле, не ожидая за это вознаграждения извне.

Депрессивные личности легко усматривают во всем «волю божью» и стечение обстоятельств и в этой связи уклоняются от личной ответственности, прикрываясь при этом фальшивым смирением.

В психотических случаях депрессии возникает религиозный бред с идентификацией себя с Христом, бредовыми идеями искупления и другими подобными явлениями.

Здоровые люди с депрессивными чертами характера могут достичь большой искренности и глубины, при этом им нередко присущи мистические переживания. Смерть они представляют себе как избавление от страданий и часто относятся к ней со смирением. Полагаясь во всем на судьбу и руководствуясь принципом «чему быть, того не миновать», они обнаруживают большую силу духа. По отношению к судьбе они имеют установку покорности, которая в выраженных формах принимает характер фатализма (лат. *amor fati*); свою участь они рассматривают исключительно в плане собственной вины, готовы к ее искуплению и такое понимание используют для принесения себя в жертву.

В этическом плане они часто руководствуются буквальным толкованием заповедей и запретов, являются сверхтребовательными к себе, что укрепляет их готовность испытывать чувство вины. Вера в чудеса, отказ от мирских благ, жертвенность и аскеза не только являются средством их самоутверждения, но и помогают им избегать споров и дискуссий. В таких случаях они как бы играют своей жизнью на острие ножа, и лишь маленький шаг отделяет их искренность от фальши. В качестве родителей и воспитателей люди с депрессивной личностной структурой проявляют общительность и заботливость, они сочувствуют детям и понимают их. Опасность заключается в том, что в связи со страхом перед жизненными трудностями и боязнью отвержения депрессивные личности сильно привязываются к детям и привязывают их к себе; они чрезмерно заботливы и могут затруднить соответствующее возрасту свободное развитие, не соблюдая необходимую дистанцию между собой и ребенком. Они расценивают необходимость соблюдения такой дистанции и развития ребенка как жестокость, сооружают между ним и действительностью воображаемые препоны, не поощряют мужественные шаги ребенка по преодолению трудностей, так как не хотят лишиться его любви. Такого рода сомнительная близость получает у них соответствующее объяснение. Мать, у которой собственное детство было убогим, часто руководствуется установкой «моему ребенку должно быть лучше», в связи с чем ее усилия по ограждению ребенка от жизненных трудностей умножаются.

В профессиях, где необходима материнская заботливость, помощь, услужливость, расцветают их лучшие способности и проявляются их терпеливость, жертвенность и умение сопереживать. Таким личностям свойственна общественно-полезная медицинская и психотерапевтическая деятельность, связанная с социальной работой. Они умеют терпеть и ждать и являются в прямом и переносном смысле прекрасными садовниками. Как врачи, священнослужители и педагоги они соответствуют своему призванию, и при выборе этих профессий финансовые соображения для них не имеют существенного значения. Работая садовниками, лесничими, занимаясь обслуживанием в гостиницах, снабжением продуктами питания, они также успешно выполняют свои обязанности.

Сновидения депрессивных личностей отражают их структурно-специфические особенности. Особенно часто в снах возникает ситуация приема пищи, она обычно связана с разочарованием и смирением, когда они не решаются принять угощение. Они видят во сне накрытый стол, за которым для них нет места, или стол, на котором отсутствуют яства, так как все они уже съедены. Эти сновидения мы определяем как иллюстрацию танталовых мук. Продление ситуации, связанной с препятствиями, объясняется желанием обозначить и огласить помехи, возникающие у спящих на пути к достижению цели, от которой они вынуждены отказаться. Если нельзя насладиться угощением, то это значит, что твои желания невыполнимы, и это является причинной основой сновидения, которое демонстрирует тщетность всех желаний, противостоящих

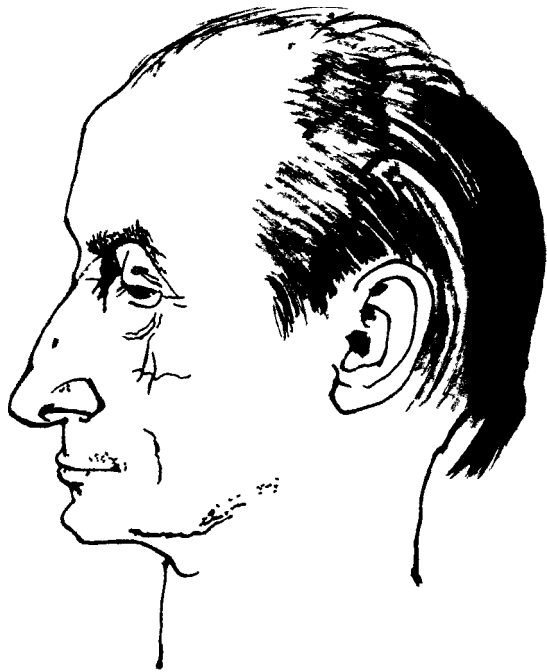
твоей нетребовательности, пассивности и конформности. Или, наоборот, он видит себя во сне морским разбойником, вором, преступником, преследуемым, что является способом реагирования на собственные подавленные и не вполне здоровые тенденции. Тема повышенной требовательности к себе и связанной с этим услужливости, которые играют важную роль в возникновении депрессии, отражена в следующем сновидении.

«Я совершал вместе со своим отцом путешествие в горы; дорога была очень крутой, я нес рюкзак и, кроме того, его плащ и сверток с его вещами».

Здоровые лица, принадлежащие к этому характерологическому типу, в межлических отношениях выделяются склонностью к сопереживанию, готовностью заботиться и помогать. Заботливость, взаимопомощь и взаимопонимание являются отличительной особенностью их поведения. Они могут прощать, могут быть терпеливыми, могут без сожаления подарить или отдать ценные вещи и лишены проявлений эгоизма. Они отличаются привязанностью в своих эмоциональных связях, скромны и непритязательны в потребностях, легко отказываются от необходимого. Жизнь они воспринимают как тяжкое бремя; в то же время, в качестве противовеса этому, у них развит юмор — как «смех вопреки всему». Им часто свойственна глубокая набожность, не обусловленная церковными канонами, но связанная с тем, что, несмотря на понимание своей зависимости от Бога и опасности, которая угрожает каждому, они принимают жизнь такой, какая она есть, и любят ее. Выдержка и выносливость — их главные добродетели. Депрессивные личности могут сказать о себе словами Шпитгелера из его произведения «Прометей и Эпиметей»: «Самооценка стыдится чужого мнения», — они скорее прячут свой свет, чем выставляют его напоказ. Они часто напоминают спокойную и глубокую воду — душевная обязательность и ответственность, глубина чувств и теплота являются их лучшими качествами. Они глубоко благодарны за то, что имеют, и счастливы, если кто-нибудь отметит их способности или хоть немного напомнит им о себе. Они воспринимают благодарность как милость, обнаруживая тем самым истинное смирение.

Застыть однажды, как камень' Однажды и навсегда'
Гессе

Страстное стремление к постоянству возникает в нас очень рано и глубоко укореняется в нашей душе. Все, что мы видим, является убедительным повторением пережитого и доверенного нам в детстве, и это чрезвычайно важно для нашего развития. Возможно, в этом качестве проявляются специфические человеческие способности, наши чувства и наша психическая организация, наша способность любить, дарящая нам доверительность и надежду У шизоидных личностей, часто меняющих свои привязанности или потерявших в раннем периоде жизни человека, с которым ранее была установлена прочная взаимосвязь, мы обнаруживали подавление или искаженное развитие этого качества

Определенная длительность психического состояния и повторяемость одинаковых впечатлений в равной степени важны для нашего мышления, для приобретения знаний и опыта, вообще для нашей ориентировки в мире. Хаотический мир без узнаваемых и надежных закономерностей не дает возможности развернуться нашим способностям — внешний хаос соответствует хаосу внутреннему. Наш опыт, наши возможности приобрести истинные и надежные знания являются внутренним отражением или соответствием порядка и закономерностей мировой системы. Прилунение невозможно, если дорога на Луну выбрана произвольно и непредсказуемо, без опоры на познанные законы природы и научно разработанные траектории полета.

Выяснением взаимоотношений между макро- и микрокосмом занималась астрология, которая снова переживает возрождение. В своем «Астрологическом завете» Оскар Адлер, имея в виду известное изречение И. Канта о том, что он исполнен глубокого благоговения перед двумя вещами — звездным небом над головой и нравственным императивом внутри нас, говорит о том, что нравственный закон внутри нас является отражением или соответствием звездному небу над нами. По мере того как мы познаем свое место в космическом порядке, мы находим принципы организации в нас самих и, прежде всего, определяем это в качестве принципа, т. е. исходим из того, что этот порядок не выдуман человеком и является фундаментальным условием нашего жизненного устройства. Это можно пояснить с помощью приведенных во вступлении к данной книге иносказаний.

Стремление к продолжению относится к нашей сущности: страстное желание вновь любить и быть любимым после прекращения любовной близости является не только сутью нашего благополучия, но и корнем религиозного чувства. В представлениях о текучести времени, вечности и всеобщем присутствии божественного отражается потребность человечества в своем продолжении. Насколько глубока эта потребность, мы осознаем далеко не всегда, а только когда наши привычки и содержание нашей жизни изменяются, причем такое осознание часто продолжается и после прекращения действия изменяющих нашу жизнь факторов. Лишь тогда, когда нас охватывает ужас перед преходящим характером нашего существования, мы со страхом осознаем нашу зависимость, нашу временность.

Теперь мы должны приступить к описанию третьей основной формы страха — страха перед преходящим. Мы встречаемся с ним тем чаще, чем чаще обращаем на него

свое внимание

Опишем вначале, какие возникают последствия, когда у человека усиливается страх перед временным характером своего существования, когда возрастает его стремление к продлению и безопасности в том смысле, какой мы вложили в наше иносказание, касающееся центростремительных сил или соответствия силе тяжести.

Общим следствием такой склонности является стремление все оставить по-прежнему. Изменение привычного состояния напоминает о преходящем, об изменчивости, которую личности с преобладанием навязчивостей (обсессивные) хотели бы, по возможности, уменьшить. В связи с этим, как следует из нашего иносказания, они пытаются найти или восстановить уже изведенное и проверенное.

Когда что-либо изменяется, они расстраиваются, становятся беспокойными, испытывают страх, пытаются отделаться от изменений, уменьшить или ограничить их, а если они происходят — помешать им или преодолеть их. Они противостоят тем изменениям, которые с ними происходят, занимаясь при этом сизифовым трудом, так как все мы находимся в потоке событий, «все течет и все изменяется» в непрерывности возникновения и исчезновения, и никто не может остановить этот процесс.

Как вообще выглядят эти попытки? При таких состояниях мнения, опыт, установки, главные правила и привычки удерживаются железной хваткой на основе действующего принципа и неизменного правила — все настоящее превращать в «закон вечности». Новый опыт либо отклоняется, либо, если это невозможно, трактуется как уже давно известное и испытанное. Это сознательно или подсознательно приводит к подтасовкам, вследствие которых некоторые детали нового упускаются, тенденциозно трактуются или просто аффективно отвергаются с тем обоснованием, что они неубедительны, преходящи, необъективны. В качестве спасения человек держится за такие установки, которые никто не может поколебать. История науки полна примеров подобных непродуктивных споров, основанных на упорном отстаивании своей «правоты».

Отстаивание всего известного и привычного неизбежно приводит к готовности все новое встречать с предубеждением, к стремлению обезопасить себя от всего удивительного, непривычного и неизведенного. Это не только исключает возможность риска и попытки исследовать неизведенное с точки зрения наивной веры в прогресс, но и вызывает тенденцию затормозить, сдержать или даже предотвратить стремление других людей к риску, к открытию нового, к развитию.

Основной проблемой людей с навязчивостями мы считаем также переоценку потребности в собственной безопасности. Осторожность, предвидение — долгосрочное целенаправленное планирование, вообще, установка на длительный период существования и продление существующего — все это связано с упомянутой потребностью. С точки зрения содержания страха данная проблема описывается как страх перед риском, перед изменениями, перед преходящим. Если провести аналогию с человеком, который вступает в воду, умея плавать, — это курс на сушу. Такие способы поведения и установки могут приобретать различную степень выраженности и очень странные формы.

Тридцатилетний мужчина был одержим пополнением своей библиотеки. Между тем, он регулярно посещал публичную библиотеку и не читал собственных книг, обосновывая это тем, что если он однажды переедет в такое место, где нет библиотеки, что же он будет делать, когда прочтет все свои книги? В данном случае предвидение и предусмотрительность, а также связанный с ними страх приобретают действительно

гротескную форму.

Некоторые люди с навязчивыми расстройками, имея полные шкафы одежды, носят исключительно старые вещи, создавая тем самым «резервы», — у них «сердце болит», если они вынуждены надевать новое, и они носят старомодную, проеденную молью одежду. Новая вещь используется ими лишь тогда, когда старая совсем изнашивается, и то лишь для того, чтобы предотвратить окончательный ее распад. Все, что движется к окончанию, напоминает им о преходящем и, в конечном счете, о смерти.

У каждого из нас есть такой страх, и все мы желаем продления своего существования и даже бессмертия; все мы ищем чего-то бесконечного и испытываем глубокое удовлетворение, когда вновь находим вещи, к которым привыкли, но которые по различным причинам утратили. В этом плане мы понимаем и страсть к коллекционированию: что бы мы ни собирали — почтовые марки, монеты или фарфор, — нами руководит неосознанный мотив вечности, некая гарантия бессмертия — ведь как бы богата ни была наша коллекция, в ней всегда недостает той или иной вещи.

Другие ищут продления существования и вечности в приобретении средств продолжения жизни, или изобретают вечный двигатель, или придают своим собственным воззрениям и теориям характер всеобщности и вневременности, пытаются сделать их бессрочными по своей действенности. Уже одна наша склонность придерживаться любимых привычек и удерживать впечатления, особенно тогда, когда им что-то угрожает со стороны, свидетельствует о нашем желании продлить свое существование.

Стремление избежать страха перед изменчивостью и временностью мы усматриваем в упрямой тенденции к удержанию и овладению, проявляющейся во всех возможных областях. Семейные, общественные, моральные, политические, научные и религиозные традиции приводят к догматизму, консерватизму, чрезмерной принципиальности, предубежденности и различным формам фанатизма. Чем больше упрямства проявляем мы в отстаивании своих позиций, тем с меньшей терпимостью относимся к тем, кто пытается поставить их под сомнение. Мы всегда испытываем страх и подвергаем сомнению все то, что может поколебать или изменить наши привычки, знания, верования, нашу безопасность, и не исключаем того, что новые взгляды и открытия являются ошибкой или обманом. Чем уже наш собственный кругозор и чем более ограничены горизонты нашего познания, тем больше мы стремимся сохранить все в неизменном виде, тем больше боимся утратить свою безопасность вследствие новых изменений и открытий.

Итак, чем сильнее мы пытаемся удержать прошлое, тем больший страх испытываем перед преходящим, и, с другой стороны, чем больше мы сопротивляемся процессу изменения и развития, тем отчаяннее накапливаем силы для отстаивания своих позиций, тем выраженнее становятся переживания, связанные с борьбой поколений.

Жесткое отстаивание существующего и категорическое отклонение нового старым поколением принуждает юношество к экстремальному поведению.

Естественно, что приверженность традициям первоначально имеет известное позитивное значение; мы хотим и должны во всем искать принципиальное и абсолютное, для постоянства необходимо-найти вневременную закономерность. Однако избыток постоянства приводит к уменьшению нашей способности и готовности к ориентации в новой ситуации, вызывает сопротивление новым изменениям, опровергающим или корректирующим ранее приобретенные знания и опыт, изменениям, к которым нас всегда принуждает, жизнь. Старая истина «*tempera mutantur, et nos*

mutamur in illis» («времена меняются, и мы меняемся вместе с ними») для лиц с навязчивыми расстройствами не имеет силы; они платят за это стремлением к постоянству и страхом перед переменами.

Они пытаются удержать жизнь с помощью схем и правил и проявляют упрямую нетерпимость ко всему новому и непривычному, а потому беспокоящему их. Однако то, что они так упорно хотят удержать, приводит их самих к принудительным и навязчивым психическим процессам.

Таким образом, за каждой привычкой, каждой догмой и каждым проявлением фанатизма стоит страх — страх перед переменами, перед преходящим и, в конечном счете, страх смерти. Поэтому лица со склонностью к навязчивостям с таким трудом примиряются с людьми или обстоятельствами, которые отнимают у них власть или не подчиняются их воле. Им нравится все и они принуждают всех ко всему, что соответствует их мнению. Однако все, что им не удастся в жизни, возвращается к ним обратно как насилие, к которому они хотели принудить других: ведь когда мы хотим принудить все живое к тому, чтобы все происходило не так, как это должно быть, а так, как это нравится нам, то все вокруг делается с принуждением, и мы вынуждены признавать, что уже не можем отличить свою волю от чужой. Так возникает впечатляющая последовательность: от навязчивых желаний к навязчивым действиям, в которых мы можем распознать жизненные силы, направленные на выравнивание однобокости и односторонности.

Человек со склонностью к навязчивостям с трудом осознает, что область его жизнедеятельности не может быть абсолютизирована, что она не подчиняется неизменным принципам и не может быть заранее просчитана и определена. Он верит, что может привести все к единой системе, которую он в состоянии полностью обзреть и которой может овладеть, т. е. хочет совершить насилие над природой. В связи с этим уместно привести высказывание Ницше о том, что стремление к систематизации всегда содержит в себе частицу неискренности, заключающуюся в стремлении насильственно упростить многообразие живого.

Навязчивое поведение сказывается на межчеловеческих отношениях. Вольно или невольно, сознательно или подсознательно мы предписываем другим то, что нравится нам самим. Это особенно четко выявляется в партнерских связях, при уходе за детьми и лицами, зависимыми от нас.

Как мы уже упоминали, проблема взаимосвязи поколений, конфликты между поколениями воспринимаются людьми со склонностью к навязчивостям особенно остро. Все новое, непривычное и необычное ими отклоняется и подавляется; это доводит их установки и суждения до абсурда и провоцирует возникновение устрашающих планов противостояния, бунтов и революционных действий. Таким образом, консерватизм этих людей является источником таких экстремальных действий, которые равнозначны «выплескиванию ребенка из ванны». В этом проявляется неизбежная человеческая трагедия, которая может быть преодолена только при готовности воспринимать и понимать новое.

Эти люди боятся, что без постоянного собственного и постороннего контроля может наступить угрожающий им хаос, что для наступления такой ужасающей неупорядоченности достаточно лишь немного расслабиться, отпустить вожжи, стать более открытым чужим влияниям и более податливым. Они боятся, что их могут притеснить, вытеснить или обойтись без них, что их мнением могут пренебречь, и если это хоть раз произойдет, то все обрушится, наступит светопреставление; они

уподобляются Гераклу, который бы уже заранее предвидел, что на месте одной срубленной головы у гидры вырастет по крайней мере две. Они боятся совершить первый шаг, так как представляют себе бесчисленные последствия этого поступка. Они всегда стремятся достичь большей власти, приобрести больше знаний и навыков, чтобы предотвратить возникновение нежелательного и непредвиденного, и живут по принципу «а что будет, если...», вследствие чего отвергают все возможные варианты поведения, так что их повышенная осторожность и предусмотрительность не находят применения в жизни.

Один пациент, которому было предложено оторваться наконец от дивана и высказать свои соображения, с раздражением ответил: «Но ведь тогда случится землетрясение», — тем самым в грубой форме выразив, насколько подавлены его мысли и стремления и какой длительный самоконтроль необходим для такого сдерживания. Осторожность прежде всего, нужно сделать все, чтобы предотвратить непредусмотренное — вот важнейший принцип людей с навязчивым развитием личности, для соблюдения которого они проявляют большую изобретательность. Мы можем рассмотреть это на нескольких примерах. Одна из возможностей вырвать себя из живого потока происходящего — это нерешительность, медлительность и сомнения. Из письма, написанного структурированной обсессивной личностью, мы можем сделать вывод о том, следует ли в данном случае проводить психотерапевтические мероприятия, или вместо этого согласиться с проведением бальнеологического лечения.

«Сердечное спасибо за Ваше письмо! Оно вызвало у меня тяжелые переживания, связанные с тем, что я не знаю, следует ли решиться на описание моего невроза уже при нашей первой беседе. Это возможно лишь в очень поверхностной форме. Я должен был ответить согласием или отказом в отношении лечения в 10-й водолечебнице до 10.07. Между тем, я, получив Ваше письмо с предложением лечиться у Вас, с того времени пребываю в нерешительности, и мое состояние отвратительно. В конечном счете окажется, что, пока я решусь на что-либо, мое место в водолечебнице будет занято. Вообще-то решение весьма просто, так как я не имею достаточно денег для поездки в Мюнхен. Между нами говоря, я набрал необходимую сумму, однако она недостаточна. Так дело не пойдет. Я все время думаю о том, что лечение на курорте было бы необходимо и даже безотлагательно. Я представил себе, что, быть может, диагноз органического заболевания больше соответствует тяжести моего общего состояния, и лечение на курорте может дать позитивные результаты. В Мюнхене мне негде жить. После лечения в 10-й водолечебнице мне в этом году, очевидно, было бы утомительно ежедневно — туда и обратно — ездить в Мюнхен? Я не могу это сделать ни при каких обстоятельствах. Как только я подумаю, какая неопределенность связана с этими поездками, меня охватывают тревога и страх. Кажется, что даже война не может вызывать такого беспокойства. Я предполагаю, какой ужас вызовет у Вас моя нерешительность! Но ведь Вы — психоаналитик! И вы должны знать, что я один из тех людей, которые хотя и любят, но не женятся, потому что не могут на это решиться. И потом, было уже поздно. А теперь мне снова предстоит путешествие. В конце концов, ничего другого мне не дано. Так уж повелось, что Мюнхен, которые требует больших затрат, вызывает страх. Такова реальность. Не лучше ли сначала скопить деньги, а потом уже двинуться в путь? На следующий год, в мае или июне, я определенно буду подготовлен для такого путешествия. До настоящего времени мы дважды получали только половину зарплаты. В последнее время несвоевременность в выплате зарплаты стала нормой. Я думаю принять лечение в водолечебнице, после чего появлюсь в

Мюнхене. Если все будет в порядке с деньгами, то это может быть доступным. Получив известие о том, что мое место не может быть зарезервировано на длительный срок, я, может быть, решусь ехать в Мюнхен. Чтобы реализовать эту возможность, я хотел бы узнать от Вас, не мог ли бы я отсрочить оплату до 15.09 и нельзя ли мне проводить занятия с Вами в период с 7.08 по 7.09. О, это тяжелые роды! Если я сделаю все, о чем написал, мне кажется, безусловно можно было бы продолжить психоанализ, но все остается таким, каково оно есть. P.S. Я не могу ни на что решиться, и это доставляет мне мучения. Я хочу убедиться в том, имеется ли еще место в 10-й водолечебнице. И еще я хочу узнать, сможете ли Вы работать со мной до 7.09 и могу ли я оплатить расходы до 15.09. Быть может, я отправлю телеграмму.» (В конечном итоге он так и поступил и решился на психоанализ.)

Мы можем себе представить, сколь мучительны для человека такие колебания и такая нерешительность, и прежде всего потому, что он расценивает важные для него решения как окончательный приговор. Мы видим также, как такой человек ставит свои решения в зависимость от каких-то посторонних вещей — так, на него могут оказать влияние поломанная пуговица на пиджаке или результат игры в кости. Позднее мы увидим, что такой же страх возникает у него перед личной ответственностью. Еще один пример того, как личность со склонностью к навязчивостям воздвигает трудности на пути естественных переживаний.

«Есть ли вообще смысл в толковании сновидений? Все это очень относительно — содержится или не содержится данный смысл в сновидении. Кто может определить это? Быть может, я уже изменил содержание сна во время его описания или даже неточно вспоминаю свои переживания во время сна? Не является ли все это сомнительным? Сновидения есть только накипь, занятие ими носит ненаучный характер. Фрейд и Юнг имели совершенно различные точки зрения относительно сновидений и по-разному их истолковывали. Совершенно очевидно, что их точки зрения не могут быть надежными и обязательными. А истолкование! То, что может прийти мне в голову. это приводит к бесконтрольности. пусть это останется полностью непознанным. кроме этого мне ничего не приходит в голову.»

Такая предосторожность, мастерски аргументированная, направленная на отгорожение от переживаний, хорошо известна; страх пациента перед утратой контроля отражается в его высказываниях о непознаваемости сновидений. Кто-то может подумать, что сомнения пациента в отношении толкования сновидений совершенно обоснованы. Они, однако, упускают из виду то обстоятельство, что здесь проявляется общее свойство пациентов уклоняться от решений — ведь их сомнения касаются отнюдь не только сновидений и связаны со страхом перед всем «опасным»; они ищут способа уклониться от ситуации, которая несет в себе угрозу для них.

Многие личности со склонностью к навязчивостям, исходя из той же предосторожности и предусмотрительности, отличаются «вязкостью» суждений, застревают на деталях. Их поведение можно проиллюстрировать удачной шуткой: «Один человек, попав на небо, увидел две двери с табличками: „Дверь в царствие небесное" и „Дверь на лекцию о царствии небесном". Он подумал и вошел во вторую дверь».

Одна из закономерностей психической жизни заключается в том, что все, что мы подавляем, накапливается, как талая вода, и создает внутреннее давление. Поэтому навязчивые явления требуют много времени и сил, чтобы сдерживать их в глубинах нашей души. Так возникает порочный круг навязчивостей, который, с одной стороны,

решает задачу удержания подавленного и вытесненного, а с другой — воспроизводит навязчивые явления и дискутирует с ними. Таким образом интегрируется все то, чего мы избегаем и от чего испытываем страх, и переживается нами, скорее всего, с удивлением, так как подавленное несет в себе такое исполненное значимости содержание, что даже просто рассказ о казалось бы бессмысленных сновидениях несет важную информацию.

Можно представить себе, как ограничен и упрям, как принципиален и односторонен в своих выводах человек с такими установками, как «безжизненна» его жизнь, если он возводит в абсолют свои условия и добивается их исполнения.

Человек с Obsessивным развитием личности осознает лишь то, что он считает «правильным», т. е. то, что не несет в себе опасности риска и страха, с ним связанного. Такие люди считают для себя обязательным верить в то, что они считают истинным, и всякая другая, свободная от их предрассудков, мысль кажется им невероятной.

Будучи принципиальными во всем, они естественный порядок доводят до педантичности, необходимую последовательность и рациональность — до неисправимого упрямства, разумную экономность — до скупости, здоровое своеобразие — до исключительного своеволия вплоть до деспотизма. Несмотря на то что полнота жизни заменена у них жесткими правилами, это все же не дает возможности полностью преодолеть страх, что приводит к развитию навязчивой симптоматики и навязчивого поведения. Навязчивые симптомы, первоначально предназначенные для связывания и устранения страха, постепенно становятся внутренне необходимыми. Они «навязываются» личности, и человек не может от них отказаться, даже; если не видит в них смысла. Навязчивое мытье рук» навязчивые сомнения, навязчивый счет, навязчивые воспоминания являются примером таких действий. Всегда, когда человек пытается избавиться от навязчивостей, высвобождается связываемый навязчивостями страх.

Сколь бы разнообразны ни были навязчивости, они, в конечном счете, представляют страх перед риском, перед стихийной беспечностью, которая толкает нас на рискованные действия. Такой страх, наряду с попытками его предотвратить или преодолеть, всегда настигает этих людей при столкновении с новым, неизвестным, опасным и запрещенным, при любой попытке отклонения от привычного стереотипа. Когда все остается таким, как есть — вещи на письменном столе, порядок расположения которых священен, мнения и суждения, имеющие силу закона, моральные установки, застывшие и навсегда классифицированные, теории, неоспоримые, как аксиомы, вера, непоколебимая и абсолютная, — то кажется, что время остановилось. Все уже предусмотрено, мир больше не меняется, действительность есть лишь повторение аналогичного и давно известного — так пульсирующий ритм жизни становится монотонным, мертвым. В таком поведении, быть может, иногда заключается настоящее трагическое величие, так как жестокая, подавляющая и укрощающая жизнь воля и недостаток гибкости придают личности некую монументальность, лишая ее изобретательности и удачливости. К трагическому относится также провал абсолютизации, так как жесткие требования, независимо от того, носят ли они реальный или воображаемый характер, заведомо невыполнимы.

В простых примерах столь принципиальной позиции личностей с Obsessивным развитием трагическое и комическое тесно переплетаются между собой — попробуйте хоть раз сделать вашу квартиру абсолютно чистой, чтобы в ней не было ни пылинки. Трагичность данной ситуации заключается в том, что вы не можете удержать и зафиксировать чистоту, как не можете остановить время. Так льют воду в бездонные бочки Данаиды. Так как пыль всегда появляется вновь, какой бы чистоты мы ни

достигли, вновь появляется стремление ее стереть, и эта проблема неразрешима, сколько бы ни повторялись наши попытки. В данном случае стремление к абсолютному избавлению от пыли несет в себе такой же смысл и таит в себе такую же опасность, как и попытки достичь абсолютной моральной чистоты. Собственно говоря, перенос этой проблемы на банальный уровень носит искусственный характер, и истинное разрешение возникших проблем не требует насилия.

Всегда, когда иррациональные чувства принуждают нас к деятельности, которая, в конечном счете, является бесплодной, мы должны спросить себя, какого существенного столкновения с действительностью или какого решения мы хотим избежать.

Юмористически рисует навязчивую проблематику Ф.-Т. Фишер в своем романе «Все так же одинок». Герой романа ведет длительную войну против того, что он называет «коварством объектов». В связи с вытеснением преимущественно агрессивных аффектов и побуждений он постоянно совершает действия, не соответствующие его намерениям, и прячет вещи в башмаки, называя это «коварством объектов». Когда несимпатичная соседка за столом случайно проливает на его одежду соус, он расценивает это как «коварство объекта» в виде запачканных соусом пуговиц на его пиджаке, скрыв таким образом подавленную неприязнь и агрессивность по отношению к даме. Такого рода неудачные действия лиц с Obsessivem развитием особенно часто мы встречаем в описаниях; 3. Фрейда, который объясняет это вытеснением жизненных побуждений. В ошибочных действиях (die Fehlleistungen) — оговорках, забывчивости, ошибках — прорывается все то, что было подавлено, и в форме ошибок минует чувство вины и осознанные запретные желания, предается искаженной гласности то, что должно быть укрыто.

Навязчивости могут достигнуть степени болезни с неблагоприятным течением, когда они заполняют всю жизнь человека и производят впечатление демонической силы, властвующей над ним. Можно себе представить, что в прошлые времена, когда психодинамические взаимосвязи еще не были известны, эти ужасные насильственные действия, лишённые какого-либо смысла, производили впечатление одержимости бесом или злым духом. Сами больные с навязчивостями, особенно если эти навязчивости проявляются в насильственных действиях, часто рассматривают эти действия как результат воздействия на них посторонней силы, поскольку они носят чуждый им характер.

Каждая навязчивость имеет тенденцию к распространению на все новые и новые области, напоминая некоторые соматические заболевания, в частности, метастазирование опухолей. Жизнь лиц с навязчивостями все более и более ограничивается навязчивыми проявлениями. Ниже мы приведем ряд примеров, демонстрирующих эту закономерность.

Описанные навязчивые процессы представляются нам защитой от беспокоящих «злых» мыслей, желаний и побуждений, которые мы считаем необходимым подавить. Избегание или преодоление таких нежелательных психических процессов отнимает много сил и времени. Однако это вряд ли достижимо, как будто нам противостоит колдовская сила. Едва мы преодолеваем злые, грязные, грешные мысли, как они всплывают вновь и навязчиво требуют новых усилий по их преодолению. И снова повторяется спасительная формула в виде заклинания, типа «Иисус-Мария-Иосиф», или предпринимаются действия для того, чтобы предотвратить появление в сознании этих мыслей и желаний. В тяжелых случаях это приводит к различным формам

самоистязания, о которых нам известно из описанных примеров религиозного фанатизма (в частности, флагеллантизм, самобичевание). «Метастазирование», т. е. расширение и разрастание навязчивостей, выражено тем больше, чем больше усилий предпринимается для уклонения от навязчивых идей: достаточно безобидной ассоциации, для того чтобы подозревать намеки на срамное желание и связанные с ним слова и представления и начать новые усилия по их изгнанию. Это отражено в шутке, карикатурно изображающей «христианский» ряд чисел: «Один, два, три, четыре, пять... тьфу!.. семь», — цифра 6 имеет срамную ассоциацию. Все это напоминает упомянутую выше историю о невозможности убрать из комнаты абсолютно все пылинки и хорошо описывается латинской пословицей «*Naturam expellas furca, tamen usque recurret*» («Сколь яростно ни изгоняй природу, она постоянно возвращается»). И действительно, природа, жизнь не могут быть изгнаны или подавлены — они все равно каким-то способом возвращаются на свое место. Какие рафинированные формы могут приобрести способы защиты, видно из следующего примера.

Одна невротическая пациентка с навязчивым стремлением мыться, которое подсознательно символизировало ее «грязные сексуальные побуждения», именно тогда получала сексуальное удовлетворение, когда из побуждений избавления от «греха» соответствующим образом мыла свои гениталии как «источник греховности». Это сопровождалось наслаждением, вплоть до оргазма, которое, однако, не сопровождалось чувством вины, так как на уровне сознания было связано с процедурой очищения.

Христианская церковь обеих конфессий (католическая и лютеранская), осуждающая сексуальность путем воспитания чувства вины в прошлом и, к сожалению, и в настоящее время, способствует возникновению так называемых невротозов духовного происхождения. Ее враждебность ко всему плотскому вызывает у многих молодых людей, особенно в пубертатном возрасте, страх и чувство вины, которые, в свою очередь, требуют механизмов для их подавления. Вместо того чтобы в соответствии с возрастом и развитием касаться этих тем, вызывающих у подростков естественное и часто примитивное любопытство при групповых беседах или в школе, и тем самым просвещать их, их длительное время при подготовке к конфирмации обучают песнопениям и катехизису. В результате подростки узнают то, в чем им отказывают, от других.

За десятилетия психотерапевтической деятельности мы узнали, какие опустошительные последствия несет религиозная враждебность к проявлениям плоти. Часто это начинается с борьбы с онанизмом, который якобы вызывает ужасные соматические и духовные последствия, отчего возникает тяжелый страх и чувство вины. Нередко, если не удастся преодолеть этот «грех», такие переживания в юности заканчиваются самоубийством.

- Личность с навязчивостями и любовь

Любовь, это иррациональное, безграничное, трансцендентное чувство, которое может перерасти в опасную страсть, ввергает этих людей в глубокое беспокойство. Они расценивают это чувство как нечто вторгающееся в их волю, как проникновение в их жизнь болезненного и невозможного; им кажется, что оно нарушает их собственные законы, и потому они снова и снова обращаются за помощью к разуму. Все это представляет тяжелое испытание для ощущения собственной безопасности личностей с одержимым развитием и требует от них мобилизации их волевых качеств.

В связи с этим личности с навязчивой структурой пытаются «собрать в кулак» свои чувства, взять их под контроль. Несмотря на то что чувство любви не покидает их, субъективно они переживают его непостоянство и изменчивость. Страсть кажется им подозрительной, она не поддается расчету и рассудку и является, скорее всего, признаком слабости. Поэтому свою симпатию они пытаются расчетливо дозировать, сдерживают свои чувства и проявляют мало понимания по отношению к партнеру. Неуместной деловитостью они пытаются отрезвить свои чувства.

К тому же во всех партнерских отношениях они проявляют повышенное чувство ответственности и отстаивают принятые раз и навсегда решения. Им нелегко признать равноправие партнера, они скорее склонны к «вертикальному порядку», им ближе соотношение «выше или ниже», быть «молотком над наковальней» для них предпочтительней, чем неизбежное «или-или» — но кому же нравится быть «наковальней»? Таким образом, любая связь для них становится борьбой за подчинение партнера. Как депрессивные личности в своих партнерских отношениях исходят из страха утраты и ставят себя в зависимость, так личности с навязчивым развитием исходят из потребности властвовать, вследствие чего хотят формировать партнерские отношения по своей воле. Это дается им тем тяжелее, чем сильнее партнер, которым они хотят обладать полностью, которого хотят сделать своей собственностью, подчинить своей воле. В партнерских отношениях нередки случаи, когда личности с навязчивым развитием живут «по расчету», требуя от партнера, прежде всего, подчинения и покорности. С другой стороны, связь представляется им чем-то «роковым». Будучи тяжеловесными и основательными, они считают необходимым соблюдать верность по вполне понятным экономическим причинам.

Нередко они вступают в брак по расчету; материальные соображения и прочие вопросы, касающиеся обеспечения условий жизни, играют для них немаловажную роль. Прежде чем вступить в связь, они переживают длительный период сомнений, для них также характерно стремление увеличивать срок обручения и многократно откладывать бракосочетание. Вступив в связь, они считают эти узы нерасторжимыми, опираясь при этом на религиозные или этические мотивы даже тогда, когда эта связь становится нежелательной и причиняет страдания обоим партнерам, и даже в тех случаях, когда сам человек с навязчивым развитием нуждается в расторжении этих отношений.

Когда одна дама спросила своего мужа, почему он не соглашается на развод, который она давно уже предлагала ему, так как брак из-за отсутствия взаимного чувства стал непереносимым для обоих, он ответил «Потому что мы женаты», имея в виду, что раз брак зарегистрирован, то он нерушим. Он сказал это не из религиозных или каких-либо других понятных соображений, а просто потому, что, вступая в брак, он женился раз и навсегда.

Обычно в таких случаях играет роль потребность властвовать; кроме того, такому человеку кажется предпочтительным удерживаться в рамках существующего положения, так как все новое он расценивает как рискованное. Даже тогда, когда в этом браке тлеет ненависть и противоположная сторона отвергает всякую попытку сближения, приносящую лишь мучение и страдание, он не расторгает брак, в котором каждый ждет смерти партнера.

Чем более выражен процесс навязчивого развития личности, тем чаще брак рассматривается ею как юридический контракт со строгим распределением прав и обязанностей. Формальная сторона брачных отношений приобретает для них сверхценный характер, и они всегда ссылаются на нее. Пока все остается в разумных

пределах — «*clara pacts — boni amici*» («ясные договоры — лучшие друзья») — это не вызывает возражений. Если же эмоциональные отношения подменяются формальностью, когда партнер настаивает на своем мнимом «праве» и в достижении своих принципов доходит до садизма, то под маской корректности мы обнаруживаем враждебные чувства и претензии на власть.

Во время кризиса брачных отношений одна дама обратилась к адвокату с просьбой составить договор, в котором определялась бы частота супружеских отношений, определяющая желательную ей атмосферу в семье, одновременно в договоре должно было быть оговорено, что мужу запрещено курить в спальне, там же устанавливался денежный штраф за нарушение или несоблюдение указанных условий. Она хотела продолжать руководить отношениями в этом браке и была серьезно убеждена в том, что ее предложения существенны и корректны.

В данном случае установление регулирующих условий как бы устраняет проблему, лежащую в основе конфликта между супругами: эмоциональное непонимание себя и своего положения и стремление к принудительному исполнению собственных желаний.

В конфликтах и спорах лицам с Obsessivным развитием недостает благоразумия, они с трудом соглашаются с чем-либо, им тяжело признать свою неправоту. Они цепляются за прошлое и скрупулезно, педантично перечисляют и подсчитывают все случаи, когда партнер, как им кажется, обманывал их. Во время конфликтов они высказывают странные предложения по устранению недостатков партнера, приводя при этом давно известные и избитые примеры. Если они не могут удержать чувства партнера, то разрабатывают специальную программу поведения, пытаясь установить правила, которым должны следовать оба партнера. Если жена жалуется на то, что муж по выходным занимается своими марками или поделками, а ей скучно и она предпочла бы делать все это вместе, он выдвигает целый ряд компромиссных предложений и составляет программу, согласно которой жена каждое второе воскресенье может заниматься своими любимыми делами, в которых он также должен принимать участие. У таких личностей все запланировано — проявление симпатии, забота о партнере, близость с ним. Все это носит принужденный и, в конечном счете, фальшивый характер, так как они превращают в долг то, что должно исходить из чувства, и предполагают, что тем самым выполняется их часть партнерских обязанностей. Человек с навязчивым развитием личности может быть очень удивлен и огорчен, если жена отказывается от «обязательной» совместной экскурсии или не испытывает удовольствия от общения с ним, поскольку нуждается в участии и внимании, которых муж ей не дает.

Эти примеры могут быть дополнены многими подобными образцами поведения, с помощью которых лица с навязчивыми расстройствами пытаются разрешить свои партнерские проблемы. К тому же партнеры этих личностей не в состоянии понять, чего же, собственно, от них хотят — больше радости, больше активности, больше чувственности, больше разнообразия или практичности в повседневной жизни. В ответ лица с навязчивым развитием получают от партнера то, что заслужили своей скупостью и сдержанностью, — чувство неудовлетворенности, и для обеих проблемы взаимоотношений становятся все более и более неразрешимыми.

Особую роль играет для таких личностей постоянство, обеспеченность, экономность и пунктуальность во взаимоотношениях; здесь их стремление к власти проявляется особенно выразительно. Пища должна быть подана на стол немедленно, деньги, предназначенные для ведения хозяйства, делятся и подсчитываются до гроша,

муж должен отдавать свою зарплату полностью и получает выговор за то, что оставляет себе карманные деньги, необходимость новых приобретений превращается в настоящую трагедию, предстоящие покупки бесконечно дискутируются и, в конечном счете, являются показателем расточительности партнера, особенно если он небрежно обращается с вещами. Денежные проблемы в таких браках являются одной из наиболее частых причин конфликтов.

Патриархат часто дает мужу основания для контроля за расходами жены. Отдельной проблемой является «исполнение супружеского долга», при котором муж с одержимым развитием личности пренебрегает своей сексуальностью жены и тем самым унижает себя самого. В следующей части, посвященной истерии, мы увидим, как женщина мстит за подобное унижение. При патриархате муж устанавливает повседневный порядок, он относится к жене как к неразумному ребенку, проявляя мелочную заботливость и устанавливая полную зависимость от себя. При тяжелых навязчивых расстройствах для таких личностей основным является требование, чтобы партнер «функционировал» пунктуально, точно, надежно и бесперебойно, как хорошо смазанная машина, без собственных желаний и эмоциональных запросов. Вместо любящего обмена взаимными требованиями и вознаграждениями отношения строятся на условиях и предписаниях, которыми партнер обязан руководствоваться. Можно себе представить, каким холодным и «запрограммированным» является такой брак, при котором сексуальность реализуется с регулярностью железнодорожного расписания, как некое исполнение долга в порядке очереди, не зависящее от влечения и расположенности. Отношение к сексу, так же как и ко всем другим радостям жизни и возможностям наслаждения, по мере усиления навязчивостей становится все более и более сомнительным и спорным. Мы уже упоминали о том, что секс у личностей с одержимым развитием делается все более «запланированным», а атмосфера любовной жизни — все более трезвой и чуждой эротичности, полностью антидионисийской. Если первая встреча с противоположным полом кажется такому человеку неудачной, то он постоянно думает о неизбежности катастрофы в первую брачную ночь. В связи с недостаточной чуткостью и слабостью эротических фантазий любовная жизнь подобных людей проходит по накатанной колее. Нередко сексуальность личностей с навязчивостями приобретает садистический оборот, при этом в насильственных желаниях и действиях по отношению к партнеру происходит смешение интимных желаний и стремления властвовать. Даже при сохранении рано приобретенного чувства стыда и вины в интимных отношениях сексуальная связь у них часто мучительна, безрадостна, лишена любовных фантазий; для ее реализации личности с навязчивым развитием требуют определенных условий и ограничений. До какой степени могут пойти такие запреты желаний и угрызения совести, а также их рационализация, видно из следующего примера.

Молодой мужчина познакомился с девушкой, которая ему очень понравилась. После первой же встречи у нее дома он начал мучительно размышлять: «Какие последствия может иметь эта связь (которая еще не состоялась!)? Из какой семьи эта девушка? Быть может, она уже знала многих мужчин? Здоровая ли она? Какие у нее представления о любви? Как скоро она забеременеет? Не больна ли она? У нее такой чувственный рот — быть может, она захочет спать с каждым встречным? И вообще, к чему мне с ней связываться? Кто может гарантировать, что здесь все чисто? Что, собственно говоря, случилось? Я еще молод, зачем мне нужно себя связывать? И вообще, нечего здесь обсуждать!»

В данном случае проявляется необычайная осторожность и предусмотрительность, предполагаются все негативные возможности, до мельчайших подробностей рационализируются многочисленные варианты, что тормозит принятие каких-либо решений, связанных с риском. Кроме того, навязчивый процесс у молчаливого человека далеко не закончен. Он постоянно обдумывает предстоящие решения и поступки. Например, он примеривает и откладывает галстуки, которые могут быть надеты во время сдачи предстоящих в последнем семестре государственных экзаменов. Он тратит часы на то, чтобы мысленно реконструировать имевшие место в прошлом разговоры, и это ? является гарантией против стихийности и спонтанности. Нередко лица с навязчивостями приносят свои волевые качества в сексуальность — половая связь служит для испытания своих возможностей и потенции, а партнер — лишь объект проверки собственной сексуальной пригодности. В немецком языке взаимосвязь между сексуальной и финансовой потенциальностью выражается в том, что они передаются одним и тем же словом «возможность» (нем. *vermogen*), и лица с обсессивным развитием часто относятся к своей сексуальной потенции, как к деньгам, — они хотят вновь и вновь доказывать, что они «могут», но одновременно скупаются «растратить» свою потенцию, лишиться ее совсем и пытаются распределять ее так, чтобы не «израсходовать весь порох». В их эротико-сексуальных отношениях легко возникают помехи, такие люди часто зависят от определенных условий, которые непременно должны соблюдаться: шум, запахи, освещенность, недостаточно плотно прикрытая дверь и другие внешние обстоятельства могут помешать достижению удовлетворения или даже быть причиной импотенции. Некоторые из них нуждаются в длительных омовениях перед вступлением в связь и на протяжении этого времени испытывают половое возбуждение; другие не могут вступить в половой контакт до тех пор, пока не выполнят всех своих обязанностей по очищению. Они охотно ссылаются на усталость, перегрузку на работе и другие причины для того, чтобы уклониться от партнерских отношений. Им тяжело быть непринужденными в любовных радостях и утехах. Они не могут отрешиться от представления о том, что партнер является их собственностью; они предрасположены к ревности, в основе которой лежит проблема власти — партнер не может уклоняться от выполнения своих «обязанностей» и от их влияния. Попытки партнера ограничить их давление и отстоять свою самостоятельность лишь обостряют ситуацию. Вероятно, именно лица с навязчивым развитием «изобрели» пояс девственности. Лица с навязчивым развитием часто отказываются от любви и сексуальности, от нежности и чувственности, ибо любовь требует взаимности, а потребовать такой взаимности они не могут, так как, по их мнению, сексуальность недостойна женщины. Среди них нередко встречаются мужчины, которые глубоко уважают и почитают своих жен и тем не менее считают их сексуальность чем-то ужасным и постыдным. Психически здоровые люди такого личностного типа, у которых навязчивые расстройства выражены незначительно, в общей своей массе не имеют каких-либо доставляющих им страдания нарушений любовных взаимоотношений, зато отличаются верностью и стабильностью в своих привязанностях. Они дарят партнеру неизменную теплоту и вызывают у него ответное чувство безопасности и стабильности. Они — заботливые супруги, их семьи производят впечатление здорового и крепкого содружества в самом позитивном смысле этого слова благодаря той внимательности, взаимной симпатии и ответственности, которые создают в них атмосферу стабильности.

- Личность с навязчивостями и агрессия

Лица с навязчивостями испытывают трудности в связи со своей агрессивностью и аффективностью. Они очень рано обучаются самоконтролю и самонаблюдению; изучение их биографии показывает, что спонтанные реакции вызывают у них страх; с детства они вынуждены подавлять внешние выражения злобы, ненависти, упрямства и враждебности, так как это влечет за собой наказание или лишение их любви. Однако в жизни эти чувства неизбежны. Что же им делать? Если у них достаточно сильно развито «Я» и они, в отличие от лиц с депрессивной структурой личности, не испытывают страха утраты, они способны как-то регулировать свои аффекты; в противном же случае из-за страха наказания они вынуждены запрещать себе всякие проявления агрессии. Рассмотрим возможные варианты реагирования, если подобная ситуация продолжается. Чаще всего они очень осторожно обходят свои аффекты и свою агрессивность. Они долго колеблются и сомневаются в том, могут ли они проявить в данной ситуации агрессию и имеют склонность ослаблять ее проявления, смягчать ситуацию или «перечеркивать» ее, как в данном примере.

Когда один пациент во время сеанса психотерапевтического лечения высказал замечание относительно поведения своей жены, которое давало ему право на раздражение и досаду, он тотчас же поправил себя: «То, что Вы услышали от меня, явно преувеличено. Я высказал свое мнение только для того, чтобы прояснить ситуацию. Пожалуйста, не поймите меня превратно, у Вас может создаться неправильное впечатление о наших взаимоотношениях, мы во всем понимаем друг друга».

Из этого высказывания хорошо видно, с каким страхом и последующим чувством вины переживает пациент проявления своей агрессивности и как стремление ослабить агрессивные проявления приводит этого пациента к заглаживанию и исправлению повторно переживаемой ситуации или к усилению чувства вины. Для лиц с obsessивным развитием личности характерна идеология, связанная с повторными попытками разрешения конфликтов и аффектов, которые они, однако, не могут реализовать. Для них отказ от аффекта сопровождается идеологизацией собственного могущества и собственной значимости: внешнее выражение аффекта является признаком распушенности, неумения держать себя в руках, поведения, которое кажется им недостойным. Пока здоровье позволяет им держаться в определенных границах, они считают опасным и разрушительным для себя внешнее проявление аффекта и, будучи сверхтребовательными к себе, пытаются его смягчить и ослабить, все больше и больше контролируя себя. В этой связи мы можем привести пример развития навязчивой симптоматики у женщины, которая не могла проявить своей неприязни к мужу, вследствие чего у нее развился страх перед ножами и другими острыми предметами, с которым ей приходилось бороться всякий раз, когда муж появлялся перед ней, и который длился столько времени, сколько он оставался с ней. И кто знает, чего стоила ей эта борьба по подавлению агрессии! При выяснении отношений с мужем ее агрессия становилась менее опасной, поскольку на ее пути возникал барьер навязчивостей.

Одной из возможностей придать «легитимность» своей агрессивности, не выражая ее вовне, и даже; рассматривать ее как достоинство для лиц с навязчивым развитием является адекватный выбор профессии. В этом случае они приобретают право бороться со всем тем, что считают запретным для самих себя. Так появляются фанатики — неумолимые, бескомпромиссные и беспощадные в своей борьбе в любых областях, будь то гигиенические требования, подавление инстинктов, соблюдение морали или религиозность. В отличие от лиц с депрессивным складом личности, они направляют

свою агрессию не на самих себя, но на внешние проявления и делают это с чистой совестью, будучи убеждены в том, что это необходимо. Можно себе представить, какую опасность может представлять такая склонность искать и всегда находить клапан для выхода своей агрессии, ссылаясь при этом на собственные «убеждения». О том, какие легитимные формы может принимать выраженная агрессивность, прикрываясь при этом святыми целями, мы уже упоминали, говоря о христианской идеологии. Граница между психическим здоровьем и болезнью здесь очень тонка, так как агрессия в данном случае опирается на то, что считается нормой. Какие катастрофические формы это может принять в случае, если коллектив ставит свою агрессивность на службу идеологии, мы видим на примере преследований евреев во времена Третьего рейха, всех войн, когда уничтожение врагов возводится в ранг морали и даже санкционируется церковью.

Более мягким вариантом описанной выше «легитимной» агрессии является чрезмерная корректность, которая, кроме того, что она является формой подавления агрессивности у личностей с Obsessive-Compulsive развитием, представляет наиболее часто встречающуюся форму сознательного поведения. Возможности придать своей агрессивности корректность, доходящую до степени садизма, чрезвычайно разнообразны — это чиновник, который пунктуально, минута в минуту, закрывает окошко своей конторы, хотя легко мог бы еще кого-нибудь обслужить; учитель, подчеркивающий малейшие отклонения в пунктуации или ошибки, связанные с невнимательностью; экзаменатор, который считает правильным лишь ответ, ни на йоту не отличающийся от ожидаемого; судья, строго придерживающийся буквы закона при оценке того или иного проступка и не принимающий во внимание мотивацию, и т. д. Можно найти множество других примеров, представляющих эквиваленты агрессивности. Некоторые личности выражают агрессивность в форме сверхкорректности, злоупотребляя своей властью и скрывая мотивы своего поведения даже от самих себя, ссылаясь на нерушимость правил и значимость выполняемого ими долга. Особенно опасной становится такая агрессивность личностей с Obsessive-Compulsive развитием тогда, когда трудно решить, обоснованы ли предъявляемые ими требования, или они являются лишь проявлением их собственной воли. Естественно, что должен соблюдаться порядок, однако он должен быть живым, а не мертвенно-педантичным; нравственность имеет громадное значение, но она не должна быть человеконенавистнической и враждебной. Отсюда ведет прямая дорога ко всему, что требует дрессуры и муштры, о которых нам хорошо известно из армейской жизни. Для агрессивности личностей с навязчивым развитием вообще характерно приобщение ко всему, что касается нормирования, регуляции и принципиальной сподчиненности, для них важно, чтобы все имело свое название и свое место. При этом: их узкая исполнительность соответствует их потребности властвовать. Их агрессивность труднодоказуема, так как она носит надперсональный, анонимный характер, за которым скрывается страсть к насилию. Еще одной характерной чертой агрессивности у личностей с преобладанием навязчивостей является воля к власти, которая у них, в отличие от шизоидов, исходит не из необходимости самозащиты, но из самой потребности властвовать и подчиняться силе. Агрессия навязчивых личностей служит власти, и власть, которой они обладают, служит агрессии. В связи с этим личности с навязчивым развитием предпочитают профессии, которые предоставляют им власть и одновременно дают возможность легализовать свою агрессивность во имя порядка, целесообразности, закона, авторитета и пр. Неудивительно, что к данной личностной

структуре в той или иной степени относятся многие политические деятели, военные, полицейские, чиновники, судьи, священнослужители, педагоги и государственные защитники. От зрелости и интегративности личности зависит, как она использует данную ей власть и присущую ей агрессивность. Так как всякое общество требует от своих членов определенного порядка и соблюдения иерархии отношений, то это предоставляет личностям с навязчивым развитием богатые возможности для использования самых лучших принципов в качестве прикрытия своей агрессивности и ненависти и придания им легитимности. Родительский дом, школа и церковь являются первой воспитательной средой, где могут господствовать муштра, дрессура, бездушные методы воспитания, при которых чувство вины внедряется в сознание ребенка путем наказания. Все это является благодатной почвой для последующего навязчивого развития личности у детей — и в следующей части книги мы более подробно разъясним это. Своеобразной формой агрессивности навязчивых личностей, которая, в частности, отражается и в их речи, является хитрость, а также трусливая угодливость, за которыми скрывается притаившаяся агрессия. Это присуще людям, чьи проявления агрессивности в детстве строго наказывались, кто не мог открыто проявлять упрямство и аффекты и вынужден был реагировать тайно, прибегая к хитрости. Граница между коварством и предательством узка, это хорошо описывается выражением «волк в овечьей шкуре». Еще одним следствием строгого наказания за моторно-экспансивное и аффективно-агрессивное поведение ребенка является нарушение развития здорового восприятия собственного тела. Ребенка учат неправильно обращаться со своим телом, подавлять свои телесные реакции, что вызывает у него чувство неловкости; он испытывает ощущение, будто он «не у себя дома» (*mcht zu Hause*). Для того чтобы испытывать радость от своего тела, необходима свобода движений, которая сама по себе переживается ребенком с наслаждением. Вместо этого он принуждается внимательно следить за своими движениями, вследствие чего появляется не только угловатость, подавление двигательной активности и агрессивности, но и неуверенность в своих двигательных проявлениях, в выраженной форме мы определяем это как неуклюжесть или даже называем таких детей бестолковыми увальнями. В таких случаях агрессивность проявляется в упомянутых выше «ошибочных действиях». Неловкость, угловатость, присущие «увальням», превращают агрессивность в нечто произвольное, лишённое злого умысла. Так, подавляя агрессивную форму поведения, ребенок «случайно» разбивает дорогую вазу, которую должен был наполнить водой: он «споткнулся» и таким образом реализовал свою агрессивность. Сердиться и наказывать его за содеянное нет никаких оснований, а он, прикидываясь дурачком, получает при этом истинное удовольствие от своей мстительности и испытывает злобное чувство превосходства, еще и жалуясь при этом на то, что сильно ушибся и что ваза с водой была слишком тяжела для него.

Следует еще раз напомнить, что постоянное самонаблюдение и преувеличенный самоконтроль создают условия для ипохондрической настроенности, которая может быть использована как эквивалент агрессивности и при которой все окружающие страдают от ипохондрических (связанных с опасениями от носительности своего здоровья) страхов и симптомов у личности с навязчивым развитием, омрачающих все радостное и светлое. Так от действительного или предполагаемого нарушения функций кишечника или за поря может разразиться семейная катастрофа. В качестве эквивалента агрессии у лиц с навязчивым развитием опишем еще два типа поведения, которые, будучи обусловлены подсознательными механизмами, не сопровождаются чувством вины и

воплощают подавленную агрессивность и аффективность: вязкость, топтание на месте, обстоятельность и нерешительность, из-за которых страдает и находится под постоянным гнетом их окружение. Это очень утонченная форма агрессии. К такого рода эквиваленту агрессивности относится поведение дамы, которая перед концертом или посещением театра никак не может закончить свой туалет и тем самым доводит до белого каления своего партнера, или мужчины, который для объяснения самого простого факта или события должен, как говорится, «начинать от Адама и Евы». Вот как пациент с навязчивостями объяснял свое опоздание «на целых две минуты!»:

«Я закрыл свою контору ровно в 18 час. 15 мин.; я шел своим обычным шагом к автобусной остановке; автобус опоздал почти на три минуты; пока я вошел в него, прошла одна минута. С таким опозданием я добрался до остановки, на которой должен был сойти, для того что бы прийти к Вам. В связи с этим я вынужден был ускорить свои шаги, но меня задержала женщина, которая спросила меня, как найти какую-то улицу, и я, естественно, должен был ей это объяснить; пока я шел, стало уже темнеть, и последние метры на пути к Вам я преодолел бегом в полной темноте». Это длинное объяснение двухминутной задержки, о которой вообще не стоит упоминать, он заключил словами: «Извините меня за мое опоздание!» В ту же минуту пациент нажал на кнопку звонка, обозначая начало психотерапевтического занятия и тем самым подчеркивая, что уже поздно, пора начинать и он не намерен больше ждать. Таким поведением он, не прибегая к разумным обоснованиям, дает понять, что не намерен отдавать того, что при надлежит ему по праву (времени, отведенного для психотерапии). Навязчивая личность использовала звонок как клапан для выхода своей агрессии и, вместе с тем, как непрямую агрессию.

Примеры агрессивного поведения навязчивых личностей можно умножить. Так, супруг «принципиально» оставляет себе на расходы маленькую сумму, упорно храня при этом молчание и противопоставляя себя другим членам семьи как образец скромности и бережливости. Мы не можем упрекнуть этих людей в открытой агрессивности, которая у лиц с другой личностной структурой значительно чаще сопровождается агрессивными действиями. В качестве обобщения мы должны сказать, что навязчивые личности скорее склонны подавлять грех, чем совершать греховные поступки, — подавленный грех труднее выявить и доказать. Другим проявлением агрессивности является назойливость и несоблюдение дистанции, а также говорливость (в народе таких людей называют говору нами) — лишенное пауз, навязчивое, «без точек и запятых», словоизвержение. Наконец, это уже упомянутое нами брюзжание, одна из типичных форм агрессивности личностей с навязчивым развитием. Страх наказания, чувство вины и угрызания совести во взаимосвязи с агрессивными импульсами у личностей с навязчивым развитием так сильны, что кроме описанных выше возможностей их проявления и эквивалентов агрессивности мы встречаемся и с их соматизацией (переводом на рельсы болезней внутренних органов). Расстройства сердечной деятельности, нарушения кровообращения, непостоянство кровяного давления (прежде всего, его повышение), преходящие нарушения кровообращения («сосудистые кризы»), головная боль, нередко доходящая до мигренозных приступов, нарушения сна, расстройства кишечника (колики) могут быть следствием или проявлением подавленной агрессивности и аффективности, выраженным на языке соматических симптомов. Эти соматические симптомы отражают неразрешенный конфликт между агрессивностью и невозможностью ее проявить, между желанием властвовать и отсутствием решимости оказать влияние на сложившийся ход событий. В

связи с задержкой («запрудой») аффекта может возникнуть такое нарастание внутреннего напряжения, что это приводит к разрушению механизмов подавления и прорыву аффекта в форме разрушительных действий типа амока (Ato-klaufen, разрушительное, сметающее все на своем пути двигательное возбуждение с последующим его запа-мятованием), внезапной вспыльчивости, безрассудного стремления к разрушению. В своем романе «Заметки Мальте Лауриде Бригге» Рильке описал такое двигательное неистовство. Вот один из примеров соматизации эффективности и агрессивности.

Один чрезвычайно корректный и сдержанный мужчина, занимавший в высшей степени ответственное положение в межчеловеческих отношениях, держался столь деловито и нейтрально благодаря тому, что удерживался от проявления каких-либо эмоций и аффектов. Что бы он ни переживал — печаль или радость, гнев или нетерпение, — он не проявлял ни малейшего раздражения и был непоколебим в своем стоицизме, испытывая гордость от того, что умеет держать себя в руках, быть невозмутимым и не допускать каких-либо возражений. Однако у него был большой пункт: в ситуациях, когда он испытывал злость или гнев и из соображений престижа не мог их проявить, он часто чувствовал сердцебиение и боль в области сердца — очевидно, его «панцирь» был недостаточно крепок. Конфликт на работе, связанный с нападками и соперничеством, настолько усилил эти симптомы, что он вынужден был обратиться к врачу в связи с предполагаемой угрозой инфаркта и попросил его снять эмоциональное напряжение и уменьшить нагрузку. Однако определяющим в его болезни была отнюдь не повышенная профессиональная нагрузка, но чрезвычайная, неестественная сдержанность и самообладание, лишавшие его возможности «открыть клапан» для своих аффектов.

О Бисмарке мы знаем, что при разрядке накопившегося аффекта он был склонен к судорогам во время опьянения и даже иногда кусал от злости ковер. В основе искусства трагедии лежит способность человека превращать аффекты в свою специальность благодаря воображению и способности воплощаться в идеальный образ. Я хочу еще раз напомнить об агрессивной защите, которая характерна, прежде всего, для личностей с обсессивным развитием. Своей агрессивностью они защищают свою персону, которую идеализируют и в отношении которой заявляют неоспоримые права. Поэтому эти качества особенно часто проявляются при воспитании детей, во взаимоотношениях учителя и учеников, а также в области религии.

• Биографические основы

Мы снова ставим перед собой вопрос: какие же конституциональные основы и средовые факторы способствуют навязчивому развитию личности? К конституциональным факторам относится моторно-агрессивная, сексуальная и общая экспансивная предрасположенность наряду с подчеркнутым своеобразием и постоянством характерологических черт. К предрасположенности относится также и то, что в детстве эти личности легче и чаще других служат предметом насмешек и подтрунивания и дают на это реакции. Это воспринимается их родителями как неудачливость и неловкость, в связи с чем на их поведение оказывается тормозящее, подавляющее влияние, чтобы они стали такими же послушными и тихими, как другие дети. К предрасположенности относится также кротость и приспособляемость со склонностью к подчинению и послушанию, когда ребенок не позволяет себе спонтанных реакций и поступает в соответствии с тем, чего от него ждут взрослые. Позже выявляется врожденная склонность к обдумыванию всего происходящего, к

основательной и продуманной точности, а также сильная эмоциональная склонность размышлять о прошлом, которая сочетается с тем, что впечатления оставляют в памяти этих личностей глубокий след. И снова открытым остается вопрос, являются ли эти черты характера и форма реакции на средовые факторы врожденными, или их причина кроется в особенностях воспитания. Эти вопросы не имеют однозначного решения, и потому в каждом конкретном случае мы должны внимательно исследовать, в какой среде рос и воспитывался ребенок. Разумеется, при преобладании интереса и внимания к средовым факторам, особенно в случаях, имеющих отношение к правовым конфликтам, легко пренебречь наследственными факторами. С другой стороны, как следует оценивать средовые влияния, если у данной личности преобладающим является страх перед переменами и преходящим? Для лучшего понимания освещаемой проблемы мы, как и в двух предыдущих главах, должны остановиться на описании ранних фаз развития личностей с преобладанием навязчивых расстройств. Речь идет, прежде всего, о возрасте между двумя и четырьмя годами, когда ребенок впервые сталкивается с системой правил («заветов») и запретов. Эта фаза развития наступает после кратковременного «райского» периода (Paradieszeit), который характерен для невинного раннего детства, когда не существует запретов, а потребности ребенка удовлетворяются без каких-либо усилий с его стороны. Она возникает впервые тогда, когда желания и побуждения ребенка вступают в противоречие с требованиями его воспитателя. Ребенок уже достиг того возраста, когда ему можно предъявлять определенные требования. Вместе с тем, у него уже так развито «Я», так выражена самостоятельность, потребность в движении и способность выражать свои желания, что он требует от окружающих удовлетворения своих потребностей точно так же, как и в безмятежном «райском» периоде предыдущего развития. Он способен все больше и выразительнее, в том числе и словесно, проявлять свои желания. Это требует усилий для снятия ограничений, попыток волевым путем преодолеть сопротивление. Время полной зависимости от матери сменяется новой фазой отторжения от нее и все возрастающим стремлением к самостоятельности, фазой, когда ребенок впервые говорит «Я», показывая тем самым, что узнает и переживает свое отличие от матери, отделение от симбиоза с нею, во время которого для ребенка отсутствует различие между «Я» и «Ты». Одно временно все больше развивается способность владеть собственным телом и управлять своими движениями, стремление к экспансии, появляются капризность и своенравие. Эти проявления активности сталкиваются с ограничениями, исходящими от внешнего мира. Ребенок знакомится с тем, что окружающая среда оказывает ему сопротивление, узнает реакцию внешнего мира на свое поведение, знакомится со своими возможностями настоять на своем и с пределами этих возможностей. В этой же фазе, кроме того, развивается очень важная система ориентации в дозволенном и недозволенном как предформа категорий добра и зла. Каждый ребенок должен найти индивидуальное решение дилеммы между стремлением настоять на своем и послушанием, между осуществлением и приспособлением. Результат такого выбора зависит от взаимодействия факторов среды и предрасположенности. Первым важным и определенным образцом поведения, являющимся примером переживания как своей самостоятельности, так и послушания, является приобретение навыков опрятности. Здесь лежат истоки самоопределения ребенка, его упрямства и его уступчивости, от взаимосвязи которых образуются навыки опрятности. Впоследствии, когда ребенок постепенно овладевает этими навыками, его упрямство нередко является следствием усиленной дрессуры, когда самоутверждение

ребенка попирается принуждением и наказаниями. Мы уже говорили о том, что ребенок имеет свойство реагировать на воздействия окружающей среды, которые противоречат его потребностям, в форме озлобления и непослушания. В период между двумя и четырьмя годами решается участь экспансивно-моторных и агрессивных потребностей ребенка, так же как и внешнего выражения его своеобразия; в этот период он обучается способам переработки внешних воздействий в модели поведения для дальнейшего развертывания и развития личности. В этой связи решающее значение имеет то, как ребенок переносит эти первые «заветы и запреты». Первые переживания, сопряженные с обучением образцам хорошего и плохого поведения, возможно, связаны с несовершенным чувством греховности. Воспринимая определения «ты должен», «ты не можешь», «сейчас этого делать нельзя» и т. д., ребенок обучается тому, что послушание — это хорошо, а упрямство — плохо и наказуемо. Рано или поздно он вступает в противоречие с этими требованиями, и от того, твердо и принципиально или непоследовательно и с попустительством преодолевается его упрямство и непослушание, осуществляются ли требования взрослых с любящей настойчивостью или без царя в голове, — зависят ранние впечатления ребенка об окружающей его среде, его своеобразии и спонтанности. В этом заложено понимание импульсов, формирующих его личность. Таким образом определяется, будет ли этот человек в будущем обладать здоровым самосознанием, самобытностью и гражданским мужеством, будут ли ему свойственны упрямство или слепое подчинение авторитету, которые являются основой для дальнейшего развития тоталитарной системы. Так приобретается опыт первого взаимодействия между волей и долгом, между «хочу» и «могу», между «можно» и «нельзя», устанавливающий направление для свободы или несвободы собственных волевых инстинктов, своего «сверх-Я», которое психоанализ определяет как действующую с детства инстанцию, воплощающую обусловленную требованиями окружающей среды морализующую совесть, от которой зависит характер взаимоотношений между естественной спонтанностью и тормозимостью вследствие повышенного самоконтроля. Так требования окружающей среды переносятся вовнутрь (интериоризируются), превращаясь во внутреннего судью, который преобразует заветы и запреты в нравственный императив. В биографии личностей с навязчивым развитием мы постоянно встречаемся с тем, что в раннем детстве их детская живость и аффективность упрямо и жестко подавляется и происходит такое видоизменение волевых импульсов, при котором подавляется и тормозится спонтанность и здоровая самобытность ребенка. И происходит это именно в той фазе развития, когда необходимо развивать соответствующие возрасту способности и образцы поведения, приводящие к самостоятельности и независимости. Как показали научные исследования, первые впечатления и первые шаги ребенка имеют особое, судьбоносное значение для последующего развития как первоначальные задатки обучения категориальным способам поведения. Такое обучение начинается тогда, когда ребенок определенным образом оценивает происходящие события, переживая отклонения от привычного порядка как опасные и вредные для себя. Реакции окружающих на его «ошибочное поведение» (порицание, предупреждение, предостережение, угроза, лишение родительской любви и ласки, наказание) ассоциируются и связываются им с очевидно нежелательными импульсами внешней среды. Он приобретает опыт того, что мать отворачивается от него, смотрит с укоризной или наказывает, если он ведет себя шумно, что-нибудь опрокидывает или ломает. При повторении таких ситуаций он пытается быть более осторожным, задумывается о том, следует ли делать то, что наказуемо,

контролирует свои действия, становится в какой-то степени неуверенным и заторможенным. Если в таких ситуациях возникает сильно выраженный страх, то при возникновении подобных (наказуемых) побуждений постепенно рефлекторно развивается торможение и подавление. Становится более понятной упомянутая выше взаимосвязь между окружением и «конституциональной предупредительностью» у лиц с навязчивой личностной структурой: живых, импульсивных, витально-моторных агрессивных-экспансивных детей, естественно, чаще бранят, удерживают и строго наказывают, чем спокойных детей; если они не успокаиваются после порицания, то это грозит нелюбовью или наказанием, а быть может, и более серьезными для ребенка последствиями. Предъявление ребенку чрезмерных для данного возраста требований приводит к тому, что он очень рано становится опрятным, прилично ведет себя за столом, аккуратно ест, не бьет и не портит вещи, короче говоря, никоим образом не проявляет внешне свои аффекты. Вот один гротескный пример.

В одной семье ребенка заставляли во время еды держать подмышкой монету — чтобы он не делал лишних движений и выработал хорошие манеры. Во время еды монета не должна была падать.

Послушный, выдрессированный ребенок, естественно, очень удобен для родителей, они демонстрируют его окружающим, гордятся своими воспитательными методами и не испытывая при этом никаких угрызений совести. На более поздних стадиях развития это приводит к регулированию буквально всех аспектов поведения ребенка, и он находится как бы в заключении, когда буквально все его витальные потребности удовлетворяются без его личного участия. Ребенок очень рано обучается повышенному вниманию к самому себе, он обращен к себе, и это дается ему ценой непринужденности и спонтанности, чему способствует также преувеличенный страх перед наказанием и готовность к переживанию своей вины. Рождение брата или сестры в этом возрасте приводит к трудной для ребенка переработке: вследствие того, что в этом возрасте у ребенка развивается самостоятельность и агрессивность, возникает соответствующая возрасту каин-авелева проблематика, при которой появившийся на свет брат или сестра

принимается как соперник. Если к тому же родители этого не понимают и не облегчают тяжелую ситуацию, то это приводит к возникновению затруднительного для ребенка положения, когда он вынужден заменить враждебные и агрессивные чувства по отношению к братику или сестричке чувством вины, что рано пробуждает навязчивые (насильственные) механизмы.

Единственный ребенок у матери, которая из-за приступов мигрени была особенно капризна и чувствительна, должен был, приходя домой после игры в саду или с улицы, снимать обувь и не вносить сор. Когда он играл в квартире и, желая что-то показать маме, вбегал в ее комнату и сдвигал бахромку на ковре, она мягко, но весомо говорила, что он невнимателен и неаккуратен («аккуратность» было любимым ее словом), доставала гребень, расчесывала бахромку на ковре и предлагала ребенку забраться под стол, чтобы не сорить и не нарушать порядок. Ребенок вынужден был постоянно выслушивать одно и то же: «Не мешай мне, ты же видишь, что у меня болит голова, что я читаю, что у меня нет времени!»

Мы должны заметить, что все обычно начинается значительно раньше, чем об этом свидетельствует описанный выше пример. Приведем заметки из дневника одной матери, относящиеся к первому году жизни ребенка (исключены описания таких мероприятий, которые не вызывают сомнений в их правильности и обоснованности).

«Тебе пошел третий месяц, когда я стала приучать тебя к горшку, чтобы ты как можно скорее стал опрятным. Ты был беспокойным и живым ребенком; если ты при кормлении не успокаивался, я вынуждена была при нуждать тебя к порядку, сдерживать тебя и приучать быть тихим и спокойным. Позже мне было достаточно посмотреть на тебя с укоризной, для того чтобы ты стал послушным. Очень рано я убедилась, что когда я читаю книгу, ты не капризничаешь — это был первый уроки преодоления твоего упрямства. Если ты плакал, когда я;| входила в комнату, я даже несколько раз шлепала тебя^| рев усиливался, но я оставляла тебя одного, пока ты не ^1 изнемогал от плача. Так тебе становилось понятным,|^ что ты можешь сколько угодно злиться на меня, но не^3 выражать свою злость ревом. Ты был любимым ребен^ | ком; позже я не применяла к тебе насилия, и люди ^ удивлялись тому, какой ты послушный ребенок и как достаточно одного лишь взгляда, для того чтобы тобой управлять. Иногда я должна была преодолевать саму себя и быть с тобой строгой и жесткой, но я думала, что все это делается для твоего же блага. Я была строга, потому что любила тебя. Отец в это время был на войне; я одна несла ответственность за тебя; когда он вернулся, то увидел хорошо воспитанного ребенка.»

Всего этого достаточно, чтобы показать, что такие дети с детства приучены тормозить и заглушать свои импульсы, так как их проявление расценивалось как нарушение поведения или помеха для родителей. Такое подавление естественных импульсов становится продолжительным, как бы «второй натурой», и в конечном счете превращается в рефлекторное, автоматическое. Оно затрудняет исполнение каждого импульса, каждого побуждения, задерживая его и вызывая переработку в плане реакции на возможный риск, связанный с выполнением этого побуждения и необходимостью решения вопроса о том, не следует ли его отменить. Это в большинстве случаев приводит к тому, что в связи с задержкой и последующим обдумыванием импульс активности ослабевает и либо становится неосуществимым, либо задерживается в положении двойственности (когда неясно, можно или нельзя его реализовать). Эта двойственность имеет тенденцию к расширению, становится постоянным свойством личностей с навязчивым развитием и является способом аннулировать или затормозить побуждения, которые расцениваются как опасные и рискованные. На основании сказанного становится понятно, что у личностей с навязчивым развитием сомнения, в самых различных вариантах, играют большую роль. Они являются защитой от опасной спонтанности и такой утраты самоконтроля, которая впоследствии может вызвать раскаяние или сожаление. По мере развития обсессивной личности сомнения могут абсолютизироваться, приобретая самодовлеющее значение и представляя собой замену продуктивной деятельности. Все эти сомнения имеют, в конечном счете, одни биографические первопричины: либо я самостоятелен и делаю так, как хочу, либо я должен быть послушным и подавлять свои побуждения. Такие сомнения способствуют возникновению у лиц с навязчивостями характерной для них медлительности, склонности к колебаниям, нерешительности, откладыванию неотложных дел и волоките. Они оказываются в положении буриданова осла, который остается голодным, находясь между двумя мешками с сеном и не зная, какому из них отдать предпочтение, так как испытывают постоянные сомнения между влечением к деятельности и страхом наказания за нее и не могут принять окончательного решения. Таким образом, их решения затрудняются вследствие конфликта между первоначальным стремлением и страхом, вызванным последствиями этого стремления и связанным с системой наказаний и дрессурой. Схематично это можно выразить таким образом: сила и глубина

сомнений и колебаний зависит от соотношения инстинктивных потребностей и страхов за их реализацию в детстве. Медлительность личностей с навязчивым развитием, их двойственность и мучительная нерешительность станут еще более понятными, когда мы усвоим, что у этих людей сохраняется самообладание и спокойствие только при принятии окончательного и категоричного решения, которое является «абсолютно правильным», иначе за ним последует наказание. В связи с этим они растягивают процесс решения проблем, так как принуждены находить единственно правильное их решение; в противном же случае их охватывает страх. Лица с навязчивым развитием личности придают каждому своему действию осмысленность: их свойство во всем сомневаться носит рефлекторный характер и возрастает до такой степени, что каждая мысль этих людей сопровождается противоположной по содержанию. Если импульсы и противоимпульсы быстро сменяют друг друга, может возникнуть ситуация, когда они встречаются (т. е. возникают одновременно). В таких случаях наступает пауза, во время которой сменяющиеся друг друга стремления — «да — нет — да и т. д.» — соматизируются (переходят из сферы психического в сферу телесного) и сопровождаются дрожанием или заиканием, означая состояние «чего-то хочу, но не могу» или «хочу высказаться, но не могу». В конечном счете, оба противоположных импульса возникают одновременно и вызывают тотальную блокаду деятельности и кататоническое застывание, когда человек одновременно говорит и не говорит, закрывает и не закрывает (дверь), т. е. приводят к полному параличу деятельности. Конечной ступенью такого развития является состояние, когда раздражитель и импульс больше не воспринимаются и не поступают в сознание, так как в целях рефлекторной защиты импульс обесценивается при самом его возникновении.

Люди с навязчивым развитием личности уже в раннем детстве понимают, что окружающий мир требует от них поступать лишь определенным образом и что многое из того, что они делали бы охотно, запрещено. Так возникает представление о том, что они должны думать и действовать абсолютно правильно, откуда вытекает их стремление к совершенству. Это стремление возводится в принцип; им подходят лишь такие жизненные условия, когда все происходит в соответствии с их представлениями о долге, потому что, как они не устают повторять, «не может быть того, чего быть не должно». Однако даже у детей, которые растут в хаотичной среде, могут развиваться навязчивые процессы, которые носят реактивный и компенсаторный характер: они не находят в окружающем мире никаких надежных ориентиров, никакой поддержки, свобода их страшит, так как в ней содержится возможность произвола. Они ищут внутренней поддержки и опоры, потому что не могут найти ее вовне. Таким образом, они пытаются распространить вовне развитый внутренний порядок и принципиальность и следят за его соблюдением в целях безопасности. Все это принимает навязчивые формы, так как окружение всегда несет в себе угрозу и требует все больших усилий для поддержания порядка.

- Примеры навязчивых переживаний

Вот образец навязчивых симптомов, представляющих основу уже существующей, но еще незаметной и незначительно выраженной obsессивной личностной структуры.

Молодой человек, воспитанный в духе бургерских принципов, после бала провожал домой соученицу по курсам бальных танцев. Девушка ему очень нравилась, и по дороге у него возникло желание взять ее за руку и поцеловать. Он испугался смелости своей фантазии и одновременно испытал страх перед тем, что она будет считать его неловким и неуклюжим. В результате он стал считать деревья, встречавшиеся на пути, переключившись с опасных импульсов на нечто нейтральное. Такой возникший однократно выход из положения привел к тому, что в ситуациях, когда у него появлялся страх или чувство вины вследствие инстинктивных желаний, возникал навязчивый счет, отвлекавший молодого человека от реализации этих желаний. В трудных для себя ситуациях он уклонялся от принятия решений и активного поведения с помощью навязчивого счета, длящегося на протяжении всего периода искушения. Он не понимал этих взаимосвязей и страдал от бессмысленной и не зависящей от его воли навязчивости, испытывая при этом тягостное чувство.

В данном случае повод, возникновение и функция навязчивого симптома хорошо распознаются: поводом является ситуация искушения, сопровождающаяся страхом. Он не может решить, следует ли ему отказаться от реализации желания или осуществить его, и для того, чтобы уклониться от такого решения, переключается на нейтральную деятельность, которая оберегает его до тех пор, пока не минует опасность. У этого молодого человека имеется более длительная предыстория навязчивых расстройств.

Его мать рано овдовела и сама страдала достаточно выраженными навязчивыми расстройствами. После смерти мужа она старалась сохранить все в квартире таким же, каким оно было при его жизни, хотела, чтобы все повторялось так же, как при его жизни, и даже во время обеда ставила на прежнем месте его столовый при-

бор. Его письменный стол и книги содержались точно в том же порядке, какой был при его жизни. Все это обсновывалось следующим образом: «Когда он вернется, то найдет все таким же, каким оставил». В доме возникла атмосфера музея, где свято чтятся традиции, согласно которым любые, даже единожды выраженные отцом, воззрения и высказывания расценивались как неопровержимая истина. В связи с этим авторитет отца казался сыну непоколебимым и совершенным, однако одно временно это затрудняло его отношения с женщинами: мать внушила ему, что женщины настолько прекрасны и нежны, что мужчины по сравнению с ними выглядят неотесанными мужланами, которые не понимают, как надо общаться с женщинами, и только один отец был среди них исключением: он был рядом с матерью на протяжении многих лет; не будучи назойливым и надоедливым, он был полон внимания и уважения к ней; он «носил ее на руках». Для молодого человека было очевидно, что если он встретит женщину, которая ему понравится, то должен будет соответствовать тому недостижимому идеалу мужа, который создала его мать.

Так как его навязчивый симптом не обеспечивал ему достаточной защиты, он был вынужден прибегнуть к более сильным средствам. Как только у него возникали мысли о сексуальном, в противовес этому немедленно появлялись другие реакции. Иногда в критических для него ситуациях возникало «нарушение сознания» в виде внезапно наступавшего кратковременного абсанса, который всегда был эффективным выходом из критического положения. В других случаях он испытывал внезапно наступавшую усталость. Короче говоря, он использовал различные возможности, которые насильственным образом облегчали невыносимую для него ситуацию соблазна

и помогали избежать конфликта или предотвратить его.

Господин Б. страдал от невроза, наступавшего в конце недели. Как только приходила суббота, он испытывал неопределенный и непонятный страх и угнетенное состояние с безотчетным чувством вины, а недовольство и такие соматические симптомы, как усталость, разбитость, головная боль, доводили его до изнеможения. Подобное самочувствие длилось все воскресенье и с удивительной регулярностью прекращалось после полудня в понедельник.

В результате длительной психотерапевтической работы было получено следующее описание основ его заболевания.

Родители господина Б. составляли исключительно плохую семью. Самым драматичным было то, что в конце почти каждой недели они имели обыкновение напиившись допьяна. При этом они устраивали шумные сцены со скандалами и рукоприкладством, во время которых мальчик и его маленькая сестра испытывали страх и чувство протеста. Они боялись, что вспыльчивый отец во время опьянения, протекавшего с буйством и угрозами, может причинить матери увечье или даже убить ее. К страху присоединялись обида и ненависть к отцу, которые усиливались от того, что пьяный отец компрометировал своего сына, делая ему бестактные замечания, внезапно сменявшиеся сентиментальностью. При этом ребенок испытывал отвращение, но не мог уклониться от отцовских поцелуев. Когда в воскресенье вечером мальчик ложился спать, он слышал, как родители спорили, предъявляли друг другу претензии, угрожали разводом и т. д. Рано утром в понедельник отец уходил на работу, мать отсыпалась после загула, и дети должны были сами готовить себе завтрак перед тем, как идти в школу, не повидав родителей. В школе г-н Б. чувствовал себя еще неважно: его преследовал страх, что, пока он спал, между родителями произошло что-то такое, чего он боялся, и, быть может, мать выполнила свою угрозу и ушла из дома. К тому же он испытывал глубокое чувство вины и горечь из-за того, что происходило в его семье; он не мог, как его сверстники, рассказать о хорошо и весело проведенном уик-энде. Он пытался прекращать такие разговоры с товарищами

или уклонялся от них, чтобы не сделать очевидной свою ущербность. Все это усиливало его вполне понятную ненависть к родителям. Его чувства были тем более сложны и противоречивы, что одновременно с ненавистью он испытывал жалость и сострадание к родителям, чутьем понимая, что они сами несчастливы и страдают. Когда в понедельник после полудня он возвращался домой и находил, что там все спокойно и не произошло никакой катастрофы, он испытывал облегчение и начинал верить, что теперь все будет хорошо. Так продолжалось до конца недели, когда его вновь охватывал страх. До конца недели он оставался беззаботным и радовался, когда у него появлялось свободное время; события, связанные с родителями, не казались уже столь трагичными. Ему казалось, что если он будет послушным, откажется от своих желаний и будет играть роль жертвы, которая является как бы заклинанием от несчастья, то все будет хорошо. С годами, когда реальные основания его детских переживаний прошли, он по-прежнему в конце недели испытывал чувство страха и виновности, а «заклинания» в форме самоотречения использовал как защиту от неприятностей и угроз, которые могут возникнуть в любое время. Он по-прежнему радовался, когда заканчивался уик-энд и он снова приступал к работе, и по-прежнему не знал, как использовать свободное время и куда себя деть в субботу и воскресенье. В детстве у мальчика нередко появлялось желание выплеснуть в лицо отцу свою горечь и свою ненависть, но тотчас же возникал противоположный, тормозящий импульс, связанный

со страхом перед тем, что от такой его реакции положение может осложниться. И как же мог ребенок разрешить этот конфликт? Ему представлялось, что отец после этого избьет его до смерти, ситуация в доме ухудшится, мать будет страдать еще больше, а гнев отца станет неуправляем. Все эти сложные проблемы послужили основой для формирования невроза, который сам по себе явился защитой от опасного для мальчика поведения и имел функцию магического заклинания, т. е. раскаяния, жертвенности и самонаказания. Аффекты страдания, ненависти, горечь разочарования, страстное желание дать реакцию протеста у этого ребенка не могли быть выражены, и их подавление явилось базисом для последующего развития навязчивой симптоматики.

В качестве среды, оказывающей влияние на навязчивое развитие детей, служит личность родителей, их социальная роль, соответствующие требования престижа — например, военная специальность отца, работа учителем или священником и другие подобные профессии, которые сопровождаются внешними атрибутами престижа и требуют для своего воплощения квазинавязчивого поведения. Так, для военных, особенно со старыми прусскими традициями, этими атрибутами являются самообладание, соответствующая амуниция, подтянутость и так называемая «мужская профессиональная идеология» («осанка и высокий жесткий воротник поддерживают честь офицера»).

Офицер высокого ранга имел двоих сыновей. Он строил относительно них честолюбивые планы, и их будущность должна была соответствовать его ожиданиям. Воспитание сыновей происходило в прусском духе: любые выражения чувств, особенно слезы, пресекались («немецкий юноша не плачет»). В доме все должно было идти как по маслу; семья должна была функционировать, как хорошо выдрессированные рекруты в казарме. Сыновья должны были идти спать строевым шагом; хотя между братьями была разница всего лишь в один год, младший должен был подчиняться старшему так, как будто тот имел более высокое воинское звание. Младший из братьев, музыкальный и развитый мальчик, казался отцу слишком мягким и вообще был «непутевым парнем», поскольку, как узнал отец, у него была слишком выражена потребность в нежности и тепле, и он плакал, когда при выполнении отцовских методов закаливания зимой у него синели от мороза пальцы, ведь «носить рукавицы — это не по-мужски». «Закали-

вание» касалось всех возможных областей и потребовало бы особого описания. Отец хотел направить сына в известную школу для воспитания лидеров, в которой учились отпрыски национал-социалистов. Хотя сын и возражал против этого, его мнения, естественно, никто не спрашивал — отец лучше знает, что хорошо, а что плохо. Между 15 и 16 годами мальчик поступил в такую школу, где преобладала армейская муштра, и был несчастлив, поскольку стал в ней далеко не лучшим учеником. Вскоре он оказался на сборах, где подвергся разносу из-за того, что во время рапорта заикался. Заикание в условиях сборов резко усилилось. В школе из-за этого он предпочитал отвечать на вопросы в письменном виде. Он сообщал отцу о своих симптомах и о том, какие трудности испытывал, но не получал отклика на свои обращения. Его симптомы были единственным выходом из ситуации, способным воздействовать на непреклонность отца; какой-либо сознательный протест был невыносим еще и потому, что привел бы к более строгим мерам, и потому из соображений безопасности он не проявлялся. Юноша подсознательно использовал симптом как средство достижения желаемого — избавления от школы без переживания своей вины и без открытого противодействия отцу; одновременно

симптом доставлял ему удовлетворение как средство отпущения. Кроме того, страдания и помехи в общении, которые причиняло ему заикание, служили подсознательным наказанием за избавление от дрессуры и выполнения отцовской воли. Очевидно, для психического здоровья ребенка необходимо определенное ограничение родительской авторитарности, так как безусловное подчинение опасно тем, что ребенок воспитывается без необходимых для его развития вопросов «зачем?» и «почему?».

Крайне опасными являются такие формы «воспитания», которые, будучи примененными в массовом масштабе, рожают слепое подчинение приказу. Авторитарное воспитание, вызывая скептическое к себе отношение и протест, приводит к низвержению авторитетов и экстремальным формам произвола, который представляет не меньшую для свободы опасность, чем авторитарность. В тяжелых случаях упрямство и стремление все делать наперекор пронизывают всю жизнь личностей с навязчивым развитием. В таких случаях в качестве реакции на действительное или воображаемое насилие отрицается или отсекается любой порядок как форма принуждения. Это люди с тяжелым характером, самочувствие которых тесно связано с их самолюбием и потребностью самоутверждения и которые принципиально все отвергают и всему противостоят, таким невротическим способом наверстывая то, чего не могли добиться в детстве. В семьях, где воспитываются такие молодые люди, как тот, о котором мы упоминали выше, они играют роль человека, воплощающего надежды и ожидания родителей; этих детей принуждают быть образцовыми. Их поведение должно соответствовать ожиданиям окружающих; детей заставляют быть эталоном и постоянно доказывать это хорошим воспитанием и поведением — тем, что они, в отличие от других детей, не позорят своих родителей, не заставляют их краснеть. Это очень затрудняет действия учителей, так как для таких детей, главной школой является отцовское воспитание. Ребенок из такой среды является отражением личности своего отца или высокопоставленного члена своей семьи и всегда боится своим ответом или отказом от ответа их опозорить. Основой навязчивого развития личности является то обстоятельство, что у этих детей не хватает сил для бунта и ниспровержения навязанного им порядка и они становятся объектом слишком навязчивой опеки родителей и воспитателей. Родители не догадываются о том, как это

вредно, капризы ребенка служат для них лишь доказательством его «плохого характера», тогда как для окружающих, особенно в деревнях и маленьких городках, где все знают друг друга, капризы ребенка являются причиной злорадства и морального осуждения родителей. Человек, который во имя социального или иного престижа жертвует интересами ребенка, свое тщеславие и честолюбие ценит выше, чем благо ребенка; большинство родителей относится именно к такому типу. К сказанному следует добавить еще одну характерную особенность людей с навязчивым развитием: чтобы гарантировать собственное спокойствие и безопасность, они становятся зависимыми от очевидных мнений, от того, «что говорят люди», не вникая в то, что именно они говорят и делают, т. е. выступают в роли соглашателей. Вновь проявляя свое воспитание, в соответствии с которым нужно делать то, что приказывают, и не рассуждать, они при воспитании своих детей не дают им необходимых разумных пояснений и ответов на их вопросы «зачем?» и «почему?». Между тем, когда от детей требуют выполнения «заветов и запретов» без понятного для них обоснования, они далеко не всегда готовы их исполнять. При современном преобладании патриархата обычно родители «всегда правы» и их авторитет не может вызывать сомнений. Согласно

мифу о райской жизни, первой паре без какого-либо объяснения быю запрещено срывать плоды с дерева познания добра и зла, и потому так естественно, что человек из любопытства совершил грехопадение. Может быть, приводимый ниже в сокращенном виде пример даст возможность понять, сколь сложными и комплексными являются биографические основы навязчивого развития. Каждая жизнь имеет чрезвычайно многослойные и многообразные биографические корни, которые может представить себе и охватить во всей их сложности только поэт, которому дан дар передать целостное впечатление о человеке.

Тяжело больная навязчивостями в возрасте около 30 лет тратила на одевание и раздевание около полутора часов, а на купание — два часа. Когда она пришла на лечение, мытье занимало у нее шесть часов в сутки. Сексуальные отношения с мужем были прекращены. Дети не должны были к ней прикасаться, она целый день лежала в постели и только в полном покое и одиномчестве не испытывала страха перед прикосновением, которое может быть причиной загрязнения, и перед беременностью. Все это, подобно метастазам, привело к развитию навязчивого страха прикосновения, который в дальнейшем даже привел ее к предположению о том, что загрязнение может произойти от одного лишь взгляда на дверную ручку, к которой прикасалось множество людей. Как мифический царь Мидас, который все, к чему бы ни прикасался, превращал в золото, так все, до чего бы она ни дотрагивалась, делало ее «нечистой». На предварительном собеседовании она сидела с закутанными ногами, крепко обхватив руками колени, так что к концу беседы ее конечности настолько застыли, что она с трудом их разжала. Когда она вошла в комнату для проведения психотерапии, то в течение минуты шепотом повторяла: «Я не запачкаюсь», — и лишь потом смогла обратиться ко мне. В качестве противопоставления прикосновению, которое вызывало у нее панический страх, кроме мытья, она использовала также проговаривание определенных предложений как магических заклинаний. Эта женщина, которая находилась на грани психоза, происходила из пуританской семьи, проживавшей в маленьком городке одного из южных штатов США. Мать была строга и предъявляла чрезмерные требова-

ния в отношении соблюдения моральных правил; отец был мягким, часто болел, боялся жизненных трудностей и просто жизни. На свадьбе дочери он почувствовал себя так плохо, что вынужден был лечь в постель и не принимал участия в праздничной церемонии. Пациентка была воспитана внимательной и чуткой по отношению к родителям, разделяла все их заботы; родители гордились тем, что в их маленьком городке все обращали внимание на то, что пациентка и ее младший брат были крепко привязаны друг к другу. Она должна была служить примером во всех отношениях. Курение, употребление спиртного, танцы, игра в карты были запрещены ей до замужества (т. е. до 30 лет). Она ходила в воскресную школу, где строго соблюдалось правило, чтобы учащиеся противоположного пола сидели на разных скамьях. Родители нашей пациентки были «такие добрые», она не получила от них «ни одного шлепка», не слышала ни одного грубого слова — как она однажды очень метко заметила, «мы убили бы друг друга с добротой». С девяти месяцев она стала полностью чистоплотной. Когда ей было 14 лет, мужчина, сидевший рядом с нею в кино, положил руку ей на колено. С ней это произошло впервые, она выбежала из кинозала, но, тем не менее, испытывала чувство вины, хотя никому об этом не рассказала. Когда ей было 16 лет, у одного молодого человека в автомобиле во время петтинга произошло семяизвержение на ее руки, и с этого времени у нее возникло навязчивое стремление мыться, которое

становилось все более частым и императивным, хотя вначале это выглядело как обычная процедура очищения. Она испытывала непонятное чувство вины и иррациональный страх перед возможностью забеременеть, впоследствии развившийся в навязчивое представление о беременности, сопровождавшееся периодически возникавшей рвотой. Она никому об этом не говорила — ведь как были бы удивлены и расстроены родители, если бы они узнали о том, что произошло. Во время лечения выяснилось, что ее младший брат, на три года моложе ее, был любимчиком матери. Его считали в семье выдающимся и даже гениальным, что было для нее недостижимо. Свои способности она оценивала как едва достигающие среднего уровня; все, чего она добилась, давалось ей ценой больших усилий. При таком положении ни озлобление или любая другая форма протеста против брата были невозможны; она подавляла свою ревность, свою зависть и свою ненависть к любимому брату, предпочитая вместе с родителями идеализировать его. Ее страх перед прикосновением принуждал ее и дома, и в клинике притворять двери локтем. В клинике она постоянно думала о необходимости проверить, закрыты ли двери, хотя из вежливости не решалась об этом сказать. Она не искала помощи извне, и ее навязчивые симптомы усиливались все больше и больше. Между прочим, во время лечения мы обнаружили, что первые признаки навязчивой симптоматики появились у нее в 7—8-летнем возрасте: она не могла идти в школу, пока ее гольфы не достигали определенного уровня на обеих ногах, — это был никем не понятый сигнал тревоги. Ухудшение наступало в тех далеко не редких случаях, когда ее симптомы подвергались осмеянию или ее из-за них наказывали — тогда она вынуждена была развивать тайные методы защиты. При расспросах обо всем этом нам нужно было проявлять максимальную тактичность, поскольку одно лишь упоминание о ее симптомах и проблемах служило для нее сигналом для того, чтобы потребовать от окружающих оставить ее в покое. Когда я однажды во время психотерапевтической беседы заметил, что она несколько идеализирует свою семью, и что если бы не ее «святое окружение», то у нее не развились бы многие из симптомов, и что я считаю вредным для нее замалчивание и утаивание своих аффектов и агрессивных реакций, так как такое подавление оборачивается против нее самой, она взглянула на меня с ненавистью и поклялась, что может сказать о родителях только хорошее. Однако это вступало в противоречие с запомнившимся ей и воспроизведенным сновидением: она увидела гроб матери с датой на нем, которую «забыла» (мать была в то время жива). Родители до сих пор не знают о ее болезни: «Если я напишу им о том, что имела добрачную связь, они бу-

дут так оскорблены, что я этого не переживу; лучше уж мне оставаться больной». Она не могла раньше обратиться ни к одному врачу, потому что должна была бы ему рассказать о своей сексуальности и о своей добрачной связи. В связи с этим она считала, что должна продолжать жить со своими навязчивостями. Вызвавшая реакцию ситуация в ее супружестве, которая привела к утяжелению навязчивой симптоматики, была связана с тем, что ее муж, активный и жизнерадостный человек, предъявлял к ней повышенные сексуальные требования; для нее же сексуальная связь была допустима лишь с единственной целью — деторождения.

- **Дополнительные соображения**

В определенном смысле можно сказать, что привычка — это вторая натура личностей с навязчивым развитием. Церемониальный ряд, связанный со вставанием, умыванием, одеванием и другими «любимыми привычками», не только доставляет определенное удовлетворение, облегчая нам жизнь, но и помогает нам в

затруднительных ситуациях. Однако эти привычки отнюдь не воспринимаются как нечто мучительное и насильственное: они служат целям экономии сил и времени и могут быть изменены нами в тех случаях, когда не выполняют нужных нам задач. Церемониал также имеет большое значение во многих областях социальной, общественной и религиозной жизни. В равной степени он необходим для обустройства нашего существования, внося в него порядок и гармоничность, регулируя наше поведение. Лишь тогда, когда эти привычки и церемонии выступают в необычных формах и приобретают бессмысленный характер, мы можем говорить о навязчивых или насильственных явлениях.

Мы убедились в том, что жесткие воспитательные методы, авторитарное и излишне принципиальное поведение родителей являются факторами, способствующими началу навязчивого развития, особенно если эти методы применяются в раннем детстве. При нужде в раннем возрасте к отказу от всех нежелательных (для воспитателей, родителей) форм поведения открывает дорогу категоричности, нетерпимости, появлению и усилению диктаторских и догматических черт характера. Такая категоричность и абсолютизация привычных суждений показательна для навязчивых личностей и приводит их к отстранению от действительности и враждебным установкам в отношении окружения. Им нравится все, что предписано им свыше. Однако для того, чтобы жить по необходимости и под давлением, необходимо первоначально обуздать собственную активность — и они вынуждены прилагать усилия для принуждения самих себя. В подобных случаях постоянный бдительный контроль за «хаосом» и утверждение этого контроля путем соблюдения определенных правил дает гарантию того, что не произойдет то, чего произойти не должно. Все такого рода жесткие отграничения от «нормы» таят в себе определенную опасность, и в случае если картина происходящего искажена и мы узнаем о том, что на самом деле нарушений порядка нет, жесткий контроль должен быть прекращен. Некоторые варианты поведения навязчивых личностей кажутся нам понародам — их повышенное беспокойство и чувствительность вместе со склонностью реагировать на мелочи связаны с тем, что такая «мелочь» есть «начало конца» в том смысле, что даже маленькое нарушение привычной последовательности регулярных действий, кратковременное отклонение внимания от их

нужд может привести к прорыву длительно подавляемых эмоций, как последняя снежинка может вызвать неудержимый прорыв снежной лавины в горах. У геологов есть парадоксальная притча, которая может иметь всеобщее значение: при освобождении от окаменелостей в окружающей скалистой породе делаются выемки и дается совет нанести по одной из них «последний удар». Навязчивым личностям все дается с трудом, так как их стремление к совершенству и категоричность требуют от них исключительной точности. Такой подход применим для тех областей и профессий, где точность и прочность особенно необходимы, но он же делает людей ограниченными и уязвимыми в области всего живого и жизнеспособного, даже если речь идет не только о деятельности, но и о мышлении. Только душа с навязчивыми расстройствами может со всей серьезностью размышлять о том, сколько ангелов может поместиться на острие иглы; навязчивые мысли бесплодны и лишь тормозят и ограничивают творческие силы. Необходимость принимать меры предосторожности против возможных ошибок и заблуждений может приобретать сверхценные формы и приводить к тому, что коррективы и улучшения будут бесконечными, поскольку идеальное совершенство недостижимо. У личностей с навязчивым развитием всегда существует опасность

довести до абсурда имеющиеся у них правильные познания и воззрения, превращая все действительное в мертвую схему. При этом, как следует из дальнейшего изложения, при столкновении их установок и сложившихся суждений с более жизненными и практичными установками навязчивые личности стремятся оказать сопротивление, исходя из идеи абсолютной чистоты и совершенства. Навязчивое «*Guod dixi, dix*» — «Что сказано, то сказано», «*Was ich gesagt habe, habe ich ein für alle Male*» — «То, что я сказал, сказано раз и навсегда» — не оставляет места для свободного и живого развития. Для навязчивых установок хорошо подходит характерное высказывание, связанное с экспериментально-психологическими исследованиями: «хотя мы не знаем точно, что мы измеряем, но то, что мы измеряем, мы измеряем точно». В повседневной жизни повторная проверка того, закрыт ли газовый кран, заперта ли после выхода из квартиры дверь, отнимает у лиц с навязчивостями много времени и ограничивает их жизненные возможности. Они переживают эти состояния как чуждые, навязанные им, вследствие чего они не могут поступать иначе. Их попытки не выполнить такие навязчивые желания или прервать навязчивые мысли и действия вызывают у них чувство беспокойства и страх. Попытка посторонних и их самих рационализировать навязчивости, обосновать их воспринимаются ими с нежеланием, как нечто неестественное, и они не хотят с этим соглашаться. Тот факт, что при посещении туалета вне дома он видит не убранный сиденья туалетную бумагу и при этом по какой-либо причине не может прикрыть локтем дверь и вынужден прикоснуться к ручке ладонью, рискуя заразиться инфекционным заболеванием, чрезмерно преувеличивается лицами с навязчивым развитием, вызывает у них страх заражения. Они представляют себе, что все вокруг заражено бактериями, и потому еще более ограничивают свое жизненное пространство. Возможность помощи состоит в том, чтобы личность с навязчивым развитием могла осознать сущность и биографические основы имеющихся у нее навязчивостей и тем самым осознать и интегрировать

искаженные и подавленные жизненные побуждения. Чаще всего речь идет об агрессивных, аффективных и сексуальных побуждениях. Я уже упоминал о том, что подавление инстинктов, запруда на пути инстинктивных стремлений отражается в сознании непрямым путем, приобретая при этом искаженные формы. Это помогает нам понять людей, посвятивших себя фанатической борьбе. Фанатики борьбы за целомудрие питают свое вдохновение в сексуальном, и борьба за целомудрие есть лишь продолжение «грязной сексуальности». Вообще, «моральные мотивы», которые так свойственны лицам с навязчивым развитием, есть проявление не столько борьбы за добро, сколько борьбы против зла. Пациент с навязчивой личностной структурой подобен человеку, сидящему часами перед бассейном с водой и не решающемуся преодолеть страх и прыгнуть в воду. Понятно, что защита от изменчивости бытия при навязчивом развитии личности распространяется на отношение ко времени и деньгам. Именно в этом мы ощущаем изменчивость и возможность ей противостоять, иллюзию постоянства, безопасности и силы, ибо то, как мы проводим наше время и тратим наши деньги, зависит лишь от нашей воли. В своем романе «Барышня» Иво Андрич изобразил навязчивую личность во всей ее трагической безвыходности. Об отрицании изменчивости и самой смерти свидетельствует древний американский обычай захоронения, при котором покойника в его последний путь сопровождают все необходимые для него вещи, как будто он ими еще будет пользоваться. Сюда же относятся все чаще повторяющиеся попытки откупиться от смерти с помощью денег, например, применив научные достижения, заморозить себя, чтобы потом, оттаяв через продолжительное

время, ожить и излечиться от ранее неизлечимой болезни. Однако бессмертен лишь тот факт, что мы ничего не знаем о смерти, и одним из отличительных качеств человечества является осознание его связи со смертью. Попытаемся снова определить характер поведения и значение личностей с навязчивым развитием в различных областях жизни. В религии они склонны к ортодоксальности и догматизму, а также, соответственно, к нетерпимости к другим верованиям. В представлениях о Боге у них доминирует аспект строгого и мстительного Бога-отца, обладающего, прежде всего, качествами патриарха, требующего безусловного послушания и веры. Вместе с тем, они нередко суеверны и придерживаются магических представлений. Они чувствительны к ритуалам и церемониалам, соблюдение которых должно быть важным и существенным доказательством истинной веры. Идея продажности Абсолюта в форме индульгенций могла зародиться лишь в мозгу навязчивой личности. Молитвенники и четки, помогающие концентрировать внимание и вспоминать, становятся как бы шаблоном, предписанием, требующим безусловного исполнения. В своем рассказе «Скоморох Памфалон» Николай Лесков изобразил такую навязчивую набожность, противопоставленную простодушной и искренней вере простых людей. Вообще, лица с навязчивым развитием придерживаются установленных институций, правил и принципов, выполняя их механически и бездумно; по большей части это означает бессознательную защиту от страха. Они нетерпимы ко всему, что расшатывает устои, поскольку это угрожает сложившейся системе защиты от страха. Однако именно в абсолютизации их

веры таится опасность подвергнуться испытанию сомнением, поэтому вопросы и колебания недопустимы для них. В трудной борьбе за веру они прилагают усилия для подавления и опровержения сомнений. Когда все вытесненное ими преодолевает пресс подавления, это проявляется в форме насильственных богохульных мыслей. Церковь в интересах власти злоупотребляет религией, поддерживая в верующих страх и чувство вины, что при навязчивой предрасположенности приводит к множеству так называемых духов-Нбих неврозов. Сегодня духовное освобождение становится надежной защитой от такой патогенной опеки. У навязчивых личностей раньше, чем у других, возникают конфликты и кризисы, когда принципы, мнения и теории, которых они упрямо придерживаются, вступают в противоречие с новыми знаниями и открытиями, угрожающими их привычной ориентации. Они отвергают их, когда им кажется, что новое несет угрозу их жизни и имуществу. Как родители навязчивые личности требовательны, настойчивы и ответственны. Они добиваются уважения к себе и дают детям поддержку и направление. В связи с соответствующей структурой личности такое поведение носит упрямый и абсолютистский характер: «Пока я жив, ничто не изменится», «Когда мы были детьми, мы ничего не требовали от родителей», «Что бы ни происходило, все это должно остаться между нами» — вот типичные примеры такого поведения и таких отношений. Они не принимают во внимание возраст и личностные особенности ребенка, оставляют ему мало жизненного пространства для игр и фантазий, исходя при этом из своих негибких представлений и нескольких абсолютизируемых положений, например «единожды солгав, кто тебе поверит» и «пора уже кончать». Они используют такой тип взаимоотношений с детьми, при котором однажды сказанное «нет» остается таковым без всяких возражений и без всякого обоснования. Они требуют от детей слепого послушания, создавая для них атмосферу гипер-опеки. Они вызывают у ребенка ощущение, что допущенные им ошибки исправимы лишь с большим трудом; даже маленькие проступки оцениваются как преступление и влекут за собой

страх виновности и наказания. В таких условиях ребенок боится говорить правду, так как его вина искусственно усиливается, а примирение и прощение затягиваются и становятся тягостными. Они держат ребенка в определенных границах, в постоянном страхе перед тем, что любое отступление от установленных ими правил грозит опасностью. Они мало доверяют естественному развитию ребенка, потому что сами развивались в обстановке принуждения. Соответствующие возрасту попытки проявления активности ребенка они расценивают как опасные и вредные черты его характера. Своей чрезмерной требовательностью они очень рано добииваются от ребенка абсолютного подчинения, т. е. бессмысленной пунктуальности и педантичного соблюдения порядка: «Пока все не съешь, не встанешь из-за стола». Дети-представляют для них нечто безликое, не имеющее собственных желаний — они просто должны вести себя тихо и знать свое место. Свойственное детям упрямство они расценивают как бунт, который должен быть своевременно подавлен. Их жесткое требование, чтобы «все было таким же, как и прежде», лишает детей самостоятельности и уверенности в себе, приводит к снижению их самооценки; любовь родителей к ребенку ставится в зависимость от того, как он выполняет их требования. Это

может стать причиной появления таких черт характера, как карьеризм или привычка отказываться во всем из-за страха перед ответственностью. Такое воспитание глушит экспансивность, агрессивность и, прежде всего, сексуальные побуждения детей. Когда же вследствие своей живости и двигательной активности по неосторожности могут что-то сбросить, разбить и т. д., их активность постоянно подавляется, даже если пока ничего не произошло или возможный ущерб только предполагается. Это может привести к неуверенности во владении собственным телом вплоть до неуклюжести и неловкости, с которыми мы часто встречаемся. Одновременно такое воспитание подавляет ростки возможных конструктивных и художественных способностей ребенка. Эти родители, в лучшем случае, выращивают привитое дерево, вместо того чтобы дать ему свободно развиваться; такая дрессура, заменяющая воспитание, превращает детей в марионеток. Личности с навязчивым развитием часто наказывают своих детей, что может быть отражением их садистических наклонностей. Жестокость наказаний и насилие, применяемые для воспитания послушания, не только вызывают у детей представление о силе родителей, но и постоянно унижают их. Физические наказания и приказ «стань в угол!» до начала нынешнего столетия оставались наиболее часто применяемыми формами наказания в школе и семье. Даже требование дать обещание в форме «я больше не буду» является приемом, унижающим детское достоинство и, вместе с тем, по существу невыполнимо. Будучи сами ограниченными и связанными навязчивостями, эти родители с трудом осознают, что детям необходима свобода, которой они сами лишены, и дают им лишь традиции и обычаи, из которых

они сами произросли и которые им самим причиняют страдание. Родители с навязчивым развитием вступают в конфликтные отношения с молодым поколением, так как с трудом усваивают те новые закономерности и обычаи, которых оно придерживается. Они остаются приверженцами прежних «надежных» методов воспитания и не понимают того, что земля вращается, мир изменчив и молодежь растет и развивается вместе с изменением мира. Этим объясняются все чаще возникающие острые споры между старыми и молодыми, в которых первые выказывают свою силу и превосходство, не воспринимая собственных ошибок и не прощая их другой стороне. Для утверждения своего абсолютного авторитета личности с навязчивостями внушают юношеству мысль о собственной непогрешимости. Сновидения личностей с навязчивым развитием отличаются бедностью содержания и бесцветностью. Вообще, сновидения у них возникают редко или плохо запоминаются, так как они не склонны искать и находить пути к глубинным, подсознательным уровням своей психики. Они не доверяют снам, расценивая их скорее как нечто случайное, как накипь, и не принимая их всерьез. В их сновидениях используются механистические изображения происходящих событий, являющиеся выражением их отстраненности от живого и естественного; достаточно часто встречается неприятная и анальная тематика, указывающая на происхождение их навязчивостей во взаимосвязи с воспитанием навыков опрятности в раннем детском возрасте. Заторможенная агрессия проявляется в их сновидениях в виде картин прорыва и разрушения (извержение вулкана, землетрясение, прорыв плотины и др.). Так же часто такого рода тематика связана с

изображением во сне борьбы импульса и противоимпульса, а также тщетности деятельности, приводящей к изменению существующего положения. Люди с навязчивой личностной структурой, как мы уже упоминали, склонны избирать такие профессии, которые связаны с использованием или применением силы. Структурно специфичны для них профессии, в которых сочетаются точность, тщательность, твердость, солидность, добросовестность, ответственность и ясность, которые требуют больше выдержки, основательности и терпения, нежели инициативы, гибкости и творческой свободы. Они проявляют выдающуюся компетентность в своей профессии, будучи надежными и уравновешенными при применении этих качеств. С учетом степени их навязчивых расстройств, они склонны к такой деятельности (и достигают в ней успехов), где четкие предписания и инструкции заменяют и отменяют их собственные решения; импровизация им не свойственна. Навязчивые личности охотно пополняют ряды людей, исполненных чувства долга, ответственных и педантичных чиновников, мастеров, чья работа требует особой точности, искусных исследователей, юристов, хирургов, финансовых чиновников и банкиров, педагогов и священников, классификаторов и систематизаторов во многих областях знаний. Граница между позитивными и негативными качествами этих личностей очень узка и хрупка. Справедливый судья не только осознает свою ответственность и учитывает объективные обстоятельства дела, не только принимает во внимание при вынесении своего суждения отвлеченные параграфы законов, дающие ему силу и власть, но и учитывает в своей деятельности мотивы и психологические основы и способен к принятию адекватных

решений, вынесенных в результате колебаний и со мнений. Образцовый священник может быть не толь ко справедливым пастырем своей общины, но и не умолимый моралистом, который угрожает прихожа нам адскими муками, пробуждая в них страх и чувство вины и используя при этом садистическую силу. Личности с навязчивым развитием проявляют интерес ко всему историческому. При этом в истории искусства, медицины, философии их интересует толь ко то, что уже прошло, что имеет непреходящий, вневременный характер. Археология, история древних времен и близкие к ним области представляют для них особый интерес: среди филологов они изучают древние языки, среди историков это специалисты по доисторическим временам. Политика особенно прельщает навязчивых лично стей в связи с ее силовыми аспектами; в ней прояв ляется переживание жажды власти в тех ее формах, которые свойственны данному человеческому обще ству. Вообще склонные к консерватизму, они поддер живают те партии или тот режим, которые уже име ются и которым они верны, исходя из установки, что старое уже известно и апробировано. Всякие экспери менты и экспериментирование отвергаются ими как чуждое по существу. Первоначально психодинамичес ки объяснимые навязчивые расстройства с возрастом настолько усиливаются, что задевают глубокие жиз ненные инстинкты человека и направляется на удержание текущего времени. Как уже было описано выше, поведение лиц с навязчивыми расстройствами может принимать достаточно уродливые формы: они хотят продемонстрировать свою силу и свою позицию любой ценой; они не уступают своего места, даже если их возраст не позволяет занимать такое положение;

они с неприязнью, вплоть до ненависти, относятся ко всему новому и молодому. Старость особенно тяжела для них, так как они вынуждены прекратить работу и должны учиться быть не у дел. Они привыкли быть незаменимыми, ослабление сил и возможностей легко вызывает у них ипохондрические расстройства, исполненное страха самонаблюдение, а также увлечение различными, иногда фанатическими системами укрепления здоровья. Так как у них не хватает сил исполнять свои привычные обязанности, с возрастом им не остается ничего кроме чувства долга и воспоминаний об утраченном. При тяжелых навязчивых расстройствах упрямая борьба с болезнью усиливает их мучения, а их агония продолжительна и жестока. Иногда эти люди именно в старости достигают патриархального величия и как бы символизируют собой истину. Только смерть является для них тем необходимым изменением реальности, против которого нет смысла возражать; все остальное должно склоняться перед ними и принимать как неизменную реальность их положение и достоинство. Они содержат в порядке свои дела, заблаговременно составляя завещание. Некоторые из них пытаются в завещательном распоряжении еще раз использовать и подтвердить свою силу. В других случаях, когда личности с навязчивым развитием не достигли такого положения, как упомянутые выше патриархи, они стремятся придать каждому периоду своей жизни особую значимость и фундаментальность, тем самым подавляя и преодолевая возникающие у них страхи и отвергая все, что напоминает им об изменчивости происходящего и неизбежности смерти.

При попытке снова обрисовать линию перехода от здоровых личностей с определенными признаками навязчивой структуры к тяжелым навязчивостям и собственно болезни навязчивостей намечаются две возможности: от личностей с предрасположенностью, obsessивной личностной структурой идет линия до деловых, преисполненных чувства долга, надежных людей, преувеличенно трезвых и рассудительных, с честолюбивыми тенденциями, затем до неисправи мых упрямец и

кверулянтов, тиранов, деспотов и автократов и — далее — до больных с навязчивыми расстройствами различной степени. Эта линия заканчивается клинической картиной болезни с психотической кататонией. Для навязчивых личностей с легкими витальными расстройствами характерны приспособительные механизмы, связанные с необходимостью оградить их от страха перед жизнью: скептики и излишне медлительные, педанты и придирчивые брюзги, подхалимы и «фанатики здоровья» — аскетические ипохондрики — составляют эту линию личностей, в конце которой стоят больные с навязчивостями в узком смысле этого понятия. Здоровые люди с навязчивыми элементами в личностной структуре отличаются стабильностью, инертностью, терпеливостью и обязательностью. Они стабильны, целеустремленны, склонны к планированию своих действий; при ориентировании на выполнение долга и достижение текущих целей они интересуются большим, чем могут достичь и уже достигли, часто не удовлетворяясь существующим положением. Со своей последовательностью, прилежностью, упорством, ответственностью и выдающимся чувством реальности эти личности могут многого достичь. Твердость, корректность, надежность, устойчивость и аккуратность относятся к их нравственным добродетелям. Они сдержаны в своих чувствах и склонны затягивать непривычные для них решения, с трудом отказываясь от запланированного. Их убеждения всегда серьезны, в своих мнениях и высказываниях они стараются быть добросовестными и объективными. В своей книге «Филипп II» Рейнгольд Шнайдер изображает крупную, значительную личность с соответствующей навязчивой характерологической структурой. Негативные стороны этих людей могут быть связаны с их потребностью в целях собственной безопасности и предотвращения страха затягивать решения, а также некоторой односторонностью. Эти качества могут быть причиной определенной психологической фиксации. Интегрируя противоположные импульсы, связанные с изменчивостью жизни, они испытывают сомнение в том, следует ли на них реагировать или, в целях собственной безопасности, лучше остаться в прошедшем времени, воспринимая настоящее как недостойное внимания. Они больше хотят учиться и познавать, нежели отдавать и действовать. В рамках сохранения целостности они выполняют очень важную роль поддержания и отстаивания традиций. В некотором смысле они — «защитники общества», особенно тогда, когда реализация их властных намерений и потребность в безопасности не являются сдерживающим фактором развития живительных и прогрессивных сил.

4

Истериические личности

И в каждом начале живет

волшебство...

Гессе

Очарование нового, неизведанного, манящего давно известно; радость риска в такой же степени присуща нашему существованию, как жажда вечности и потребность в безопасности. Авантюризм живет в нас, далекие страны привлекают; нам в равной степени свойственны тоска по дому и тяга к путешествиям, страстное желание интимных впечатлений и переживаний, которые ломают рамки привычных представлений, обогащает нас, новые стороны бытия привлекают и манят. Мы ищем встреч с новыми людьми, мы торопимся использовать и исчерпать все возможности нашей жизни, расширить, обогатить и осмыслить новые встречи.

В связи со сказанным переходим к описанию четвертой и последней основной

формы страха — страха перед окончательностью, перед необходимостью и ограниченностью нашего стремления к свободе. Если личность с навязчивым развитием боится изменений, свободы и риска, то, приступая к описанию личностей с истерической структурой, мы отмечаем у них нечто совершенно противоположное. Они явно стремятся к переменам и свободе, жаждут всего нового и рискованного, перед ними открыты шансы и возможности будущего. Они боятся всяких ограничений, традиций, закономерностей и порядка, которые так значимы для лиц с навязчивым развитием. Вспомним поговорки и пословицы, отражающие сущность этих людей: они живут по принципу «einmal ist keinmal» — «один раз не в счет», что означает отказ от привязанностей и обязанностей, от каких-либо претензий на неизменность действительности, на вечность. Прошлое уже прошло и больше их не интересует. Оно имеет для них относительный интерес и несравнимо с красочным и живым настоящим; главным и важным для них является «сейчас», мгновение. Латинская поговорка «сагре diem» или ее немецкий эквивалент «nutze die Gelegenheit» — «пользуйся случаем», быть может, больше всего для них подходит. Прошлое прошло и не интересует их более; будущее есть поле для возможного, однако они, по существу, ничего не планируют, так как это было бы связано с традициями и установками. Для них важно лишь то, что для них открыто и им является; они всегда готовы освободиться от данности, от сложившихся обстоятельств. Рассмотрим снова, в рамках приведенных во введении аллегорий, ситуацию, при которой центроостре-

мительные силы взаимосвязи и концентрации ослабляются и высвобождаются и когда преобладают противоположные, центробежные силы, являющиеся источником устремленности к новому центру внимания. Это означает, что они живут от мгновения к мгновению, без четких планов и целей, в ожидании нового, в жажде новых раздражителей, впечатлений и авантур, находясь во власти соблазна господствующих в данный момент впечатлений и желаний, исходящих как от внешних, так и от внутренних источников. Прежде всего, они нуждаются в чувстве свободы, в связи с чем испытывают страх перед порядком, установленными законом положениями, которые они связывают с невозможностью уклониться от обязанностей и установок. Действующие повсеместно и связанные с соблюдением порядка положения они воспринимают, как правило, в аспекте ограничения свободы и по возможности уклоняются от их выполнения. Их стремление к свободе это, по преимуществу, стремление к свободе от чего-то, а не для чего-то. Что же происходит, если действующие правила игры в межлических отношениях и естественный и необходимый для жизни порядок не воспринимаются? В этом случае люди живут в мире, где законы и положения гибки, как каучук, где все уступает желаемому и любимому в данный момент, где порядок не воспринимается всерьез, так как постоянна только изменчивость. В каждой жизненной ситуации они ищут лазейку, для того чтобы в своем поведении уклониться от принятого порядка и последовательности. Законы каузальности, т. е. взаимосвязь между причиной и следствием, столь необходимые при столкновении с физической природой, они не готовы применять и использовать; для них действительно лишь то, что применимо здесь и сейчас. Естественно, в большинстве своем они боятся и, по возможности, избегают жестко установленных границ и ограничений — даже биологических данностей, при которых необходимо быть либо мужчиной, либо женщиной, возрастных определений, упоминаний о неизбежности смерти. Они стремятся играть все роли, которые предусмотрены в человеческом коллективе, и избегают всяческих предписаний и законоположений. Резюмируя, можно сказать, что их страшит в жизни и окружающей среде все то, что свидетельствует об ограниченности и неизбежности, все то, что мы обозначаем и поддерживаем как реальность. Однако мы приспособляемся к миру фактов и принуждены воспринимать, понимать и усваивать нашу зависимость от законов жизни. Эту реальность, которая дает нам право не обращать внимания на случайные, мелочные проблемы, личности с истерическим развитием не признают и пытаются разрушить. Тем самым они обретают для себя призрачную свободу, которая со временем становится все более опасной, так как они предпочитают жить в иллюзорном мире, где реальность не ограничивает их фантазию, возможности и желания. Они все более и более погружаются в псевдорéalность, в «ложную действительность». Однако чем больше мы отдаляемся от реальности, чем больше возрастает степень нашей кажущейся свободы, тем меньше мы ориентируемся в «действительной действительности» и тем меньше учитываем ее в своем поведении. Это приводит к тому, что попытки связаться с реальностью становятся все более неудачными, приводят к разочаро-

ваниям и возвращают этих людей назад в мир желаний. При этом пропасть между желаемым и действительным растет, и это является настоящим порочным кругом для лиц с истерической личностной структурой. Рассмотрим более подробно аспект псевдодействительности. Реальность нашего существования основана на уже упоминавшемся законе взаимосвязи причины и следствия, действия и последствия. Это

приводит нас к закономерностям, которыми мы не можем пренебрегать безнаказанно. Испытывая чувство, что этот закон причинности ограничивает их возможности и принуждает к выстраиванию последовательности своих действий и самоотказу, личности с истерическим развитием уклоняются от его выполнения, прибегая к «страусиной политике». Они действуют так, как будто причинности не существует. Одержимые доминирующими в настоящее время желаниями, не принимая во внимание последствия этих желаний и не пытаясь проверить их реалистичность, они живут по принципу «после нас хоть потоп». Они наивно полагают, что и принципы причинности, и их последствия не имеют влияния на текущие события или, по крайней мере, не имеют прямого отношения к данной ситуации. Будучи зависимыми от своих желаний и от того, что производит на них сиюминутное впечатление, они пренебрегают возможными последствиями и находятся под суггестивным влиянием своих желаний, думая о причинах и следствиях только потом. Приведем пример, объясняющий сказанное.

Школьный класс добровольно решил продавать значки. Каждый школьник получил ведомость, в которой регистрировались число проданных значков и полученная сумма (предназначенная для общих нужд класса).

13-летняя Инга обладала таким особым шармом, была столь непринужденной и с такой очаровательной улыбкой общалась со сверстниками, что ни у кого не хватало духа оборвать ее или сделать ей какое-либо замечание. В течение короткого времени она распродала значки. Но после этого у нее возникло интенсивное желание доставить себе удовольствие — она почувствовала внезапное и непреодолимое влечение к чему-то сладкому. Инга была прилежной ученицей и вполне могла заслужить сладкую награду. Одновременно у нее возникло искушение использовать для себя вырученные за значки деньги — ведь они предоставляют столько возможностей! О происхождении этих денег и цели, для которой они предназначались, она больше не думала — в этот момент они принадлежали ей. Не откладывая свои желания, она потратила деньги на любимые сладости — для таких личностей характерны неясные представления о «каком-то порядке»; они одержимы собственными потребностями, подлежащими немедленному удовлетворению.

Данный пример иллюстрирует, прежде всего, истерические личностные особенности, заключающиеся в склонности к быстрому и бездумному реагированию, нежеланию и неспособности сдерживать свои потребности. Каждое побуждение, каждое желание требуют немедленного удовлетворения; ожидание для них непереносимо. Их легко обольстить, так как они не могут противостоять искушению.

В тот же день ведомости и деньги нужно было сдать в школу. Что делать? Инга пришла к учительнице и попросила дать ей побольше значков, так как она хочет побольше продать и отдать вырученные деньги вместе с полученными раньше, которые она оставила дома (придумывание предлогов и даже ложь в качестве оправдания своей слабости каждый раз выглядит весьма правдоподобно). Она получила новые значки и на этот раз выиграла время — произошло чудо, ситуация благополучно разрешилась (такой выигрыш времени за счет раздачи обещаний также достаточно типичен). К вечеру наступил последний срок сбора денег. Ей пришла в голову, как ей показалось, блестящая идея. Она зашла к соседке по дому и попросила у нее займы до следующего утра недостающую сумму денег — ей необходимо срочно приобрести пару школьных тетрадей, а мама пошла к подруге и в данный момент недоступна. Инга получила необходимую ей сумму денег, снова выиграла время и

возможность реализации нового «чуда» и опять попала в такое же положение, когда нужно отдавать деньги в полном объеме. О соседке и о своем долге ей она тотчас же забыла с тайной надеждой, что соседка, так же как и она сама, не будет вспоминать об «этой несчастной паре пфеннингов».

Такие необоснованные ожидания чудесного избавления от затруднительных положений у истерических личностей чрезвычайно развиты, они удивляют своей наивностью и искренне верят в то, что их требования и желания заменяют действительность, действуя по принципу «was ich nicht weiß, macht mich nicht heiß» — «чего не знаю, о том не вспоминаю». Ведь, в конечном счете, каждый человек может что-то забыть... Тут действует известный феномен замещения, в соответствии с которым то, что она хотела бы забыть (т. е. денежный долг), она хотела бы перенести на соседку, которая из-за малой суммы долга могла бы забыть о нем и тем самым легализовать нежелание девочки отдать его, хотя она, конечно, готова его вернуть (где и когда — в данный момент ее не интересует). Прежде чем вернуть деньги, она должна предупредить соседку, выдумав правдоподобные обстоятельства, которые могли бы ее извинить. Возможно, соседка забудет о долге — ведь для нее это маленькая сумма, — если я буду оказывать ей некоторые услуги. Или, может быть, я внезапно получу от кого-нибудь деньги в подарок? А вдруг кто-нибудь выручит меня в порядке взаимопомощи «Kommt Zeit, kommt Rat» дает», «придет беда — купишь ума».

Через несколько дней соседка попросила мать Инги вернуть ей всю сумму, сказав при этом, что долг не был отдан ей вовремя. Неспособность Инги отказаться от немедленного удовлетворения своих желаний привела к целой цепи неприятных последствий, так что кратковременное удовольствие оказалось для девочки слишком дорогим.

Данный пример во многих отношениях показателен и характерен; он иллюстрирует целый ряд типичных истерических образцов поведения: одержимость желанием с влечением к их немедленному удовлетворению, при котором бросающееся в глаза заменяет обдумывание, ирреальные установки заставляют пренебрегать логичностью и последовательностью своих действий, происходящее оценивается произвольно, с надеждой на чудо, на счастливый случай, возможные последствия своих действий вытесняются и отвергаются, так что приходится все время латать дыры, нанесенные при столкновении с действительностью, с помощью лживых «историй», заменяющих истинные события; предаются забвению неприятные случаи и происшествия, связанные, прежде всего, с чувством собственной вины или неправоты; и, в конце концов, происходит отрицание неудобной или неприятной необходимости нести ответ за свое поведение или уклонение от такой необходимости. К этим людям особенно применимо выражение Ницше: «„Я это сделал“, — говорит моя память. „Я не мог этого сделать“, — говорит моя гордость и остается неумолимой. И память уступает». С такой же легкостью обращаются истерики и с другими реальностями, а также со временем. Пунктуальность, планирование своего времени и его распре-

деление для них тягостны и непереносимы; они нередко расценивают эти качества у других людей как мелочность. Или возьмем такую биологическую реальность, как наша зависимость от половой принадлежности, от процесса созревания и от возраста. Лица с истерическим развитием не хотят отказываться от своих установок, стремятся как можно дольше считаться детьми, которые не имеют никаких обязанностей, стремятся удержать молодость и не нести ответственности за те изменения, которые они вносят в окружающий мир или во взаимоотношения с другими.

Ответственность для них — неприятное и неудобное понятие, требующее соблюдения определенных условий, которые напоминают им о законе причинности и неприятных последствиях и выводах с ним связанных. И возраст! Они находят различные причины, для того чтобы уклониться от ответов на вопросы о возрасте, ссылаясь на выражение «мне столько лет, на сколько я себя чувствую» и находя различные уловки, чтобы не отвечать на этот вопрос по существу. Им кажется, что, уклоняясь от того, чтобы сказать правду о своем возрасте, они достигают иллюзии вечной молодости. Начиная с одежды, в которой они придерживаются юношеского стиля, и кончая многочисленными косметическими средствами и даже косметическими операциями, они прибегают к любым средствам, чтобы поддержать эту иллюзию молодости. Они пренебрегают заботами и волнениями, объясняя это тем, что они для них «непереносимы», а если уклониться нельзя, то ссылаются на болезнь и тем самым избавляются от хлопот и беспокойства. Подобным же образом истерические личности относятся к этическим нормам и морали. Кто знает, что скрывается за их любезностью и предупредительностью? «Один раз не в счет» («einmal ist keinmal»), а случай не влечет за собой никаких выводов и последствий. Кто знает, что хорошо, а что плохо? Ведь все это, в конечном счете, относительно и зависит от той точки зрения, которой мы придерживаемся в данный момент. Они воспринимают мир пластично и гибко и возникающим на их жизненном пути ошибкам дают произвольное истолкование. Кто знает, что в данный момент действует, а что уже прошло? Счастливым образом их мысли свободны, они убеждены в достаточности настоящего и не думают о том, что может произойти в будущем — кто может доказать противоположное? С их точки зрения логика — это обременительная, докучливая реальность. Они все более и более отдаляются от реальности и от решения логически вытекающих из нее проблем — их собственная логика отличается от логики других людей тем, что в ней минимум логики. Когда посторонние находят в их мышлении непонятные пробоины и разрывы, за которыми они не поспевают, а их поведение определяют как немотивированное, сами истерики хорошо себя понимают и находят свои мысли и поступки вполне логичными. Какие фантастические возможности представляет разговор с истерической личностью, если собеседник хоть раз догадается о том, что руководит истериком и как мало знают посторонние о его мотивах и желаниях! Так развивается так называемая псевдологика, приводящая к сознательной или подсознательной лживости, в которой едва ли не каждый может уличить истерическую личность. Собственно говоря, страх этих людей перед необходимостью и окончательностью не осознан. Он заменяется часто встречающимся у них страхом открыток

улиц и площадей (агорафобия), а также страхом замкнутых пространств, охватывающим их в лифтах, купе пассажирских поездов и т. д. (клаустрофобия). Так же часто встречается страх перед животными. Эти страхи являются переносом основного страха на второстепенное и безобидное, прежде всего, из соображений избегания и предотвращения. При страхе замкнутого пространства в лифте или страхе высоты на мосту лифт и мост служат средством бегства от страха, уклонением от него. По существу, страх перед ограничением свободы или перед ситуацией искушения при этом не усиливается, а напротив, может быть снят, так как рискованные желания, овладевающие истериками или создающие внутренний конфликт, переносятся на внешние объекты страха, которые способствуют «разрешению» конфликта, и данное положение уже не приводит к отказу от искушения. Если я больше не могу — по крайней мере в одиночку — ходить по улице, то я имею право не противостоять

соблазнам и искушениям. Конечно, такого рода уловки не являются действенной и надежной защитой от страха — одни страхи сменяют другие и противостоят друг другу. Когда под влиянием страха лица с истерическим развитием ощущают себя припертыми к стенке и не видят выхода из ситуации, развивается паническая реакция или паническая атака — «Fluent nach vorn», — при которой невозможен какой-либо разумный и обоснованный прорыв. Мы должны теперь показать, что истерическим личностям свойственно постепенное суммирование неправильного, ошибочного поведения, которое приводит их к безысходной ситуации. Что можно сделать, чтобы удачно избежать обязательности и окончательности? Гарантирующим безопасностью способом таким личностям представляется жизнь, при которой принимается во внимание лишь мгновение без всяких предыстории и последствий. Если я вчера совершил ошибку, наделал глупостей, то мне приходит в голову решение жить только сегодняшним днем, хвататься за настоящее, потому что завтра может и не наступить. Преодолевая временные и каузальные взаимосвязи, истерические личности достигают необычайной пластичности, они живут без исторических корней, без прошлого. Они отвергают прошлое как несущественный балласт, что вносит в их жизнь пунктирность, ненадежность, фрагментарность и переливчатость. Они могут, как хамелеоны, приспособиться к каждой новой ситуации и, вместе с тем, проявляют так мало постоянства, такой дефицит «непрерывности „Я“», что мы можем это считать для них характерным. Они кажутся непредсказуемыми и непостижимыми. Истерики могут играть разные роли в зависимости от данного момента и своих потребностей, ориентироваться на партнера и тут же публично отказываться от своей привязанности, если эта роль больше их не устраивает. Так развивается не последовательность и отсутствие четких контуров поведения, которые характерны для истерических личностей. Другой возможностью, которую приобретает страх, припирающий истериков к стенке, является так называемый «поворот копья в другую сторону» («Spieß umzudrehen»), при котором вина за происшедшее перекладывается на других. При этом упреки к самому себе заменяются претензиями к постороннему, что рефлекторно приводит к свойственной детям реакции, когда они на реплику «ты дурак» автоматически отвечают «сам дурак». Нередко случается так, что если

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

их критикуют или упрекают в чем-то, они тотчас же, без всяких дискуссий и возражений, принимают чужую точку зрения. Проецирование на других собственного чувства вины в форме упреков может достичь такой степени, что они начинают верить в виновность другого человека по принципу «держи вора». Это, естественно, приводит к неискренности, которая, в конечном счете, переходит в лживость при различных жизненных ситуациях. Все это вызывает подспудное чувство неуверенности и неопределенный страх, что в некоторых случаях выражается в поисках роли, защищающей их от последствий своих действий и реальности. Часто это «бегство в болезнь», которая, по крайней мере, дает им возможность выиграть время и избежать ответственности.

• Истерическая личность и любовь

Истерические личности любят любовь. Они любят все, что может способствовать повышению их самооценки — упоение, экстаз, страсть; любовь воспринимается ими как вершина их переживаний. Если навязчивые личности рассматривают любовное томление как насилие, то истерические личности относятся к дионисийской стороне аполлонийской линии отношения к любви. Их влечет к безграничным любовным

переживаниям, однако не в форме самоотдачи, как бывает у депрессивных личностей, а в плане распространения и расширения своего «Я», к апофеозу своего «Я». Если депрессивные личности стремятся перейти границы собственного «Я» для симбиотического слияния с другим, с партнером, и тем самым пытаются трансцендентировать себя вовне, то истерические личности пытаются усилить интенсивность своих переживаний, т. е. направляют любовные чувства вовнутрь, для удовлетворения своего «Я». В связи с этим любовные взаимоотношения истерических личностей характеризуются интенсивностью, страстностью и требовательностью. Они ищут в любви, прежде всего, подтверждения своего «Я», им нравится упоение и опьянение, которые им дает партнер, они ожидают в связи с любовными отношениями кульминации своей жизни. Для них эротическая атмосфера — это нечто само собой разумеющееся, они прибегают к различным способам очаровывания и соблазнения, часто являясь истинными мастерами эротики. Это подразумевает владение различными инструментами эротики — от флирта и кокетства до овладения искусством обольщения во всех его нюансах. Истерики, как правило, считают, что партнер должен поддерживать в них чувство собственной любовной привлекательности. Они обладают большой силой внушения, от которой трудно уклониться. В сознании своих достоинств и своей привлекательности они принуждают партнера поверить в это. При установлении любовных отношений для них важна прежде всего сила желания. Эти люди берут крепость штурмом, не затягивая осаду, по принципу «veni-vidi-vici» — «пришел, увидел, победил». Они легко вступают в контакт с противоположным полом; связь для них не бывает скучной и тягостной. Они любят любовь больше, чем партнера, им нравится знакомство с различными способами и образцами любви, так как они исполнены любопытства и любовного голода. Им нравится блеск и роскошь, праздники и торжества, они готовы праздновать по любому поводу, находясь при этом в центре внимания с помощью

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

своего обаяния, темперамента, непосредственности и экстравагантной одежды. Они считают смертельным грехом, если партнер не нашел в них любовные качества или не оценил их — такое они переносят с трудом и вряд ли могут простить. Для них предпочтительнее ситуация «лучше б уж украли коня», чем спокойная, без сантиментов жизнь. Скука для них смертельно непереносима, они всегда скучают, оставаясь наедине сами с собой. Они яркие, живые, изворотливые партнеры, спонтанные и непредсказуемые в своих чувственных проявлениях, способные к интенсивной кратковременной любви. Они стремятся к наслаждениям, склонны к фантазированию и... часто проигрывают. К верности, по крайней мере собственной, они относятся пренебрежительно. Тайная, запретная любовь для них особенно привлекательна, так как дает простор для романтических фантазий. В их сексуальности имеются затруднительные обстоятельства: эротическая игра, нежные любовные прелюдии для них важнее, чем удовлетворение сексуальных желаний. Им нравится неожиданно сказать: «Побудь со мной еще, и все будет хорошо», — и доставляет большое удовольствие замедлить или отложить завершение сексуальной близости. Они хотят увековечить медовый месяц и с трудом после свадебных высот переносят погружение в повседневность. Они любят разнообразие. Если здоровые установки относительно собственной половой принадлежности и противоположного пола не реализуются, у истерических личностей легко возникает нарушение любовных способностей вплоть до фригидности и нарушений половой потенции. Оба пола рассматривают секс скорее как

цель, достижение которой повышает самооценку, и как испытание силы воздействия своих желаний на партнера. Этим они отличаются от личностей с навязчивостями, которые используют секс для привязывания партнера к себе. Для истерических личностей важно упоение от силы своего воздействия на партнера, от того, сколь глубоко влияют на него особенности их характера и сама их сущность. Чем более выражены специфические особенности истерической личностной структуры, тем более требовательными становятся манеры, тем ярче проявляется требовательность в подтверждении собственной ценности. В таких случаях любовная связь имеет доминирующую установку на постоянное подтверждение собственной значимости, в связи с чем необходимо постоянное обновление любви, и усиливается присущее истерическим личностям непостоянство. Потребность в повышении самооценки при этом приводит к новым попыткам удивить окружающих, создать необычную, праздничную атмосферу. Естественно, что старение вызывает уменьшение привлекательности, носящей преимущественно внешний, поверхностный характер, что, соответственно, приводит к возникновению возрастных кризов. Истерики нуждаются в партнере, но не так, как депрессивные личности, которые не могут жить, не веря себе ему; им необходимо зеркало, отражающее их способность возбуждать любовь, для повышения собственной неустойчивой самооценки. Их самолюбование нуждается в постоянном подтверждении. Они легко поддаются лести, в которую охотно верят. Они нуждаются в партнере, прежде всего для того, чтобы заручиться его подтверждением их обаяния, красоты, ценности и привлекательности. В связи с этим они склонны к нарциссическому выбору партнера, однако не в связи с боязнью «всех других» лиц проти-

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

воположного пола, как это бывает у шизоидов, но в особенности потому, что в партнере надеются найти собственное подобие, в котором вновь обретают и любят самих себя. Нередко истерические личности обоих полов находят для себя невзрачных и малозаметных партнеров, чтобы возвыситься на их фоне и быть объектом их безусловного обожания. Это напоминает басню про павлина, который хотел жениться на простой курице: в книге актов гражданского состояния ворон с удивлением записал, что прекрасный павлин хочет зарегистрировать брак с невзрачной курицей в связи с тем, что, как он многозначительно заметил, «я и моя жена безумно меня любим». Такая сильная жажда постоянного подтверждения собственной ценности и значимости, естественно, не может быть утолена, ни один партнер не может полностью ее удовлетворить. В таком случае они ищут нового партнера, который мог бы играть возложенную на него истерической личностью роль. Отчаянные авантюристки и ловкие манипуляторы мужскими сердцами являются как бы коллекционерами скальпов, самооценка которых зависит от числа их жертв и для которых любовь есть игра, за которую приходится платить высокую цену. Сколь велики их требования к любви, столь же велики и связанные с этими требованиями и надеждами разочарования: неудовлетворенность, капризы, дурное настроение и придирчивые обвинения после каждой новой любовной авантюры часто заканчиваются финансовыми издержками и неприкрытым преследованием партнера, которого они рассматривают как свою собственность и который, по их мнению, не вправе играть самостоятельную роль. Поскольку самооценка истерических личностей связана исключительно с доказательствами любви к ним, они не насытны в средствах и способах, с помощью которых добиваются этого: они постоянно сравнивают партнера с другими, «которые

умеют любить по-настоящему», подразумевая при этом, что другие способны сделать для них все, что они пожелают; они устраивают сцены и страстно упрекают партнера в том, что он «мало их любит», бурно, катастрофически реагируют, если партнер отдаляется от них. При этом наблюдается такая смесь чувств и расчета, что партнер не может понять, в чем же дело. Если любовь или брак основаны на иллюзорных ожиданиях, то при этом требования к партнеру превышают то, что вкладывает истерическая личность. Это вызывает разочарование, такого рода связь признается неудачной и начинаются новые поиски «большой любви». Для партнерских взаимоотношений истерических личностей характерны частые разрывы и примирения; в конце концов они требуют возмещения за свое разочарование, в новых связях являются чрезмерно требовательными, что становится источником новых неудач и провалов. Все мы приобретаем первый опыт общения с противоположным полом от наших родителей, братьев и сестер. Отношения родителей друг к другу — основан ли их брак на любви или на иных связях, — любовный опыт наших братьев и сестер, — все это формирует наши ожидания от партнерства, любви и секса. Обладают ли наши родители счастьем взаимной любви или обходятся без идеализации друг друга, жалеют, презирают или даже ненавидят они друг друга, знаем ли мы об их возможностях, заботах и проблемах, их взаимоотношениях, их радостях и их взаим-

ном доверии — от этого зависят наши взгляды на выбор партнера, наши ожидания и наши представления об их реализации во взаимном существовании. Родители, которые являются для детей идеалом превосходства и непогрешимости, принуждены демонстрировать им идеальный брак, независимо от того, что происходит за кулисами этой игры. Этот идеал повзрослевшие дети надеются найти в партнере. Родители, не удовлетворяющие потребности своих детей в создании представлений о противоположном поле, вызывают у них разочарование и испуг, накладывающий негативный отпечаток на ожидания, связанные с партнерскими отношениями. Любовная жизнь истерических личностей осложняется еще и тем обстоятельством, что они, будучи фиксированными на своей первой связи с персоной противоположного пола, не могут полностью отрешиться от идентификации с ней. В этом отношении истерики остаются на той стадии развития ребенка, соответствующей 4—5 годам, когда он, как мы теперь знаем, идентифицируется с полученными ранее впечатлениями и вырабатывает первоначальные предформы своих представлений о своем и противоположном поле. Принципиально здесь имеются следующие возможности: повторяется детское почитание или идеализация родителя противоположного пола или брата (сестры) по отношению к партнеру, от которого ждут воплощения «мечты о мужчине» («мечты о женщине»), или пережитые ранее разочарование, страх и ненависть, вызванные переработанными детскими впечатлениями о личности, осуществлявшей уход за ребенком, как негативный опыт переносятся на партнера. В этом случае к партнеру относятся с предубеждением и с самого начала связи ожидают, что она будет тягостной. Происходит проецирование первоначального образа матери или отца на партнера и установка на этот первоначальный образ, независимо от того, какую, собственно, роль играет партнер, т. е. происходит застревание на давнишней роли «сыночка» или «доченьки». У разочарованного матерью сына может развиваться женоненавистничество, он мстит своим партнершам за перенесенное разочарование, уподобляясь Дон Жуану, оболыщавшему и покидавшему затем женщин, нанося им ту же боль, какую ему причинила мать. Разочарованные отцом дочери мстят таким же образом мужчинам: у них развивается мужененавистничество или ложное представление о

женской эмансипации — они не только стремятся к реализации равных с мужчинами прав и повышению собственной значимости, но «поворачивают копье в обратную сторону», требуя равенства из соображений мести и занимая при этом чисто женскую позицию. Или же они отшвыривают от себя мужчин, рассматривая контакт с ними как встречу с нелюбящим, отвергающим их отцом («если ты меня не любишь, то я не желаю обращать на тебя внимание, и убирайся прочь» — психодинамическая основа некоторых девственниц). Некоторые из них, как Цирцея из «Одиссеи» Гомера, привлекают мужчин только своей сексуальностью, избирая различные формы соблазнения, и при этом используют и унижают мужчин, «превращая их в свиней». Близки к этому типу и те женщины, которые предъявляют мужчинам чрезмерные физические, психологические и материальные требования, используя, изматывая и лишая их силы и власти, как бы «кастрируя» их и унижая их мужское достоинство. Такие «демонические», склонные к разорению и разруше

нию женщины часто встречаются в романах и пьесах Стриндберга. В конце концов разочарованность противоположным полом или страх перед ним приводят к гомосексуализму. Может быть также, что при этом сестра или брат заменяют мать или отца.

Связь с первыми впечатлениями от персоны противоположного пола, осуществляющей уход за ребенком, является общечеловеческим феноменом, который французы выразили следующим образом: «Мы всегда возвращаемся к своей первой любви». Примеры зависимости от личности, осуществлявшей уход за ребенком в раннем детстве, от их «семейного романа» столь известны, что истерические личности нередко попадают в ситуацию «треугольной» зависимости, в которой подсознательно повторяется их положение между двумя родителями и которая нередко встречается в качестве основы структурирования личности в семье с единственным ребенком. Им кажется, что, находясь в таком «треугольнике», они брошены на волю рока и часто, ссылаясь на «судьбу», говорят о том, что их постоянно «толкает» на такие отношения, что все мужчины или женщины, которые им встречались, уже связаны с другими. На самом деле, в поисках партнера, связанного с другим, зная о том, что он не свободен, истерические личности как бы возобновляют давнишнее соперничество с матерью или отцом. Они фиксированы на том, чтобы увести избранника от другого, вступая с покинутым в сопернические отношения, и всячески стремятся его уколоть, одновременно требуя от любовника серьезности, ответственности и проявления бурной радости от новой связи. Знакомство с любовными историями каждого человека помогает понять его поведение. Истерические личности продолжают грешить и совершать ошибки, отрицая при этом какую-либо связь своего поведения с семейным анамнезом, и полагают, что их женственность или мужские качества развивались нормально. Иногда они не имеют представления о развитии их собственной половой роли и откликаются на любые сексуальные требования, поставив свою половую идентификацию в различных ее вариантах в зависимость от ее оценки партнером. При этом следует учитывать, что развитие женственности или мужественности зависит также от душевной и сексуальной зрелости.

Основные проблемы жизни истериков усматриваются в связи любви и партнерских отношений с их иллюзорными ожиданиями и представлениями о жизни, любви, браке и вообще о противоположном поле. Их требовательная позиция по отношению к другим без готовности удовлетворить запросы партнера и заботиться о нем приводит их к новым разочарованиям, дающим право сделать вывод о том, что жизненные установки истериков основаны на иллюзиях и потому разочарование так неотвратимо. Страстное и активное желание в сочетании с

полными радостных предвкушений запросами без собственного участия в создании таких отношений является проблематичной стороной этих личностей. При выборе партнера для них важно его положение, возможности, титул и другие внешние атрибуты, характеризующие его ценность и значимость. И в этом они остаются детьми, которым импонируют внешние атрибуты, являющиеся, как им кажется, источником хорошей жизни; вину за свои разочарования они, как правило, возлагают на партнера. Страх собственной несостоятельности вызывает у них влечение к подтверждению своей способности к любви,

своей самооценности, и это влечение они реализуют в своих требованиях к внешнему окружению. Склонность проецировать вовне свои собственные недостатки вызывает, естественно, много проблем в партнерских взаимоотношениях. Истерические личности могут использовать различные варианты упреков и находят множество причин, чтобы обвинить партнера, предъявляя при этом тенденциозные обвинения, искажая факты, пользуясь «кривой логикой», клеветой и интригами. Особенно тяжело развиваются взаимоотношения между истериками и личностями с навязчивым развитием, являющимися как бы проти воположными по структуре. Чем больше партнер с навязчивым развитием неумолимо-последовательно настаивает на своем и в сложившейся ситуации без апелляции доказывает свою правоту, тем больше уклоняется от такой последовательности истерический партнер, прибегая к непостижимой «логике», перескакивая, как описал Шульц-Хенке, от одной мысли к другой, что напоминает совершенно беспорядочное движение фигур на шахматной доске без установленных правил. При этом истерики, с одной стороны, имеют тенденцию избавляться от докучливого партнера, а с другой, при этом, хотят распоряжаться им. Будучи достаточно гибкими, они не сжигают за собой мосты и оставляют открытой дорогу назад. Однако вместо этого партнер с навязчивым развитием остается припертым к стенке, безуспешно пытаясь понять и истолковать переживания своего истерического партнера. Шизоидные партнеры инстинктивно избегают истерических личностей, они легко их разгадывают и проявляют мало готовности восторгаться ими и подтверждать их притязания. Поэтому истерические личности охотней избирают себе партнеров с депрессивным развитием, которые проявляют готовность и в дальнейшем выполнять повышенные требования истериков; продолжительность такой связи является хорошей ценой для депрессивных личностей. Связь между двумя истерическими партнерами удовлетворяет их лишь тогда, когда истерические черты не очень сильно выражены. В противном случае соперничество и взаимное подкалывание является неизбежным подводным камнем таких взаимоотношений. В художественной литературе мы находим много примеров изображения истерических женщин («Луиза» С. Моэма или Скарлетт в романе М. Митчелл «Унесенные ветром»). Из писем Пушкина и Фонтана хорошо известны трудности при взаимоотношениях с женщинами, у которых преобладала истерическая структура личности. Такого же рода коллизии описаны в «Сказке о рыбаке и рыбке».

- Истерическая личность и агрессия

Специфическими формами агрессии, которые свойственны детям в возрасте от 4 до 6 лет, являются соперничество и конкуренция. Несмотря на дальнейшее развитие, ранние формы агрессии сохраняются и позже. В специфических для данного пола формах эта агрессия в своей основе носит характер саморекламы и овладения или всеобщей борьбы за все, что укрепляет и увеличивает ценность истерической личности, и против всего, что этой самооценке угрожает. Агрессия, как правило, является

следствием самооправдания и стремления к самозащите и проявляется в спорах и конкурентных взаимоотношениях, из которых истерические личности извлекают для себя пользу. В противоположность реакциям ранее описанных личностей с навязчивым развитием, агрессивные реакции у истерических личностей гибки, спонтанны, они не сопровождаются выраженной тревогой и злопамятностью и, к тому же, менее продолжительны. Эти реакции достигают различной степени импульсивных проявлений вплоть до произвола и меньше определяются фактами, чем личностными связями и личностной несовместимостью. Чем больше выражены истерические расстройства, тем больше проявляется агрессивность; гибриды самовосхваления и аферизма могут принять экстремальные формы, а необычная впечатлительность и чувствительность — привести к нарциссическому заболеванию. Нередко наблюдается непомерное хвастовство, стремление к расточительству; они оттесняют других, для того чтобы играть первую скрипку и быть на первом плане; каждый однополюс «другой» является потенциальным соперником, и они всячески стремятся унизить его и затмить собственным блеском. У истериков часто встречается стремление импонировать, они хотят произвести безусловное, неизгладимое впечатление. Стремление быть в центре внимания и произвести впечатление может достигать весьма высокой степени из-за неумения проводить различие между кажущимся и действительным, желаемым и реальным. В связи с недостаточностью самокритики и самоконтроля агрессия у истерических личностей носит импульсивный характер, она легко возникает вследствие их увлеченности, которая вообще преобладает у личностей такой структуры. При агрессии в отношении партнеров для них характерны следующие обобщения: «все мужчины — тряпки», «все женщины — дуры». Истерическая агрессия нередко принимает архаичные формы «двигательной бури», однако если у шизоидов это проявление чувства экзистенциальной угрозы их сущности, то у истериков это проявление потребности в драматизировании, в том, чтобы произвести впечатление на окружающих. Истерики в своих проявлениях стремятся произвести впечатление и поразить окружающих, что нередко может расцениваться как заранее предусмотренная стратегия. Для них нападение есть лучшая защита. Другую особенность истерической стратегии можно определить как «нелогичность». Вот пример.

После обоснованной и спокойно выраженной критики со стороны мужа за небрежность жена впала в состояние дикого аффекта, не соглашаясь с этим по существу, изрыгая поток проклятий и упреков, заявляя, что все это ее не касается, что она не хочет иметь с ним ничего общего и от этих дел держится в стороне. Она как бы «повернула копьё в обратную сторону», активно отстраняясь от реальности и убегая от нее. Данная реакция становится понятной, если мы учтем, сколько раз билась и ранила самооценка у истерической личности, как болезненно она реагирует даже на легкую критику и малейшие неприятности. Вследствие недостатка идентификации с самим собой это приводит к тому, что основа личности, ее базис становится более зыбким и неустойчивым; из-за болезненного и язвительного самолюбия происходит высвобождение чувства ненависти, которое взаимодействует со страхом перед обесцениванием своего «Я».

Особой формой истерической агрессии является интриганство. Возникновение этой формы агрессии можно заметить в семейных отношениях: подсозна-

тельно повторяется ситуация, когда ребенок становится между родителями или, по крайней мере, между братом (сестрой) и родителями, когда он вынужден лавировать

между ними, настраивая одного родителя против другого или против брата (сестры), обыгрывая их привязанность к себе или другому. Такого рода давнишние семейные проблемы переносятся повзрослевшими истерическими личностями на новые объекты межперсональных отношений. Интриги, распускание слухов, унижающих достоинство других и уменьшающих их общественную значимость, мстительное поведение характерны для них. Сюда же относится половая ненависть, приобретающая иногда формы экстремального влечения к мести. Истерическая агрессия склонна принимать сценические формы, достигая при этом наибольшей выразительности, если имеется возможность проявить свои дарования публично. Пламенное негодование, патетические жесты, страстные призывы и жалобы являются типичным проявлением истерической агрессии, которая может внезапно ослабеть, если публика больше эти сцены не созерцает. Вот пример мужененавистничества и мстительности у женщины с сильно выраженными истерическими нарушениями.

В связи с претензиями на внимание и уважение и ссылаясь на свои слабые нервы и хрупкое здоровье, жена требовала от своего мужа, чтобы он курил сигары на балконе, так как она не переносит дыма. Когда он смотрел по телевизору футбольные матчи, она высмеивала перед детьми его примитивность, так что они не хотели принимать участие в этом зрелище и не имели общих интересов с отцом. Он получил лучшее, чем она, образование, но, тем не менее, книги, которые он читал, она находила скучными, потому что не понимала их и не хотела приложить каких-либо усилий, чтобы их понять. Ее сексуальные желания были ему непонятны и обставлялись чрезмерными требованиями, служившими основанием для отказа от близости. Она унижала его во всех его проявлениях и отношениях, бессознательно мстя за разочарование, которое она испытала от отца, отдававшего предпочтение ее интеллектуальной сестре.

И еще один дополнительный пример.

В течение длительного времени один из моих пациентов говорил мне, что одновременно с лечением у меня он начал получать психотерапевтическое лечение у одного из коллег. Он решил проверить, какой из применяемых методов больше ему подходит и больше нравится. При мне он плохо отзывался о коллеге и его методах психотерапевтической работы, при нем точно так же говорил обо мне, скрывая от каждого из нас, что в то же время лечится у другого. Когда он описывал каждому из нас характер лечения у другого, то относил это к давно прошедшему времени. Он разыгрывал нас точно таким же образом, как когда-то настраивал друг против друга своих родителей. Таким способом он изживал свои детские переживания, когда натравливал родителей друг на друга и использовал это в своих интересах. Он повторял такого рода мечь, натравливая психотерапевтов друг на друга, и тем самым бойкотировал терапевтическую ситуацию.

• Биографические основы

Мы снова напоминаем, что страх перед необходимостью и окончательностью является у истерических личностей преобладающим. Он становится побудительным импульсом центробежных тенденций и стремления к переменам. Если вначале мы обратимся к предрасполагающим, способствующим развитию истерических личностей

факторам, то обнаружим прирожденную живость и привлекательность, большую спонтанность и жизненный напор, выразительность, способность проявлять вовне свои внутренние переживания и представления, общительность и закономерную потребность в общении. В связи с такой предрасположенностью, особенно сильно проявляющейся в

межчеловеческих отношениях, они находятся в зависимости от постоянного подтверждения той симпатии, которую они вызывают. Их живость, открытость, приспособляемость и склонность к увлечениям оказывают положительное впечатление на окружающих; они никогда не бывают скучными; они нуждаются в побуждениях и инициативе и сами инициативны. Врожденная привлекательность истериков часто сопровождается красотой, которую они очень рано начинают использовать для возбуждения к себе симпатии. Они с легкостью влюбляются и многим нравятся, полагая, что так и должно быть; они чувствуют себя очаровательными и полагают это чувство совершенно естественным. Хотя это преимущество является лишь преходящим даром, они используют его постоянно, стремясь вызвать любовь и удивление и не отказываясь от этого ни при каких условиях. Они очень рано начинают рассчитывать на свою привлекательность и, опираясь на нее, выбирать свой жизненный путь. В них живет уверенность в том, что любовь и восхищение, которые они вызывают, вполне закономерны. Для того, чтобы эти предрасположения стали действующими, необходимо воздействие окружающей среды, на чем мы и хотим остановиться более подробно. В соответствии с психоаналитическим опытом вероятность начала развития основ истерической структуры относится к периоду жизни ребенка между 4 и 6 годами. В этом возрасте ребенок, вырастая из младенческого периода, переходит к новым, важным шагам своего развития. В это время расширяются и обогащаются его способности и поведенческие возможности, перед ним ставятся новые задачи: он постепенно вращается в новый мир, где познает правила ролевого поведения, он получает первые навыки половой принадлежности и половой роли как девочка или мальчик, он предчувствует и предвосхищает будущее как поле для испытания и проверки своей миссии по отношению к другим. Это означает также, что его прежний магический мир желаний с представлениями о безграничных возможностях для их удовлетворения постепенно заменяется реальностью, которая обслуживает его потребности, а также ограничивает его собственную волю. Внутренний и внешний мир его переживаний расширяется и обогащается, включая в себя уже более значительные области, которые относятся к жизни взрослых. Это подразумевает требование возрастающего благоразумия, ответственности и расчета; короче говоря, ребенок в этот период во многих отношениях осознает реальность, свое положение в ней и свои предположения о ней, что имеет отношение к существованию взрослых. Для того чтобы эти шаги развития были удачными, ребенок нуждается в убедительных примерах и образцах для их достижения. Он должен встретить в поведении взрослых нечто такое, к чему он стремится: мир взрослых должен быть для него достаточно привлекательным, чтобы воспринять правила и подражать образу жизни взрослых. Родителям в этот период предъявляются новые требования: ребенок уже не малыш, созданный для

них и неотделимый от них, а они не полубоги для него. Он — маленький человек, который критически, с возрастающим стремлением к знаниям, наблюдает за ними, спрашивает об обоснованности «заветов и запретов», соблюдение которых рассматривает как приобщение к обществу (взрослых) и требует за это любящего вознаграждения; он хочет подвергнуть испытанию любовь к нему родителей и убедиться в том, что они его любят. Впервые ребенок обучается образцам специфического для данного пола поведения и воспринимает это со всей серьезностью. Зрелость и внимание родителей особенно важны в этот период, когда ребенок нуждается в здоровом идеале в поисках самого себя, в выработке самооценки и, наконец, в обретении идентификации. Истерическим личностям как раз в этот период

недостает столь необходимого для их развития руководства и образцов для подражания. Когда ребенок переходит от младенчества к реальному восприятию жизни с отказом от прежнего поведения и безответственности в пользу ответственности и понимания необходимости, он это решает как совершенно новую задачу знакомства с порядком в окружающем мире, который кажется ему осмысленным. В этот период родители должны помочь своему ребенку в его желании освоить этот новый для него мир, в котором дети хотят идентифицировать себя с родителями. Для этого они готовы отказаться от прежних форм детского поведения и свободы. Ребенок должен получить радость от переживания соответствующей возрасту половой идентификации и от того, что он справился с новыми для него задачами; гордость за это составляет основу образования здоровой самооценки.

Представим себе теперь среду, которая характеризуется неустойчивостью и хаотичностью, где то, за что сегодня наказывают, завтра не принимают во внимание; среду, в которой с ребенком продолжают обращаться как с малышом, не принимают его всерьез, относятся к нему без достаточной искренности, считая маленьким и глупым, а его вопросы воспринимают с пренебрежением, как не требующие четкого и вразумительного ответа. Или представим себе родителей, допускающих при ребенке грубые сцены и ссоры и полагающих, что он все равно ничего не понимает и зависит от них, и в то же время ожидающих, что он признает их поведение разумным. Они ведут себя таким привычным и удобным для себя способом, и когда ребенок делает им замечания и спрашивает, почему родители так поступают, они наказывают его за дерзость, исходя из принципа «quod licet Jovi, non licet bovi» («что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»). Таким образом, эта среда характеризуется хаотичностью, непонятностью, отсутствием руководящего начала и достойных примеров, в связи с чем ребенок растет при недостатке необходимых ориентиров и поддержки. Так создаются условия для того, чтобы ребенок остался безответственным. Вот один пример (из дневника девочки-подростка).

«Произошло нечто необыкновенное и из ряда вон выходящее. Я была больна. Матери до этого не было никакого дела, для нее я здорова, все нормально и это само собой разумеется. Поэтому: устраиваю утонченный игровой театр, в котором, с одной стороны, участвуют те молодые люди, которые этого хотят, и одна солнечная девочка, один ребенок, предлагающий угощение. Каждый, сияя, обнимается и отмечает, какая ты сладкая, а также приносит тебе все, в чем ты нуждаешься. И если нельзя добиться любви за твою нежность и хрупкость,

то можно достигнуть другой цели — чтобы о тебе заботились. Чем сильнее болеешь, тем больше тебя любят. Конфликт впервые возник в интернате, с того времени, как я стала взрослой. Однажды, когда мне было 12 или 13 лет, я захотела нанести визит своей тетушке. По обыкновению, я скакала сломя голову по лестнице. „Не будь такой экзальтированной“, — предупредила мать. „Что значит — экзальтированной?“ — „Эксцентричной, чрезмерно подвижной“. Я ничего не поняла. До этого я всегда была „сладкой“, „очаровательной“ и вдруг стала неугомной. С трудом я сообразила, что каждый возраст имеет свои законы. Если маленького ребенка все балуют, то с подростками это случается редко, а со взрослыми — никогда. Я стала обучаться новой для себя роли, при которой я должна лучшим образом проявить свою принадлежность к женскому полу, роль невинной девочки, которая доверчиво и трогательно смотрит на мир большими глазами и видит в нем только хорошее. Боже, я

была действительно наивной, но едва старший по возрасту знакомый разъяснил мне, как я восхитительно наивна, я стала наивной по расчету. Взрослый Дон Жуан, полагаясь на мою детскую беспомощность, считал, что он ничем не рискует, делая мне безнравственное предложение вступить с ним в близость. Моя мама позавчера рассказала о том, как она старалась избавиться от меня, когда я была маленькой: „Когда ты, будучи маленькой, находилась в детском доме, я нередко забывала о тебе. Я всегда считала, что ты счастлива в детском доме, в твоих письмах звучало так много радости“. Она, моя догадливая мама, которая иногда стелется, как трава, когда речь идет обо мне, была ослеплена этими прошедшими цензурными письмами! Я должна была оставаться в детском доме, несмотря на слезные просьбы о свободе. Здесь есть лишь одно оружие — болезнь!

Другая девушка говорила:

«Почему я расту в окружении дураков и вынуждена считаться с ними? (Она имеет в виду свою семью.) Я вынуждена так много страдать!»

10 Вот еще один пример истерического поведения, связанного со средовыми факторами.

Мужчина лет тридцати обратился к нам для лечения по поводу фобической симптоматики: в кинотеатре он хотел сидеть только в углу, не мог пользоваться скоростным поездом («когда я был проводником, то при больших расстояниях между станциями вынужден был останавливать поезд и выходить»), лифтом, а когда нужно было проехать через мост, должен был выходить из автомашины и идти по мосту вдоль парапета, держась за перила. Он испытывал мучительный страх перед тем, что на него может обрушиться потолок, когда оставался один в комнате. Из-за нелепости этих страхов он боялся сойти с ума. Этот страх перед сумасшествием в последние годы усугубился (один из его братьев в связи с психическим заболеванием был помещен в психиатрическое учреждение и там умер). В процессе знакомства с его биографией страхи этого пациента стали более понятными. Как единственный сын (брат был на восемь лет моложе его) он в течение длительного времени был сильно избалован матерью. Отец был образцовым чиновником с сильно выраженной склонностью к навязчивостям, он приносил работу из конторы домой, так что, за исключением периода совместного приема пищи, семья не видела его лица. Мать баловала его за спиной отца, тайно подсовывала ему деньги, приобретала для него множество обновок и заслоняла собой от мира (например, при трудностях, возникавших в школе, и т. д.). Отец думал о нем мало, не проявлял к нему интереса и был рад, когда его избавляли от неприятностей и оставляли в покое. Ребенком наш пациент часто болел, что давало матери дополнительный повод для того, чтобы его баловать; брак с человеком, который был намного старше ее и весьма здравомыслящим, ее разочаровал, поэтому завоевание сыновней любви с помощью баловства и заигрывания стало главным в ее жизни. В постпубертатном возрасте сын вместе со своим другом проводил операции на черном рынке, в связи с чем хорошо зарабатывал и водил

знакомство с многими девицами. Когда мать узнала об этих подпольных гешефтах, она тотчас же отвергла желание поделиться с отцом из-за его твердых моральных установок (он был настолько корректным и порядочным, что когда не мог взять в переполненном омнибусе билет, то на следующий день покупал два билета). Из-за своих тайных запретных гешефтов сын стал менее регулярно посещать школу и поэтому испытывал все возрастающий страх разоблачения. Он вел двойную жизнь —

корректного сына перед отцом и игрока за его спиной, прикрываясь при этом материнской защитой. Его при влекла такая жизнь, однако у него стали часто возникать боли в области сердца и головокружение как соматизированное выражение того обстоятельства, что его жизнь основана на обмане. Он не получал настоящей и действенной поддержки даже от своего окружения. Наш пациент индифферентно относился к отцу, его не привлекали отцовские воззрения о том, что мир основан на исполнении долга, а контакты с ним были настолько затруднительны, что они оба старались их избегать. Когда он, к примеру, иногда по воскресеньям заходил в кабинет отца без особой надобности, они садились на большом расстоянии друг от друга. Отец читал газету, сын просматривал иллюстрации, и они не перекидывались друг с другом ни одним словом. Им нечего было сказать друг другу, или они испытывали смущение и неловкость при попытке найти дорогу друг к другу. Пациент находил отца и его образ жизни комичным и вместе с матерью за его спиной высмеивал «старика» за его крохоборство и сверхкорректность. Мать, которая совсем юной вышла замуж за пожилого мужчину, оппозиционно относилась к мужу и в своем браке оставалась ребенком. Только сын дал ей возможность насладиться «большой жизнью», о которой она так тосковала. И вот теперь она попала в положение, когда ее поддержка стала ложной защитой при трудностях, которые испытывал сын. Он не находил нигде нужных ориентиров, не имел почвы под ногами. Длительный страх перед грядущей катастрофой перешел в боязнь того, что все может обрушиться (потолок может развалиться и упасть), что он не может через все это пройти (страх перед мостом). Возникли и другие страхи перед ситуацией, из которой нет подходящего и желательного для него выхода. Страх перед тем, что ложная ситуация, на которой основана его жизнь, раскроется, проявлялся также в сердечных болях и приступах головокружения. Страх сойти с ума был частично связан с братом и частично являлся проявлением приглушенного поманья того, что все это не может продолжаться долго.

Благоприятной средой для истерического развития может явиться и ситуация так называемой «золотой клетки». В такой среде делается акцент на внешнем благополучии, общественный престиж имеет для родителей большее значение, чем ребенок; ребенку внушается преклонение перед какой-нибудь значительной персоной, которая влияет на положение родителей в свете, и предлагается подражать ей. Он завидует школьным товарищам, потому что ему кажется, что у них «есть все»; он, кроме того, должен играть роль счастливого ребенка — иначе его сочтут неблагодарным; он разыгрывает или придумывает непонятные для других несчастья и одновременно выказывает высокомерие, стремясь привлечь к себе внимание и вызвать зависть. Если родители не могут служить примером для детей, то у них остается две возможности. Либо идентификация происходит вопреки родителям и их оценочным воззрениям, либо дети более не воспринимают родителей всерьез и чувствуют себя полностью покинутыми. Когда они взрослеют, то начинают считать, что родители в период их созревания отдавали предпочтение другим, и становятся в оппозицию к ним, заявляя, что они «ни за что не станут такими, как родители», а это, естественно, не является конструктивной идеей.

Тяжело переносит ребенок и ситуацию, когда родители как бы меняются своими (половыми) ролями — мать «надевает брюки», а отец становится «героем в шлепанцах» или «подкаблучником». Это может привести к тому, что дети не усваивают жестко установленные обществом половые роли и иногда меняют их вплоть до разрушения привычных форм женственности или мужественности. «Подкаблучник» — это муж,

которого лишила власти жена и который боится ее, а мужеподобная, выполняющая мужские функции жена с ревнивым соперничеством относится к мужчинам и с презрением — к представительницам собственного пола. При этом ребенок лишен соответствующего образца для своей половой роли, что затрудняет его развитие, а позднее создает определенную проблематику в его установках по отношению к противоположному полу. Счастливое, удачное положение родителей в смысле их половой принадлежности и сексуальности является важным фактором для ребенка и создает для него привлекательный образец для идентификации с мужественным отцом или женственной матерью. Общество предлагает мужчинам и женщинам множество возможностей для применения их половой роли, справедливо разделяя формы существования мужчины и женщины. Однозначное установление принадлежности к мужчинам или женщинам необходимо для определения того положения, которое занимает личность в каждом коллективе, для соответствующей иерархии и претензий на власть, для участия в борьбе за половую эмансипацию и освобождение от цепей и ограничений, которые накладывает на человека эта половая принадлежность. Каждое общество нуждается в использовании мужских и женских ролей, и начинается это с распределения обязанностей родителей при воспитании детей. Маргарет Мид в своей книге «Мужчина и женщина» приводит этому убедительные примеры. Истерическому развитию способствуют также несчастливые браки родителей, особенно в случаях, когда в семье воспитывается один ребенок и он является для одного из родителей своеобразной заменой партнера. Кроме того, что такого рода требования (замены партнера) чрезмерны, так как не соответствуют возрасту ребенка и требуют от него выполнения той роли, для которой он еще не созрел, это лишает ребенка непринужденности и естественности, свойственных детству, и может привести к раннему половому созреванию, что не соответствует возможностям его возраста. Сын не только является союзником и утешителем матери, которая разочарована его отцом, он выполняет также функции доверенного лица, что не соответствует его возрасту и тягостно для него. Эта роль оплачивается близостью и интимностью, с которой мать относится к сыну и разрушает его взаимоотношения с отцом, так как сын на все смотрит глазами матери. Ему недоступны здоровые возможности проявления своих склонностей и симпатий, как это бывает в семьях, где родители любят друг друга. Возрастные интеллектуальные возможности у такого сына недостаточно зрелы, и он пренебрегает советами и разъяснениями отца, которые будут так важны позже, когда наступит время испытания его мужественности. С необходимыми поправками (*mutatis mutandis*) это может быть отнесено и к дочери, для которой могут быть открыты обе возможности для половой идентификации в том случае, если нарушены нормальные взаимоотношения между родителями и ей приходится отдавать предпочтение одному из них. Другим последствием дисгармоничных отношений между родителями является навязывание ребенку несвойственной ему роли или функции, которая не соответствует его сущности и не дает ему ощущения истинной безопасности и уверенности в себе. Чаще всего это проявляется в том, что с ним обращаются как с маленьким ребенком, пренебрегая тем, что он уже повзрослел и имеет собственные, связанные с возрастом, интересы и потребности. Это вызывает в нем растерянность и служит источником снижения самооценки, так как он не выполняет того, чего от него ожидают, и не понимает, чего от него требуют. Родители, не удовлетворенные своей жизнью, сложившейся не так, как им мечталось, способствуют истерическому развитию своих детей, используя их для достижения того, что не удалось им самим. Неспособные служить примером для ребенка

и дать ему соответствующие наставления, они настаивают на выполнении им роли, часто ему не свойственной. На этой основе возникают смешанные истеро-депрессивные личностные структуры. Нечто подобное происходит и тогда, когда ребенку навязывают роль «папочкиного или мамочкиного солнышка». Такой ребенок должен быть сияющим, радостным, своими поступками доставлять наслаждение родителям, за что его любят и им восторгаются. Однако это любовь к фасаду, к внешнему обличью, которая позднее затруднит ребенку поиски самоидентификации. Такая «фасадная» роль может стать второй натурой, которая, будучи пережитой и более как роль не востребованной, может привести к жизненному краху и тяжелой депрессии.

Тяжелой, неблагоприятной для развития является среда, где от ребенка вообще отстраняются, где и семейные отношения заменяются социальными установками или мнением меньшинства. Ребенок обучается дома образцам поведения и установкам, которые действуют и поощряются в данной конкретной семье, а вне ее отвергаются. В таких случаях ребенок, чаще всего в школьном возрасте, переживает ситуацию как критическую, к которой он не был подготовлен вообще или эта подготовка была фальшивой. Разочарованность, чувство незащитности, неуверенности, позора, глубокая очевидность того, что знания о мире, полученные им, непригодны, толкают ребенка назад, в семью, и служат причиной депрессивной фиксации ребенка на тех образцах поведения, которые поощрялись в семье. Все это служит основой для возникновения смешанных истеро-шизоидных структур. Центральной проблемой истерических личностей является то, что у них нарушена самоидентификация. Либо они идентифицируются с образами своего детства, либо остаются в состоянии оппозиции или протеста, либо принимают навязанные им роли. Кроме описанной выше среды, благоприятствующей возникновению истерической личностной структуры, следует упомянуть также и о воздействии среды, связанной с насилием над личностью. Здесь истерическое развитие может быть проявлением протеста против застенчивости, навязывания своих мнений и привычек, подавляющих свойственную детскому и юношескому возрасту жизнерадостность. Такое же патогенное влияние на развитие личности ребенка оказывает противоположный описанному выше от-

каз от каких-либо ограничений в его деятельности, равносильный «выплескиванию ребенка вместе с водой из ванны», или же отрицание всего того, что делает ребенок, и всего того, что он желает получить от окружающих его людей, т. е. сознательное или подсознательное соревнование с ним. В случае так называемых «неудачных детей» из особенно строгой, чопорной или ограниченно-авторитарной среды их поведение и особенности развития относятся не к истинной истерии, а к форме реакции на патологическую для данной личности среду. Мы должны также коснуться исторических фактов, в соответствии с которыми ранее истерия относилась исключительно к женщинам, что вытекало из самого обозначения этого расстройства греческим словом «истерия»=«матка» (die Gebaermutter). Это заставляет нас задуматься над одним из условий возникновения истерического развития с учетом того очевидного обстоятельства, что женщины особенно часто страдают истерическими расстройствами. Одновременно мы должны предостеречь, что это мнение не опирается на научные исследования и может иметь ложный аспект, связанный с тем, что многие человеческие высказывания имеют бессознательно (а иногда и сознательно) тенденциозный характер. Жизнь женщины в нашей западной культуре ранее была ограничена исключительно областями, связанными с исполнением роли супруги, хозяйки и матери. Содержание ее жизни и роль, исполнения которой ожидало от нее общество, находится в семье

(«внутри семьи произрастает животворящая хозяйка», говорится в «Песне о колоколе» Шиллера), в противоположность мужчинам, чьи богатейшие возможности для самоутверждения и самореализации расположены вовне. В связи с этим оценка партнерских взаимоотношений имеет для женщины иное, чем для мужчины, значение. В соответствии с этим социальные роли мужчин во многих отношениях заранее предпочтительны, мужчины занимают более престижные и высокооплачиваемые должности; женская работа считается менее значимой и менее оплачиваемой, женщина находится в большей юридической и хозяйственной зависимости. Она во всем обделена: в возможностях своего развития, которое ограничено и стеснено домашним очагом и семьей; в мыслях и желаниях, направленных больше на выполнение мужчиной своего предназначения в обществе, нежели на собственное существование. Находясь в плену коллективных предрассудков, она длительное время считалась существом бездуховным и не имела права на утверждение собственной сексуальности. Незавидным было положение женщины при патриархате. При таких обстоятельствах истерия, как говорится, является орудием борьбы с мужским миром за свои желания и запросы и одновременно способом отщепенности этому миру. Иными словами, истерия используется как такой вид поведения, при котором с мужчины как бы «срезается ботва» и «не нужные наросты», в результате чего он становится беспомощным и покорным. Истерическое поведение носит иррациональный, нелогичный, непостижимый и непредсказуемый характер, что делает мужчин с их логичностью и рациональностью бессильными: реакции и цели женщины, ее болезни, ее «хочу — не хочу» или «могу — не могу», драматические сцены, соматические симптомы, взрывы отчаяния и угрозы самоубийства представляют для мужчины неразрешимую задачу и вызывают у него желание, как говорит Ницше, обуздать упрямство кнутом и, в конце концов,

разорвать партнерские отношения. Когда выполнение «супружеских обязанностей» подразумевает пренебрежение женской сексуальностью, то это часто становится причиной «фригидности», которую часто используют для прикрытия существования «черного Петера». В таком смещении мужских и женских черт в претензии на власть и обладание таится тщательно скрываемый глубокий страх перед женщинами, перед вероятной другой стороной жизни мужчины, которая представляется им опасной и угрожающей и которую они преувеличивают. Женское подсознание с гениальной помощью истерии противостоит мужскому превосходству, одновременно выполняя функцию самозащиты и мести. Не случайно по мере ослабления патриархата так называемые классические формы истерии становятся все более редкими: обретение равноправия и снятие ограничений в развитии их способностей сделали их ненужными для женщин. Изучая происхождение истерии, мы узнаем следующее: подавление, снижение общественной и самооценки, несвобода, насилие и непонимание со стороны партнера и общества вызывают истерические реакции протеста, независимо от половой принадлежности личности, дающей эту реакцию. И другие описанные выше средовые воздействия, благоприятствующие развитию истерических черт, не имеют половой принадлежности. Мы показали, что во многих истерических состояниях основой истерического развития является страх перед обязательностью, конечностью и необходимостью. Они не делают для себя выводов из своих разочарований и не приобретают опыта, когда их поведение не соответствует требованиям и ожиданиям окружающих. Напротив, чем чаще они переживают неудачи, чем меньше удовлетворяются их желания, тем больше возрастают их потребности и чаще пред

принимаются попытки их осуществления. Это приводит к истерическому порочному кругу с упрямством отстаиванием своих позиций и своих желаний. Их склонность к соблазнам может быть объяснена тем, что общая неудовлетворенность собой и своей жизнью приводит их к жажде привлекательного и сулящего удовольствия — с этим связано их влечение к новым раздражителям и переменам, в которых они надеются найти удовлетворение, причем эти поиски всегда относятся к внешнему, а не к внутреннему миру. Оказание помощи личностям с истерическим развращением состоит не в том, чтобы способствовать их уходу от реальности, но в обретении ими адекватных ролей, приучении к порядку, обязательности и соблюдению законов, в готовности к самопознанию и зрелым суждениям. Сюда же относится достаточное мужество для осознания правды и способность к необходимому самоограничению, которое должно быть свойственно всем нам. Для этого следует показать этим личностям позитивную сторону реальности, которая может дать им ту меру удовлетворения, которая для них возможна. Удивительным фактом является то обстоятельство, что понятие истерии часто нуждается в переоценке: с точки зрения навязчивых, депрессивных или шизоидных личностей то, что мы всех истериков рассматриваем как больных, кажется сомнительным, так как, по их мнению, главными должны быть моральные оценки. Здесь имеет место представление о том, что

истерик только «играет в болезнь» тогда, когда это ему выгодно или если он этого желает, — представление, связанное с бытующими предрассудками. Быть может, представления о биографии пациентов, об истории формирования их личности и соответствующих симптомов помогут понять, что истерия есть болезнь с определенной последовательностью ее развития и что люди с истерическими заболеваниями так же страдают, как и другие больные. Быть может, наши предубеждения усиливаются еще и от того, что внешне жизнь истериков кажется благополучной и это, как говорится, лишает их права на болезнь. Знакомство с их жизнью заставляет нас изменить это мнение и отречься от предрассудков прошлого — ведь показателем плодотворной жизни является умение понять страдания других людей, и чем больше наша терпимость, тем большую благодарность мы заслуживаем и тем счастливее люди, которым мы помогаем.

- Примеры истерических переживаний

Переходим к примерам.

Состоятельная дама искала возможности встретиться со мной из-за своего 16-летнего сына. Причиной ее беспокойства было предположение, что сын склонен к гомосексуализму. Во время беседы было совершенно очевидно, что она в прямом и переносном смысле стремится предстать в лучшем свете и занять лучшее место. Она поворачивала стул таким образом, чтобы лучше выглядеть и, вместе с тем, сидеть вполоборота к себе на сиденье (что было извинительно, так как перед беседой она съела головку чеснока). При этом она старалась произвести впечатление любящей и щедрой матери и занималась самовосхвалением, противопоставляя себя мужу, которого сильно критиковала и унижала. При беседе с сыном выяснились следующие детали. Родители состояли в трудном браке и не разводились только из-за боязни общественного мнения. Мать часто предпринимала длительные путешествия, в которых ее сопровождал сын. Он всегда выполнял роль маленького кавалера. Они проживали в аристократических отелях; до достижения юношеского возраста он спал в одной комнате с матерью. Она была привлекательной женщиной, и ей доставляло удовольствие принимать перед сыном соблазнительные позы, показываясь ему полураздетой и даже обнаженной, что

возбуждало его любопытство и вызывало волнение, а также смущение от того, что она находила его «сладеньким». Она считала его своим пажом, навязывая ему эту роль, но при этом заставляла официанта отеля обслуживать его как маленького ребенка. У него была лишь одна функция — почитать свою мать и в какой-то степени быть игрушкой в ее руках. Связь сына с отцом постепенно разрушалась; кроме того, мать с ревностью реагировала на его попытки обратиться к отцу. Отец, со своей стороны, испытывал отчужденность по отношению к сыну и на самом деле не имел реальных возможностей для оказания на него влияния, да и мать в силу своей предубежденности, считая, что отец может настроить сына против нее, предпринимала всяческие меры для того, чтобы они редко виделись. Сын относился ко всему этому равнодушно и не испытывал по отношению к отцу никакого чувства вины — для него было очевидным, что мать права, когда говорит о том, что любит его больше, чем отец, и что отец ничего для него не делает. Она использовала сына в своих целях как средство мести мужу, не задумываясь над тем, что делает. Она мстила за разочарование в браке, при этом возлагая вину исключительно на мужа, так как он «не давал ей той любви, которой она от него ожидала» или «давал так мало».

Другой пример. Весьма привлекательная девочка, единственный ребенок от очень трудного брака, стала для матери средством компенсации неудовлетворенных потребностей. В четыре годика она выступала на помосте, демонстрируя образцы детской одежды. Мать сидела ниже помоста, и ребенок испытывал сильный страх перед возможным неловким или неправильным движением, так как, по ее словам, холодные и жестокие материнские глаза отмечали каждую ошибку. После выступления мать обнимала и целовала девочку, демонстрируя перед публикой картину безмятежной материнской любви. Если девочка допускала ошибки, то дома мать обращалась с ней грубо, заставляла подолгу тренироваться и угрожала, что в следующий раз «это ей даром не пройдет». Девочка чувствовала, что любовь матери достижима лишь тогда, когда она не разочаровывает ее и хорошо функционирует на помосте. Одновременно девочка получала уроки того, что главным в жизни является ее оценка со стороны и то, какой она представляется другим. Зависть и чувство восхищения, которые она вызывала у других детей, служили ей некоторым утешением. Позже она стала пользоваться большим успехом как манекенщица, но возрастающий страх перед повзрослением стал основой всего ее существования, а самооценка основывалась как на физической зрелости, так и на отношении к ней мужчин. У нее было много неудачных романов, вызывавших чувство неудовлетворенности и неопределенное томление по «большой любви». Ей было не более 30 лет, когда жизнь стала казаться ей лишеной смысла. Она реагировала тяжелой депрессией даже на небольшое повышение веса, который строго и без всякого снисхождения контролировался ее матерью, так как был критерием «рыночной стоимости». Мать была посредником в ее связях с обеспеченными мужчинами и надеялась найти богатого зятя, который внушал бы ей уверенность в том, что ее старость будет обеспеченной. Чуть было не удавшаяся попытка самоубийства привела молодую женщину к психотерапевту, и мы за внешне благополучным фасадом, которому многие завидовали, обнаружили нищету. В этом отношении данный пример типичен для лиц подобной профессии.

Дама с сильно выраженным истерическим развитием хотела полностью господствовать над мужем. В ее родительской семье отец рассматривался как более или менее комическая фигура, привычный атрибут жизни, существованием которого можно было пренебречь («*quantite negligeable*»). Она тоже пренебрегала мужем, относясь к

нему преимущественно как к источнику доходов, в чем ее поддерживала мать, которая часто жила у нее в квартире как в собственном доме. Мать не ценила своего зятя, она считала, что ее дочь «заслуживает лучшего»; зять был учителем и едва зарабатывал на жизнь и на пенсию — большего богатства от его заработков нечего было ожидать. Она подстрекала дочь при возможности избавиться от мужа и устроить свою жизнь лучшим образом. Дочь разделяла склонности и увлечения матери и запустила домашнее хозяйство. Она не хотела иметь детей и была уверена в том, что муж должен ее обожать и испытывать непреходящий восторг от того, что она прелестна. Муж, который вначале потакал ее капризам и даже испытывал от этого радость, надеялся, что новая, более основательная страница их брака откроется после того, как жена обретет материнство. Этого не произошло, так как жена не хотела иметь детей и не прекращала тесной связи с матерью; она оставалась больше дочерью, чем женой. Со временем возникла и стала расти враждебность между супругами. Когда у мужа возникла связь с другой женщиной, она «сделала великодушный жест», «забыв» свое участие в произошедшем между ними разрыве, и сосредоточила все свое внимание на факте измены, стремясь взвалить на мужа всю вину за конфликт между ними. Она не была готова осмыслить свое поведение и дистанцироваться от привычного для себя поведения, в чем, собственно, и заключался единственный шанс на сближение между ними. Такое понимание требует чувства реальности и неприятной самооценки с соответствующим душевным усилием для необходимой коррекции своего поведения.

В этом случае женщина не только не отделилась от своей семьи, и прежде всего от своей матери, но и застряла на своей идентификации с матерью, пользуясь ее суждениями и воззрениями как мериллом для формирования собственного поведения. Такое незавершенное отделение от ранней детской привязанности к родителям (родителю) является характерной чертой истерических личностей. Следующие примеры более широко описывают средовую основу истерического развития.

Фрейлейн Р. была единственной дочерью от очень сложного супружества. Отец был известным политиком, славившимся своей широтой, великодушием и удачливостью. В семье он был нетерпелив, нетерпим к чужим мнениям; таких людей принято называть деспотами. Мать происходила из семьи, где мужчины пользовались патриархальными привилегиями, а женщины занимали второе место по своему рангу, оставаясь в браке при верженцах маленького мещанского счастья, пугливыми, зависимыми и, одновременно, неисправимо и упорно придерживающимися предрассудков и мнений, которые господствовали в их семье. Они не обладали мужеством для того, чтобы иметь собственные суждения по жизненно важным вопросам, которые отличались бы от общепринятых, и с упорством придерживались этих суждений, даже если они были для них опасны. Они жили, не пытаясь решать мировые проблемы, зная, что решения принимаются другими. Мать увлеклась известным и уверенным в себе человеком, предоставив ему все решения и подчиняясь ему во всем («Он понимает все лучше, чем я», «Я полностью полагаюсь на его мнение»). Это отношение к избраннику не изменилось и после вступления в брак, к которому ее муж, вообще-то, не был так уж расположен. Конечно, он был рад тому, что о нем заботились, его обслуживали и им восторгались после возвращения из частых деловых поездок и путешествий. Однако, с другой стороны, жена навела на него скуку своей безынициативностью и несамостоятельностью. Как она себя, так и он ее не воспринимали всерьез, и у него вскоре возникли связи с другими женщинами. Когда она догадалась об этом, он даже не пытался этого отрицать. Она не хотела раз

вода и не представляла себе, как нужно вести себя в создавшейся ситуации, он не хотел лишаться привычных удобств, которые были в его распоряжении после возвращения домой, и, кроме того, слухи о разводе могли бы повредить его репутации. Она была бесполезно мощна в данной ситуации, на которую вначале реагировала сценами с упреками и демонстрацией отчаяния, которые его отталкивали и нагоняли на него скуку. Такая ситуация длилась достаточно долго, и мать в силу сложившегося положения все больше и больше цеплялась за дочь. Она рано стала доверять дочери свои горести и печали, которые девочка в силу своего возраста не могла адекватно осмыслить. Дочь смотрела на отца глазами своей матери и видела в нем злого человека, который, к тому же, служил устрашающим примером того, «каковы вообще бывают мужчины». Девочка была привязана к матери, которая обеспечивала ее всем и все для нее делала, тогда как постоянно занятый отец часто путешествовал, а возвращаясь домой, был нетерпелив и непредсказуем. Отец, со своей стороны, стал проявлять интерес к дочери лишь тогда, когда она в пубертатном периоде стала превращаться в привлекательную девушку. Он флиртовал с ней, делал при матери поощрительные замечания относительно ее фигуры, заигрывал с ней не по-отцовски. Так между ними возникли эротически окрашенные отношения, вследствие которых она осознала свою телесную привлекательность. В то же время она попала в трудную эмоциональную ситуацию соперничества с матерью. В этот период она особенно нуждалась в надежном и дружественном расположении. С одной стороны, ей льстили признание отцом ее привлекательности и его симпатии, с другой — она испытывала чувство вины по отношению к матери, которая все больше деградировала и запускала домашнее хозяйство. Теперь отец появлялся вместе с ней в обществе и совершал прогулки по

городу. При этом она тайне испытывала триумф от того, что отец отдавал предпочтение ей, а не матери, и, вместе с тем, страх лишиться любви матери и боязнь насмешек по поводу своих взаимоотношений с отцом со стороны обывателей. Кроме того, она нуждалась в заботах матери, ее теплоте и сочувствии. Она вынуждена была везде попевать и находилась во власти противоречивых чувств: отец для нее олицетворял «высший свет» и своим стилем поведения пробуждал в ней неопределенные ожидания и смутные представления о жизни, которой, как она чувствовала, мать не соответствовала. Мать же все больше и больше склонялась к разводу и испытывала страх перед «светом», который, как она полагала, отнимал у нее мужа. Эта проблематика обострялась по мере того, как родители все более отчуждались друг от друга, не решаясь на развод. Отца тянуло в «большой город», а дочь оставалась вместе с матерью в привычной обстановке. Уход вместе с отцом в «большой свет» поначалу казался ей гибельным. Она еще была тесно связана с матерью, для которой дочь оставалась единственным содержанием ее жизни. Так она прокладывала свой жизненный путь между избалованностью и чувством вины, которое пробуждала в ней мать, стремясь привязать дочь к себе. Такая ситуация повторилась, когда Р увлеклась мужчиной, который не испытывал к ней симпатии. Разочаровавшись в отце и любимом человеке, она вернулась к матери. Бессознательно идентифицируясь с отцом, с помощью чего она пыталась компенсировать реакцию на нанесенный ей ущерб, она стала терроризировать мать и вела себя так, как это делал раньше отец. Обе женщины повторяли прежнюю ситуацию, только роль отца стала теперь играть дочь. Она критиковала мать так, как это делал отец, требуя от нее обслуживания и удовлетворения своих капризов, и вымещала на ней свою неудовлетворенность. Мать же все это сносила из-за страха быть оставленной. Дочь виделась с отцом изредка, когда он приглашал ее в

«большой город» За это время она подросла и стала еще более привлекательной Отец с гордостью показывался в свете с молодой дамой, на которую оглядывались мужчины, полагавшие, что он снова завел себе прелестную любовницу. Во время общения с дочерью он говорил ей об ограниченности ее матери, о том, что мать и дочь должны жить отдельно друг от друга, разворачивал перед нею блестящие перспективы. Он водил ее в престижные рестораны, покупал дорогую одежду и украшения, приглашал в оперу и т. д. Однако ослепительные перспективы через некоторое время меркли, дочь должна была возвращаться к матери в бургерский мирок, которому не соответствовали ее наряды, украшения и повышенные притязания, и это увеличивало ее неудовлетворенность. Она так и не научилась удовлетворять собственные запросы и потребности собственными же усилиями. Не имея права на притязания и жизненный стиль, свойственный ее отцу, она пользовалась его поддержкой, возложив таким образом на других свои собственные нужды. Мать приняла все возможные меры для того, чтобы уменьшить непомерные запросы дочери, и, вместе с тем, боялась, что дочь оставит ее одну наедине со своим постным благоразумием. Такая двойственность стала приобретать угрожающие размеры. Мнение отца было однозначным: «Моя дочь не должна работать». Такая безрассудная установка не учитывала собственных личностных возможностей дочери, необходимости опоры на собственные силы и чувство гордости от того, что «я сама могу этого достичь», пренебрегала необходимостью того, чтобы дочь сама зарабатывала себе на жизнь. Сама она не имела какого-либо стремления овладеть профессией, подсознательно мстя родителям своей зависимостью от них и формулируя это примерно так: «Если они причиняют мне такую боль и мучения, что я не знаю, кому из них отдать предпочтение, то пусть, по крайней мере, заботятся обо мне». Так росла фрейлейн Р. — она была прелестной, привлекательной и понимала это, одевалась так, что все вокруг обсуждали ее наряды; ей были свойственны манеры отца, правда, без его знаний, умений и добросовестности в своей профессии. Не привыкшая работать, она, с одной стороны, не могла вырваться за пределы своего круга, но, с другой стороны, муж «из

простых» ей «не подходил». Несмотря на показную гордость, претенциозность и уверенность, она оставалась маленькой, неуверенной в себе девочкой, застенчивой и привязанной к матери, прикрывавшей неуверенность в себе самой и страх перед окружающим миром высокомерным поведением. Обычно она говорила слегка в нос и производила впечатление скучающей молодой дамы из «высшего круга», хорошо знакомой со «светом». Обрисованные выше биографические основы послужили причиной все возрастающего в своей интенсивности страха. Она ничего не могла предпринять без матери, не могла больше выходить из дома одна. У нее возник невроз страха, который проявлялся в бурных соматических симптомах — сердцебиении, головокружении и нарушении сна, вследствие чего она вместе с матерью обращалась то к одному, то к другому врачу. Счета за медицинские услуги приходили к отцу, который вскоре стал отказываться от их оплаты. По существу, страх защищал ее от реальности, от необходимости на основании знаний о происходящем принимать решения, от вопросов, которые ставила перед ней жизнь, а сверхзадачей ее детски-незрелого поведения была попытка переложить на других необходимые для жизни решения. У нее было оправдание: ведь она была больна. Невроз страха имел следующие функции: она использовала мать как защиту и амортизатор при взаимоотношениях с внешним миром; страх удерживал ее от разочарований, связанных с множеством желаний и фантазий, которые она не могла реализовать, благодаря страху она мстила родителям, и у нее было

«леги-тимное оправдание» того, что ее могут не любить окружающие. Естественно, приведенный пример несколько упрощает ситуацию и ограничивает ее временными рамками, представляя лишь один из многочисленных вариантов обуславливающей истерическое развитие среды, однако на основании этого примера можно сделать несколько обобщающих выводов, типичных для распознавания истерического процесса: трудные супружеские взаимоотношения между родителями, в которые единственный ребенок в семье был втянут несоответствующим ее возрасту образом; дефицит истинного руководства и специфичного для данного пола образца поведения; среда, полная противоречий, с недостаточностью здоровых возможностей для ориентирования в мире; длительная привязанность к одному из родителей; недостаток основательных знаний и умений, ложные и обольстительные ожидания, связанные со смутными представлениями о будущем; вытекающая из всего этого крайне неудовлетворительная самоидентификация. Фрейлейн Р., по существу, ничего не знала о действительности, кроме мира отца и ограниченной, но полной тепла заботы матери. В каком мире должна была существовать она сама? Она хотела бы стать дамой большого света, но как это сделать? Или быть такой, как мать, но как это непривлекательно и скучно! И что она будет делать, если мать вдруг умрет? Она даже не могла представить себе, как можно самой себя содержать, хотя доставляла мучения матери и использовала ее, не считаясь с ее возрастом. Безвыходность взаимосвязи этих двух женщин состояла в том, что они нуждались друг в друге тем больше, чем больше хотели избавиться друг от друга. Взросление одной усиливало защитные симптомы невроза у другой; и как только обе пытались сделать какие-либо шаги, чтобы избавиться от роковой взаимозависимости, возникал страх. Заболевание дочери является сигналом тревоги со стороны здоровой части ее психики, что долго так продолжаться не может.

Ульрика была у родителей третьим ребенком после рождения двух сестер. Старшие сестры должны были ухаживать за младшей. Они уже вышли из детского возраста, были разочарованы рождением младшей сестры и выполняли требования родителей неохотно, уделяя мало внимания ее воспитанию. Они кричали на Ули, одевали ее в одежду, соответствующую более раннему возрасту, коротко стригли, уверяя ее и себя в том, что она выглядит моложе своих лет и таким образом, с общего согласия, побуждая ее к послушанию и к тому, чтобы она вела себя, как маленькая. Она играла только с младшими, старалась им подражать и гордилась тем, что ее

принимали за маленькую. В период пубертата она была разочарована появлением у нее вторичных половых признаков; месячные возникли у нее с отставанием от сверстниц. Повзрослев, она представляла собой своеобразный, напоминающий мальчика, тип девушки с оригинальным шармом, находившим отклик у мужчин. Так как она до того предпочитала дружить с мальчиками, для нее само собой подразумевалось, что предпринимать путешествия в субботу и воскресенье следует с мужчинами. В связи с этим ее возмущало и приводило в ужас, когда мужчины приставали к ней. Она не принимала их домогательств и давала им жесткий отпор. Отец любил свою дочь и боготворил ее. Он был изобретателем, и семья ждала от него «великих открытий». Поскольку это ему не удавалось, все жалели «бедного папу», который был так одарен, но не оценен в мире. Ульрика в школе при недостаточной исполнительности достигла определенных успехов; кроме того, она проявила настоящий драматический талант. Узнав об этом, отец неожиданно попытался реализовать свои несбывшиеся честолюбивые стремления через дочь: она должна стать актрисой! Она получила соответствующую подготовку — к ее счастью или несчастью, на такой типаж

имелся спрос — и благодаря этому получила свою первую большую роль. Затем ролей для нее больше не находилось. Отец писал множество писем, в которые вкладывал многочисленные фотографии и преувеличенно-восторженные описания ее таланта, и рассылал их в различные эстрадные и артистические агентства. Ее приглашали в разные места, однако, не будучи очень талантливой, она вдвойне затруднялась принять решение после непомерных расхваливаний отца и боязни не оправдать его ожидания — и отказывалась. Тем временем, не надеясь на артистическую карьеру, она пыталась найти себе другую работу, но из-за недостатка подготовки нуждалась в посторонней помощи и, разочарованная, вскоре после испытательного срока прекращала работу. В 25 лет она была направлена на психотерапевтическое лечение в связи с состояниями страха (агорафобия) — она не могла выходить из дома и стала неработоспособной. В этом нашли отражение ее дезадаптация и беспомощность. Данный пример характерен сложностями в освоении женской роли и теми затруднениями, которые испытывал ребенок, чьи представления и желания навеяны родительскими надеждами и намерениями без достаточных оснований.

- **Дополнительные соображения**

Истерические личности живут в псевдореальности, и мы можем выявить это в различных областях. Вопрос подлинности представляет для них центральную проблему, так как является внутренним отражением их бегства от реальности в «роль». Религия воспринимается ими легко, при этом вера для них необязательна и они посещают церковь из чистого прагматизма, потому что так принято. Для них показное важнее истинного, им достаточно соблюдать внешнюю форму. Мысль о том, что раскаяние и исповедь избавляют от грехов и поэтому можно снова стать невинным, как новорожденный, кажется им прекрасной. Для них характерно представление о своем, персональном Боге, который в их понимании является любящим отцом, который иногда дает указания. Они во многом остаются по-детски незрелыми, наивными и верящими в чудеса, обольщаются различными предсказаниями и обещаниями выздоровления. Они готовы оказать помощь другим, если это не требует какого-либо напряжения и серьезных усилий с их стороны. Они становятся приверженцами различных сект, удовлетворяющих их потребности в сенсациях. Как пациенты психотерапевта они отдают предпочтение гипнозу, который в мгновение ока разрешает их трудности без приложения их собственных усилий. Касательно этики они имеют сходные наивно-необязательные установки. Возможность найти «козла отпущения» и свалить свою вину на другого используется ими очень широко. Из-за того, что им не свойственны самостоятельность суждений и самокритика, они редко учатся на своих ошибках. В какой-то степени истерическая конституция свойственна всем людям как проявление частичной фиксации на ранних фазах развития с новыми для данной личности задачами и страхами. Об этом напоминают нам подобные детским процессы проецирования собственных или коллективных недостатков и чувства вины на других, что может приобретать большое значение. Здесь особенно хорошо работает проекция по типу «поиска врага», так как враги способствуют уменьшению или снятию собственной вины. Каждый народ, религиозная община и раса проявляют тенденцию проецировать на других то, что они признают неподходящим для себя. Бессовестные властители раздувают эту готовность к проекции и используют ее в политических и идеологических целях. Такая неконтролируемая тенденция является ничем иным, как психодинамической основой разжигания и окончательного развязывания войн, расовой ненависти и религиозной вражды. Стремление освободиться от прошлого,

отягощенного чувством вины, есть всеобщая человеческая потребность. В противоположность депрессивным личностям, склонным винить во всем себя, истерики забывают или отрицают свою вину. Своеобразие не мецкого языка состоит в обозначении преступления (проступка) как чего-то временного (vergehen — «проходить», sichvergehen gegen — «нарушать законы», das Vergehen — «проступок, преступление»). Не означает ли это в нравственном смысле преходящий характер наших поступков? Во всяком случае, для истериков такое истолкование весьма приемлемо. Как родители и воспитатели личности с истерическим развитием отличаются восторженностью и увлеченностью, они обладают большой суггестивной силой, что придает их детям чувство того, что жизнь прекрасна и бесценна. В своих эмоциональных симпатиях они скорее спонтанны, чем гармоничны. Дети считают, что родители любят их, гордятся и восторгаются ими; родительский дом отличается атмосферой гостеприимства, дети, по крайней мере до той поры, пока они не распознают того, что таится за внешне благополучным фасадом, считают, что многие им завидуют. При истерической структуре личности родителей трудности заключаются в недостатке последовательности в воспитании; баловство и запреты резко сменяют друг друга, что затрудняет для ребенка ориентацию в окружающем. Он не знает, с какими замечаниями он должен считаться, ибо поведение взрослых больше обусловлено настроением, а не объективными факторами. Они вовлекают детей в атмосферу «апрельского климата», что хаотизирует их и вызывает у них неуверенность. Часто такие родители пробуждают в детях ложные или несбыточные ожидания. Когда они проявляют недовольство ребенком или запрещают ему что-либо, то одновременно дают неопределенное обещание исполнить его желания в бу-

душем, «когда ты станешь немного старше»; их отказы и запреты не сопровождаются необходимыми разъяснениями и непонятны для ребенка; каждый отказ или запрет в таких случаях связан для ребенка с ожиданием вознаграждения. Они пробуждают в детях опасные ожидания удивительного, сказочного будущего, поддерживают в них иллюзорные желания и представления вместо того, чтобы направлять их на реальное восприятие действительности. Они не дают детям правильного руководства и умений для дальнейшего жизненного пути, благоразумных наставлений и необходимого опыта, и позже это приводит к жизненным разочарованиям. С одной стороны, они привязывают к себе ребенка, с другой — внезапно отталкивают его от себя. Когда им предъявляют претензии, они ссылаются на жизненные трудности и призывают к ответственности, когда требуется понимание проблем ребенка, они оставляют его одного, не понимая, что доброе слово, сказанное вовремя, стоит больше последующих клятв в любви. Они не переносят, когда их критикуют дети, принимая это как личную обиду и лишь увеличивая тем самым число совершаемых ими ошибок. В отличие от лиц с навязчивым развитием, они действуют руководствуясь не претензиями на власть и собственную непогрешимость, а тщеславием и уязвленным самолюбием. Если они призывают детей к ответу, то при этом говорят не столько о проступке ребенка, сколько о том, как они жертвуют собой ради ребенка, как о нем заботятся, так что дети испытывают вину за свою неблагодарность. Опасной является их склонность воспитывать в детях демонстративность: дети должны все делать для

того, чтобы прославить родителей, и не вправе разочаровывать их даже тогда, когда их лишают родительской любви. При этом возрастает опасность того, что ребенок начнет злоупотреблять навязанной ему ролью. Отчасти это связано с тем, что ребенок

начинает злоупотреблять впечатлением, которое он производит, а также заменяет собственные неудовлетворенные желания выполнением желаний других (при этом я вспоминаю приведенный выше пример с манекенщицей). В политике истерические личности охотно представляют либеральные или революционные партии не в последнюю очередь из-за жажды сенсаций, а также в связи с некоторой неудовлетворенностью и неопределенными ожиданиями будущего. Они, однако, отнюдь не такие жестокие и бескомпромиссные революционеры, как шизоиды. Истерики иногда очень наивно верят в прогресс, надеясь, что новое уже тем хорошо, что оно отличается от настоящего. Этим они отличаются от лиц с навязчивым развитием, которые держатся за старое только потому, что оно известно и апробировано. Таким политиком истерического формата, по представлению Андре Моруа, был Бенджа-мин Дизраэли. Будучи политиками, они являются также вдохновенными, увлекающимися ораторами, которые много и охотно обещают своим слушателям. Среди них часто встречаются натуры, склонные к лидерству, имеющие новые подходы и намечающие новые пути, но пренебрегающие рутинной, мелочной работой для претворения в жизнь своих идей. Они могут соблазнять и свращать своих избирателей, используя их для выполнения своих тайных желаний. В основе этих «высоких игр» лежит принцип «после нас хоть потоп». Они не жалеют о том, что произошло, часто напоминая игроков, ставящих ва-банк. Рискуя, они не разочаровываются при проигрыше и все начинают сначала, напоминая «ваньку-встаньку». В социальных областях им подходят все профессии, которые требуют персонифицированного отношения, гибкого реагирования, мгновенной оценки ситуации, маневренности, умения наладить доброжелательные контакты, способности приспособиться к быстро меняющимся обстоятельствам — короче говоря, они предупредительны и любезны там, где могут быть быстро реализованы их желания. Сюда относятся все виды деятельности, где они могут представлять, где сан и звание предпочтительнее должности, так как символизируют почет и награды; причем они идентифицируют себя с высоким саном и званием. При этом сан и должность для них связаны не столько с исполнением обязанностей и долгом, как у навязчивых личностей, сколько с теми возможностями, которые могут возвысить их личность и сделать ее блистательной. Особенно их привлекают ордена и титулы. Им подходит любая деятельность, при которой их способность к установлению контактов и потребность в межчеловеческих отношениях соответствуют задаче удивить и обрадовать публику. Будучи представителями фирмы или продавцами, они обладают большой силой внушения и сбывают покупателю залежалый товар, представляя это как необыкновенно удачную покупку и заставляя покупателя приобрести, к примеру, галстук, как будто это главная часть одежды. Они всегда занимают то место, где могут поразить окружающих своей привлекательностью, пред-

ставительностью, ловкостью и показной целеустремленностью. Их привлекают все профессии, которые соответствуют их неопределенным упованиям на то, чтобы попасть в высший свет, и которым сопутствует реклама и упоминания об их достоинствах: фотомодели, манекенщицы, мастера по украшениям и украшательству, организаторы гостиничного обслуживания — все это подходящие для истериков занятия. В своей работе они проявляют больше персональных, чем деловых качеств, и там, где их личные качества востребованы, они справляются со своими обязанностями. При соответствующей одаренности они могут сублимировать в искусство, прежде всего изобразительное и хореографическое, свои задатки и свойства, свои фантазии и желания, силу своего воображения, способность к самовыражению и радость от перевоплощения. Старость и смерть, в конечном итоге, являются неизбежной реальностью нашей жизни, которую мы не можем отодвинуть надолго. Из-за неумения воспринимать реальность и склонять голову перед необходимостью истерические личности склонны как можно более длительное время закрывать глаза на эту реальность. Старость и смерть совершенно естественны, от них нельзя уклониться — с этим они согласны, но относят, по преимуществу, к другим, а не к самим себе. В связи с этим они пытаются, по возможности, поддерживать иллюзию вечной молодости и считают, что перед ними простирается безграничное будущее, богатое неожиданными возможностями. Особенно чувствительны они к тем методикам и практическим советам, которые соответствуют их стремле-

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

нию остаться молодыми, и к учениям, касающимся продолжения жизни после смерти и дальнейшего существования их личности. Наиболее частым следствием их попыток ускользнуть от собственной смерти является несвоевременное составление завещания и беспорядок в делах, что часто приводит к хаосу. В старости под давлением приближающейся смерти у них нередко наступает внезапное, кажущееся радикальным изменение поведения, напоминающее о выражении «Junge Hure, alte Betschwester» («В юности — блудница, в старости — святоша»). Правда, при глубоком рассмотрении оказывается, что такие изменения вряд ли подлинны. Они с трудом понимают достоинства и преимущества возраста и к тому же имеют способность переосмысливать свое прошлое и жить воспоминаниями, реконструируя их желательным для себя образом — так, чтобы играть в них главную роль. Некоторые из них, однако, находят в себе силы придать своему уходу с жизненной сцены характер впечатляющего зрелища величия смерти. Искусство во всех его формах является преимущественным увлечением истерических личностей. Их творчество, несомненно, носит черты их личности. Иногда они склонны к настоящему эксгибиционизму; они пишут прекрасные письма и автобиографии, в которых с пылкостью приукрашают себя. Красочность, оригинальность и живость являются их сильными сторонами. Формальная сторона дела для них часто не имеет значения. Им свойственно грезить наяву, что может представлять для них угрозу, так как их фантазии не находят применения в реальной жизни. Скорее напротив. Мир фантазий и желаний отдаляет их от действительности, и только деятели искус-

ства в своем творчестве стремятся изобразить этот мир и тем установить связь с реальностью. Сновидения истериков, отражая их структурно-специфическую проблематику, представляют часто наивную форму исполнения желаний и носят в чем-то иллюзионистский характер, поскольку в них происходит пренебрежение законами реальности, так что они близки к сказкам. Потенциальное разрешение существующих проблем реализуется во сне — спасаясь от безысходной ситуации, здесь можно улететь или, обретя магические способности, внезапно погрузиться в воду и избежать катастрофы. Вытесненный в глубины подсознания страх нередко выявляется в сновидениях, когда земля внезапно проваливается под ногами или человек вдруг оказывается перед пропастью (ситуация, отраженная в картине, изображающей всадника на дне моря). Их сны большей частью цветные, подвижные, полные событий; многие из них запоминаются. Достаточно часто во сне решаются сложные задачи, державшие долгое время в напряжении или возлагавшиеся ранее на других. Попытка определить линию возрастания истерических личностных особенностей от здоровых людей с отдельными истерическими чертами характера до легких и тяжелых расстройств этой структуры дает следующие градации: жизнерадостно-импульсивные, эгоистичные и напористые — люди с нарциссическими потребностями к самоутверждению и желанием быть в центре внимания — лица с чрезмерной напористостью и влечением к контактам — папенькины доченьки и маменькины сыночки, которые никак не могут оторваться от «семейного романа» — истерическая лживость — театральность и бегство от реаль-

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

ности вплоть до афер — «вечные подростки» — лица без четкой женской или мужской личностной структуры, не воспринявшие своей половой роли, нередко с гомосексуальными склонностями — так называемые «кастраты»: женщины с деструктивными тенденциями мужененавистничества и мужчины типа «дон-жуанов», чье поведение определяется жадой мести женщинам — фобии — тяжелые истерические картины болезни с психотической и соматической симптоматикой, которая не может быть связана с поражением каких-либо органов или систем — лица с предпочтительно экстремальными проявлениями (признаки истерического паралича). Здоровые люди с истерическими чертами в личностной структуре с радостью идут на риск, предприимчивы, всегда готовы к восприятию нового; они гибки, пластичны, жизнерадостны, блестящи, увлекают других своим жизнелюбием и спонтанностью, готовы все испытать и склонны к импровизации. Они заводили в компаниях, никогда не скучают, им всегда «чего-то не хватает», они любят все начинания и полны оптимистических ожиданий и представлений о жизни. Каждое начало содержит для них все шансы на успех, таит в себе волшебство, как упомянуто в эпиграфе к этой главе. Они во все привносят движение, сотрясают застоялые, устаревшие догмы, преодолевая их с помощью большой силы убеждения и сознательно используя свою привлекательность. Они ничего не воспринимают серьезно, за исключением, быть может, самих себя, потому что «Я» для них — единственная реальность в жизни. Им свойственны сильные импульсы самоутверждения, и они более способны вносить в ситуацию динамическое начало,

нежели терпеливо, планомерно и выносливо добиваться результата. Однако именно их нетерпеливость, их любопытство и неотягощенность прошлым иногда дают им шанс видеть и охватывать то, что недоступно другим, и тем самым расширять границы нашего познания и наших возможностей. Они смотрят на жизнь с отвагой и своенравием авантюристов, и смысл жизни для них заключается в том, чтобы она была богатой, интенсивной и изобильной.

Если ты познаешь других, то будешь ценить каждого, простишь его и избавишься от гордыни и высокомерия.

Хафиз

Четыре основных формы страха ставят перед нами общечеловеческие проблемы, которые все мы вынуждены разрешать. Каждый из нас встречается со страхом перед самоотдачей в его различных формах, которые, в общем, являются ощущением угрозы нашему существованию, нашему личностному пространству или целостности нашей личности. Каждая попытка открыть душу, довериться другому, каждая симпатия и любовь таят в себе угрозу, так как делают нас ранимыми и менее защищенными, как будто мы отдаем другому

частицу нас самих. Поэтому всякий страх перед самоотдачей, самоотвержением связан со страхом утраты собственного «Я». Каждый встречается также со страхом перед становлением «Я», перед индивидуализацией, который в разнообразных формах встречается как общеизвестный страх одиночества. Процесс индивидуализации означает попытку спастись от поглощающей всеобщности и возвыситься над нею. Чем больше мы существуем сами по себе, тем больше отдаляемся от других и тем больше индивидууму угрожает изоляция. Каждый встречается также со страхом перед преходящим характером нашего существования, перед неизбежностью приближающегося конца и его внезапностью. Чем больше мы держимся за жизнь и пытаемся сохранить ее, тем больше расширяется этот страх, принимающий разнообразные формы всеобщего страха перед переменами. И наконец, каждый из нас встречается со страхом перед необходимостью, перед суровостью и строгостью окончательного, который при всем разнообразии форм является общим страхом перед неуклонностью законов и сложившихся установок. Чем больше мы стремимся к неограниченной свободе, тем больше страшимся, последовательности и реальности с ее определенными границами. Таковы основополагающие страхи нашего существования, столь важные для нашего зрелого развития, которые нельзя миновать и которые мстят нам за наши попытки их уменьшить или обойтись множеством маленьких банальных страхов. Эти невротические страхи могут быть практически преодолены, и, в конечном счете, от них можно избавиться тогда, ког-

да мы проанализируем и узнаем, какой же страх лежит в их основе. Невротические страхи исполняют функцию замещения и обезвреживания, и вместе с тем они карикатурно искажают основной страх существования (экзистенциальный страх). При этом невротические страхи мучительны, они угнетают личность и кажутся лишенными смысла. Мы должны рассматривать их как сигнал тревоги, как указание на то, что наш образ жизни в чем-то неправилен и что в замещенном, скрытом от сознания страхе кроется что-то, что необходимо истолковать. Встреча с большим (экзистенциальным) страхом является одним из аспектов духовной зрелости; перенос его на замещающие невротические страхи не только тормозит или парализует нашу деятельность, но и отвлекает от разрешения важнейших задач нашей жизни, свидетельствующих о нашей принадлежности к человечеству. Таким образом, страх в описанных основных формах имеет важное значение: он не только является одним из способов уберечься от зла, но служит фактором нашего интеллектуального развития. Пережив и преодолев большой страх, мы всегда предъявляем новые требования к жизни; в восприятии страха и попытке его преодолеть выявляются новые возможности каждого человека. Преодоление страха — это победа, которая делает нас сильнее, каждое уклонение от борьбы — это поражение, ослабляющее и уязвляющее нас. Из биографических примеров мы видим, что наш страх имеет предысторию и историю развития. Размеры, интенсивность и объекты страха взрослых всегда являются видоизменением наших детских страхов. Человек со счастливым, полноценным детством, если

он не сталкивается с исключительными, меняющими его участь факторами, в состоянии переработать страх, который является для него не источником заболевания, а стабильным фундаментом личности. Если кто-то подавляет соответствующие раннему детскому возрасту страхи и психологические трудности или окружающие не оказывают ребенку, испытывающему эти страхи, должной помощи, в более позднем возрасте такой страх переживается как более травмирующий и подавляющий личность, так как он активизируется старыми, непереработанными страхами из прошлого данной личности. Эти соображения могут помочь при проведении различных форм психотерапии. Помощь возможна даже при тяжелых, непереносимых страхах, масштаб которых не может быть осмыслен, если мы не попытаемся понять их как повторение детских страхов, оставленных без соответствующей поддержки. И тогда мы вновь получим силы, которых не доставало, для того чтобы обрести доверие, надежду, понимание и мужество. Когда Рильке однажды сказал о людях: «Стремись вновь познать свое детство, и тогда неосознанное и удивительное богатство, заложенное в полном предчувствий, темном и бесконечном начале жизни, пополнит твой лексикон», — это были по-настоящему исполненные глубокого смысла слова. Но, к сожалению, такое встречается нечасто: начало жизни больше темно, чем богато, больше тягостно, чем полно предчувствий, больше расстраивает, чем одаривает чудом. Однако в таких случаях можно получить психологическую помощь, которая заключается в психотерапевтическом процессе обратного развертывания прошлого с целью

переосмысления и переработки для освобождения от повреждений, полученных в процессе искажения детского развития. Взаимная встреча нашей предрасположенности с внешним миром в том широком смысле, какой мы вкладываем в постнатальные средовые факторы, и есть то, что мы называем нашей судьбой или участью. Эта наша судьба начинает формироваться с детства и ведет свое начало от него как от первоначальной матрицы, с которой начинается развитие жизни. Однако именно психотерапия имеет возможность многое из того, что мы ранее воспринимали как нашу участь, расценить как следствие вредного воздействия окружающей среды, с тем чтобы, переосмыслив и оценив эти патогенные воздействия, улучшить нашу жизнь. Важно знать, что раннее воздействие каждого общества имеет решающее значение для формирования личности. Пренебрежение средовыми факторами или их недооценка особенно недопустимы в связи с тем, что для раннего детского возраста родители являются главными персонами, которые не только обслуживают ребенка, но и осуществляют его связь с внешним миром. Социопсихологическое воздействие на ребенка вначале косвенным образом оказывают его родители — своими социальными установками, авторитетом, работой, отношением к религии, сексу и т. д., поэтому неправильное или ошибочное поведение родителей всегда выявляется в образцах социальной критики, которые с той или иной степенью сдержанности передают детям родители как представители определенного общества, определенной культуры, определенного общественного класса и определенной идеологии. С другой стороны, общество, государство и т. д. должны анализировать четыре основные формы

страха, и их ответ, нередко оскорбительный, зависит от господствующей идеологии. С четырьмя основными формами страха, с его четырьмя импульсами или требованиями связаны всеобщие, имеющие силу закона и принципиальные суждения, которыми нельзя пренебречь и которые от нас несутся к нашей экзистенции. В связи с этим представляется, что мы всегда имеем четыре принципиальные возможности ответа на жизненную ситуацию, на межлические отношения, задачи или требования, которые мы регулируем одним из четырех способов: мы можем их распознать и от них дистанцироваться; мы можем с ними охотно идентифицироваться; мы можем их воспринимать как закономерность или, в соответствии с нашими желаниями, пытаться их преобразовать. Каждая важная задача, каждое решение, каждая серьезная встреча между людьми, каждое происшествие, имеющее для них судьбоносное значение, потенциально содержит в себе все четыре изложенных выше возможности. Они используются в зависимости от ситуации и нашей предрасположенности. Наши решения, по крайней мере, включают в себя эти возможности и несут в себе черты нашей биографии, наших жизненных установок. Однако не только это — часто межлические отношения требуют от нас практически одновременного взаимодействия и применения всех четырех импульсов. Возьмем для примера процесс воспитания и обучения: он требует от воспитателя терпеливого, иногда изнурительного соблюдения дистанции, которое не обходимо для того, чтобы ребенок осознал и отстоял свою самостоятельность; при этом требуется также любящее отношение к ребенку, для того чтобы он доверял воспитателю и чувствовал, что его понимают.

Воспитателю необходимо проявлять и здоровую жесткость и последовательность, чтобы приучить ребенка к порядку, а также доверие и уважение к самостоятельности ребенка, стремясь влиять на его желания и избегать при этом отчуждения. Такая точность и полнота реагирования ограничена нашими возможностями, так как людям свойственны несовершенство и неточность. Представляется, однако, важным, чтобы индивидуальная ограниченность не затрудняла способность воспринимать всеобщее. Каждый из нас имеет в качестве основы природную сомато-психическую конституцию, среду, оказывающую на нас влияние, индивидуальный опыт и приобретенные способы поведения, свою жизненную историю, которые формируют характер, индивидуальные возможности и границы своего несовершенства и своей односторонности. Каждый из нас пытается утвердить свои границы и свою единичность и по возможности плодотворно ими пользоваться, так как знает, что всеобщность для него недоступна. Каждый из нас демонстрирует преобладание одной из четырех установок, проявляющееся в одном из четырех видов импульсов, в котором он наиболее совершенен. Другие стремятся присоединиться к всеобщности, потому что знают, что совершенство недостижимо и что наиболее плодотворная реализация собственных способностей возможна лишь вовне. Они отказываются в большинстве своих проявлений от тех возможностей, которые заключаются в последовательном совершенствовании того, что заключено в их собственных границах, и стремятся интегрироваться с чуждым и отдаленным от них существованием, тем самым обновляясь и совершенствуясь. Совершенство и полнота существования являются

недостижимым человеческим идеалом, к которому мы стремимся приблизиться. Четыре основных стремления имеют прикладной характер: мы всегда пытаемся остаться верными самим себе, защитить нашу индивидуальность, уменьшить зависимость, расширить свои знания, понять окружающий мир и по возможности избавиться от страха. Мы всегда пытаемся сделать свое «Я» более свободным, устанавливая межчеловеческие связи в форме чуткой любви и самоотдачи, в расширяющей наши пределы трансцендентирующей самоотверженности и озабоченности. Мы всегда пытаемся все, что кажется нам истинным, добрым и желанным, признать вечным, мы используем эти признанные нами ценности для противостояния кратковременным, изменяющимся влияниям, которые хотят разрушить или поколебать эти ценности, пытаемся придерживаться тех закономерностей и того порядка, которые считаем необходимыми, и защищаем их. И, наконец, мы хотим свободы, которая утверждает постоянную изменчивость жизни и аполлонийский или дионисийский образ жизни в противоположность тем желаниям, которые направлены на отстаивание совершенства и страшатся перемен; оба эти стремления пребывают в нашей душе. И мы всегда хотим, как шизоиды, которые боятся утраты собственного «Я», отстраниться от чрезмерной близости человеческих контактов, как депрессивные, из страха перед отделением и одиночеством, — оставаться зависимыми, как личности с навязчивыми идеями, из страха перед переменами и преходящим, — цепляться за привычное и, наконец, как истерики — стремиться к передовому из страха перед необходи-

мостью и окончательностью и в попытке их предотвратить. Все это приводит каждого из нас к уклонению от тех или иных требований жизни, что делает наши человеческие качества фрагментарными. Это также означает, что две противоположные личностные структуры инстинктивно привлекают, оказывают влияние и дополняют друг друга. Так и в гипнотическом воздействии нас привлекает тот факт, что оно активизирует то, что мы в себе предчувствуем, но не можем реализовать, и подавляет то, что требуется изжить или преодолеть. Представляется, что противоположный по структуре личностный тип привлекает нас возможностью установления целостности, расширения нашей индивидуальной ограниченности и односторонности, что составляет важную часть полового очарования. В этом смысле поддерживают, взаимодополняют и привлекают друг друга, с одной стороны, шизоиды и конституционально депрессивные, и с другой — лица с навязчивым развитием и истерические личности. Быть может, здесь действует бессознательное влечение к взаимному дополнению, выражающееся в желании найти партнера, в котором есть то, чего нам недостает? Или в таком соединении мы видим возможность освободиться от оков роковой структурной определенности нашей личности? В любом случае, в антиномической привлекательности противоположных типов заключается шанс на такое дополнение. Однако теперь, когда мы готовы воспринять существование другого и хотим его по-настоящему понять, мы надеемся этого «другого» открыть и развить в себе самом. Правда, в реальной жизни, по большей части, все выглядит иначе: каждый пытается привлечь другого на свою сторону, сделать его, по возможности,

похожим на себя самого, что приводит не к творческому взаимодействию, но к ожесточенной борьбе друг с другом. Или возникает безнадежное непонимание другого в связи с нашей неготовностью переучиваться или стремлением оценивать поведение другого по собственному масштабу, что для другого не приемлемо. Взаимная инстинктивная привлекательность шизоидных и депрессивных партнеров имеет следующие основания: шизоиды чувствуют готовность любить и способность к любви депрессивных личностей, их жертвенность, их сочувственную заботливость и их умение знать свое место. В общем, они чувствуют, что им представляется шанс освободиться от изолированности, возможность с помощью партнера испытать то, чего не было в его жизни ранее, — чувство доверия и взаимной поддержки. Так устанавливается то как будто гипнотическое притяжение, которое чувствуют шизоиды по отношению к депрессивным личностям и благодаря которому они готовы сосуществовать с ними, не изменяя при этом собственных привычек и собственного развития. С другой стороны, шизоиды очаровывают и притягивают к себе депрессивных личностей тем, что они живут таким образом, на который депрессивные личности не могут отважиться: при всех обстоятельствах они остаются индивидуалами без страха утраты и чувства вины. Одновременно они чувствуют, что в шизоидах найдут именно то, чего жаждет их готовность любить. Сколь значительны могут быть их неудачи, мы видели из приведенных выше примеров. Когда шизоиды чувствуют, что депрессивные личности требуют от них слишком больших эмоциональных усилий («присасываются к ним»), у них усиливается и консолидируется

центральный страх — страх перед зависимостью. Когда депрессивные личности чувствуют усиленное стремление шизоидов к независимости, то это усиливает и консолидирует их центральный страх утраты. Все это обостряет их защитное поведение в нескончаемом, трагическом взаимном непонимании. Таким же образом личностей с навязчивым развитием притягивает и гипнотизирует яркость, красочность, рискованность, общительность и новизна противоположного им истерического типа, так как они чувствуют, что чрезмерная привязанность ко всему привычному из соображений надежности и безопасности делает их ограниченными. И, соответственно, как мы уже упоминали, личностей, стоящих на истерической линии развития, привлекает противоположный личностный тип с его стабильностью, солидностью, последовательностью и надежностью, с его жизненной упорядоченностью, которых им так недостает. Однако на этом пути могут встречаться трагические противоречия и непонимание, которые вызывают специфические для данного личностного типа страхи. Так, лица с навязчивым развитием с присущими им основательностью, педантизмом и придирчивостью, со своим неуступчивым упрямством, претензией на власть и склонностью к насилию усиливают у партнера истерические черты до такой степени, что у того создается впечатление, будто ему нечем дышать. У корректных, трезвых и основательных партнеров с навязчивостями истерическое поведение вызывает и консолидирует основной страх перед переменами, и они стремятся удержать истерического партнера в запрограммированной, ограниченной установками жизни, без блеска и перемен, без импровизаций и расслабления при слабом свете по-

вседневное™, требуя при этом соблюдения бережливости из-за боязни избалованности партнера. У истерических партнеров вследствие определенности и законопослушности личностей с навязчивостями усиливается центральный страх с возбудимостью и обеспокоенностью, однако вследствие своей нелогичности и непоследовательности они непостижимым образом не оставляют своих партнеров, а лишь усиливают свои претензии к ним, что, в свою очередь, увеличивает строгость и требовательность партнеров с навязчивостями. Тем не менее, они живут бок о бок друг с другом и используют шансы для интегрирования дополняющих их свойств партнера. В обоих случаях помощь может состоять в том, чтобы всерьез воспринимать просьбы каждого из партнеров и не ужесточать взаимоотношения, исходя из связанного с собственной личностной структурой страха. Однако при экстремальном развитии противоположных личностных черт (у партнера) это вряд ли достижимо в связи с тем, что они должны отгородиться друг от друга, и прежняя волшебная притягательность противоположного типа сменяется беспокойством и отчуждением. В этом аспекте наши знания о четырех основных жизненных позициях и четырех основных формах страха могут быть полезны в оказании помощи как в партнерских отношениях, так и в межчеловеческих контактах. Различные исторические периоды, культуры, социальные структуры, коллективные условия жизни, соответствующие данному времени идеологии и ценности, этические, религиозные, политические и хозяйственные установки оцениваются в зависимости от преобладания каждого из четырех основных видов страха, той или иной личностной структуры. Мы

можем рассматривать каждую эпоху в зависимости от доминирования в ней одного из четырех структурных типов личности, который имеет в данной системе наиболее благоприятные условия для своего развития, так как уже в детском возрасте определяются установки, в соответствии с которыми определенные характеры и личностные структуры определяются как плохие и отвергаются, не получая положительной коллективной оценки. Крестьянско-оседлая культура благоприятствовала развитию защитных процессов и ориентации на традиции, неизменный и передаваемый опыт, безопасность, собственность и ее незыблемость, т. е. на такие качества, которые мы описали у личностей с навязчивым развитием. Процесс образования городов и индустриализация, которые мы переживаем в настоящее время, лишают нас многих естественных условий, требуют большого объема бездуховной деятельности, угрожают такими массовыми процессами, как лишение корней, что приводит к шизоидизации в смысле описанной выше утраты связей, пренебрежения духовностью, поддержкой технократии, которая становится все более могущественной. Это очень важно для нас, так как подчеркивает позитивный аспект шизоидных личностей, а именно их стремление к индивидуализации не только как изолированной самореализации и эгоцентрического одиночества, но и как задачу сохранения своей целостности, т. е. служит противостоящей духу времени установке на осознание своей эмоциональной и человеческой целостности. Патриархат с типичными для него процессами абсолютизации силы и авторитета, с его привязанностью к традициям и организационным формам, вы-

ражающим господство лиц с навязчивой структурой личности, приближается к своему концу, так как лишен органической жизненной основы, заложенной в крестьянской культуре, использующей не только власть сильнейшего, но также подавление слабых и использование зависимых. Одновременно с разрушением основ патриархата консолидируется противоположный полюс, который в экстремальных формах представляет антиавторитарного образования, сопровождается сексуальной революцией и освобождением от табу и в позитивном смысле сопровождается поиском новых форм проявления свободы. Это усиливает присутствующие в любом коллективе стремления к дополнению друг друга, выравниванию болезненной односторонности, сознательному регулированию собственных психических процессов, которые раньше ритмически сменялись прорывом привычного сдерживания с экстремальными формами поведения. Можно установить несомненную связь между четырьмя формами существования в мире так же, как между четырьмя основными импульсами и биологическими процессами. После упоминавшихся ранних фаз развития в юности обычно преобладают центробежные оптимистические чувства, и мы воспринимаем мир и самих себя исполненными возможностями. Перед нами лежит будущее, и мы представляем себе жизнь, полную надежд и счастливых приключений. В так называемые «лучшие годы» нарастает склонность к достижению стабильности, преобладают центростремительные силы со склонностью к определенному ограничению жизненных установок, мы соразмеряем наши силы с нашими возможностями к овладению определенными областями жизни. К нам приходит самореализация в профессиональной обла-

сти, партнерских отношениях, осуществлении родительских обязанностей. Миновав середину жизни, мы переживаем много дальнейших изменений; желание реализации своих возможностей, которые не связаны с повседневными обязанностями и требованиями, усиливается. При возрастающем самозабвении нам нравится освобождение от оков собственного «Я», вопросы о смысле жизни приобретают новые формы, появляются новые метафизико-трансцендентные потребности; мы постепенно обучаемся освобождению от самих себя, воспринимаем преходящее как относящееся к нам самим. И, наконец, в старости, в предчувствии приближающейся смерти, мы встречаемся с одиночеством в новой для нас форме, воспринимаем его как свое последнее одиночество. С другой стороны, в нас усиливается чувство принадлежности ко всему человечеству, ощущение того, что мы являемся частью целого, всеобщего. В немецком языке это выражается словом «all-ein» (all — «весь», ein — «один»), что означает как изолированность нашего существования, так и его принадлежность к всеобщему. Естественно, что эти возрастные сопоставления в данном случае несколько акцентированы, однако мы считаем, что в них выражены законы жизни. Попытаемся расширить эти рассуждения. Как только нам в середине жизни кажется, что мы преодолели соответствующие страхи, переживая заново на новом уровне ранние фазы нашего развития, перед нами открывается новая реальность, состоящая в том, что предстоящее нам будущее ограничено, что мы не можем во всей полноте использовать свои возможности. В связи с этим мы встречаемся с новым страхом — перед окончательностью. Тогда мы понимаем, что наша деятельность, материальные и духовные богатства, проходящие через наши руки, изменчивы, что наши жизненные силы слабеют, что не существует ничего абсолютного и постоянного — и нами овладевает новый страх перед преходящим. Затем мы переживаем период разлук и расставаний, дети оставляют нас и основывают собственные семьи, умирают близкие

нам люди, и мы начинаем понимать, что должны обучаться постепенно отпускать все, что нам принадлежало. Это является причиной возникновения нового варианта страха перед одиночеством. В последней фазе жизни нас ожидает собственная смерть, которую никто не может отменить или разделить с нами, — и мы встречаемся с новым страхом перед самоотдачей, теперь уже в форме смерти. Круг нашего существования замкнулся этим последним шагом в неизвестность, из которой мы совершили наши первые шаги.

Разумеется, некоторые люди, не решаясь совершить эти шаги, буквально убегают в прошлое: они не воспринимают старости и любой ценой желают оставаться молодыми, они тем больше цепляются за свою собственность, чем меньше у них сил и времени жизни, в старости они снова становятся детьми, сосредотачивая свои интересы только на еде и питье, на своем пищеварении и здоровье, и заканчивают свою жизнь беспомощными старцами, мало отличающимися от беспомощных младенцев.

Читатель, быть может, будет разочарован, когда попытается узнать себя самого в описанных четырех личностных структурах, не найдя в себе однозначной принадлежности к тому или иному типу, но открыв в себе один из основных видов страха. Мне представляется реалистичным говорить об основном страхе и о личностной структуре, которая никогда не бывает представлена в чистом виде. Такая однозначность больше соответствует нашей потребности в ясных и четких определениях и системе ограничений, нежели действительной жизни, которая такую систему разрушает. Когда мы себя со своими основными импульсами и соответствующими страхами соотносим с общечеловеческой данностью и когда их внешние проявления связываем с переживаниями ранних фаз детского развития, через которые мы все проходим, то распознаем у себя все эти черты в форме возможностей. Мы должны даже сказать, что мы тем больше жизнеспособны, чем больше в нас представлены все четыре личностных типа или когда ни один из четырех импульсов в нас не срабатывает в полной мере — это означает, что мы относительно благополучно прошли через все фазы нашего детства, в которых проявляются соответствующие побуждения и страхи. Однозначно выделяющаяся личностная структура свидетельствует о раннем нарушении развития и приводит нас к выводу о том особом значении, которое имеет для здорового развития личности раннее детство.

Участь, которая ожидает нас при действии четырех импульсов развития, зависит от встречи со следующими факторами: мы приносим в мир нашу «первую натуру», которую астрология прежде называла гороскопом; сюда же относится и наша наследственная предрасположенность, с которой мы знакомимся в течение нашего развития; и мы приобретаем нашу «вторую натуру» при встрече и установлении взаимоотношений с нашим ранним и поздним окружением, тем самым замутняя, делая менее проницаемой, отчуждая нашу «первую натуру». Если такое отчуждение между первичной натурой и предрасположенностью, с одной стороны, и воспитанной и приобретенной второй натурой — с другой достигает степени разрыва между ними, мы заболеваем. Приведенные примеры со всей ясностью показывают, какого размера достигают патогенетические воздействия внешней среды. Прежде всего это касается нашего раннего семейного окружения с его социокультурным влиянием, поскольку наши родители сознательно или подсознательно поддерживают или отвергают господствующие коллективные критерии и во время воспитания ребенка прививают, ему коллективные ценности или заставляют от них отказываться. Если не принимать во внимание грубое пренебрежение детством и нанесение детям ущерба, что свидетельствует о болезни родителей, мы можем сказать, что не только родители определяют судьбу своих детей, но и дети формируют участь своих родителей.

Необычная дифференцированность, богатство задатков, которые имеют столь выраженное индивидуальное различие, так же как длительная с детского периода зависимость от родителей, упрямство или беспомощность могут нести определенную угрозу для образа жизни других людей. Даже если ребенок импонирует родителям, если они с радостью дарят ему свою любовь, если эта любовь проявляется по отношению к ребенку без всяких ограничений, даже тогда наше сосуществование с ним встречает некоторое сопротивление, так как мы вынуждены отказаться от некоторых желаний, для того чтобы ребенок мог жить и развиваться. С другой стороны, нам бывает трудно понять индивидуальность ребенка и сочувствовать его своеобразию, в связи с чем мы прилагаем усилия для того, чтобы любить его, преодолевать возникающее между нами отчуждение и предоставить ему те возможности, которых он от нас ожидает. Наконец, нас гложет тревога из-за того, что мы недостаточно заботливы, мы переживаем его беспомощность, нас волнует то, что мы можем как следует выполнять родительские обязанности — все это имеет отношение к нашей судьбе и является обратной стороной нашего долга и нашего чувства вины. И если мы хотим избежать нанесения ребенку вреда, то, прежде всего, должны больше знать о его ранних потребностях и избегать ошибок в собственном поведении. С другой стороны, появляется шанс такие вредные и затрудняющие развитие ребенка воздействия рано распознать и корректировать. Для этого современная «большая психотерапия» предоставляет много возможностей: игровая терапия, консультации по воспитанию, семейная терапия, поведенческая и коммуникативная терапия, брачные консультации, психотерапия супружеских пар или индивидуальная психотерапия тех членов семьи, чье поведение угнетает или беспокоит ребенка. Мы считаем необходимыми и само собой разумеющимися терапевтические исследования при часто повторяющихся и длительных соматических заболеваниях у детей и полагаем обязательным приглашение врача для профилактических осмотров школьников. Однако при проведении обязательных профилактических мероприятий при обследовании школьников мы странным образом не интересуемся их психическим состоянием, конфликтами между детьми и родителями, детьми и учителями, несмотря на то что сегодня мы хорошо знаем, что в основе многих соматических заболеваний лежат психические и психологические причины и что ранние душевные травмы и вредности имеют много (в том числе и соматических) последствий. Здесь мы еще остаемся варварами, которые не желают приложить усилия для преодоления собственного невежества и из-за лени сердца наносят вред окружающим. Родители, воспитатели и государственные институты должны прилагать совместные усилия для профилактики невротического развития в своих же собственных интересах. И еще раз о тематике страхов. Если мы наш мучительный страх будем понимать также как указание на необходимость поиска ошибок в собственном поведении или как боязнь новых требований жизни, вследствие которых мы не решаемся на новый шаг в своем развитии, мы должны принять и понять его как приглашение к выходу на новую ступень нашего развития, как призыв к новой свободе и, вместе с тем, к новому порядку и новой ответственности. В этом смысле мы должны рассматривать страх в его позитивном, творческом аспекте, как инициатора перемен. Быть может, приведенные во вступлении аллегории помогут нам осознать наше участие в динамических силах, которые при всей их противоречивости поддерживают определенный порядок в подвижном равновесии жизни и которые отнюдь не означают застой или обездвиженность, но предупреждают хаос. Каждое усиление или каждое выпадение одного из космических двигательных импульсов угрожает нашей Солнечной системе разрушением. Так и на человеческом

уровне — каждое одностороннее усиление или выпадение одного из основных импульсов угрожает нашей внутренней организации и может привести к болезни. В нашем участии в этих космических силах и, с другой стороны, в нашем отражении межчеловеческих отношений проявляется двойственный аспект нашего существования. Это человек в его вечном аспекте, с его участием во вневременном, вне-личностном порядке и законах и общечеловеческих процессах, и человек в его временном аспекте, как историческая сущность и единственный в своем роде индивидуум с его столкновением между предуготованным окружением и предрасположенностью, в котором он должен развиваться и вырасти. Ограниченное временем существование мы приобретаем в качестве нашей индивидуальной биографии и нашей типологии с ее односторонностью и ограниченностью; как человек вообще, как часть человечества мы представляем совершенство и гармонию в нас самих, которая выходит за наши собственные пределы, и временную ограниченность в осознании себя как части человеческого сообщества вне времени, культурных особенностей и расовой принадлежности. Когда некоторые из нас хотят сознательно переработать страх перед самоотдачей, они стремятся к любящему доверию и открытости в межчеловеческих отношениях и одновременно освобождают свою индивидуальность от страха, защищая свою безопасность. Когда мы испытываем страх перед преходящим, то стремимся сделать дорогу нашей жизни более плодотворной и исполненной смысла. Наконец, если мы воспринимаем окружающий нас мир в сознании необходимости и неизменности заложенных в нем закономерностей, без страха перед тем, что эти законы ограничат нашу свободу, тогда о таких людях можно без всякой натяжки сказать, что они в высшей сте-